

**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

2024. Т. 46, № 3

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)**

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

2024. Т. 46, № 3

Главный редактор

Е. С. Сенявская, доктор исторических наук, профессор
Институт российской истории РАН
(Москва, Российская Федерация)

Зам. главного редактора

А. В. Пигин, доктор филологических наук, профессор
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
Карельский научный центр РАН
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Ответственный секретарь журнала

Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.
Тел. (8142) 76-97-11
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrso.ru

Редакционный совет

- Е. В. АНИСИМОВ**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский институт истории РАН (Санкт-Петербург, Россия)
- В. Н. БАРЫШНИКОВ**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
- Ю. А. ВАСИЛЬЕВ**
д. и. н., профессор, Московский гуманитарный университет (Москва, Россия)
- М. А. ВИТУХНОВСКАЯ**
д. философии, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)
- В. Н. ЗАХАРОВ**
д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет; Почетный президент Международного общества Достоевского (IDS) (Москва, Россия)
- С. Т. ЗОЛЯН**
д. ф. н., профессор, Национальная академия наук Армении (Ереван, Армения)
- Ю. ИНОУЭ**
к. ф. н., профессор, Университет Дзэти (Токио, Япония)
- И. И. МУЛЛОНЕН**
д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)
- С. А. МЫЗНИКОВ**
д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)
- В. А. ПЛУНГЯН**
д. ф. н., профессор, академик РАН, Институт русского языка имени В. В. Виноградова (Москва, Россия)
- К. СКВАРСКА**
д. философии, Славянский институт Академии наук Чешской Республики (Прага, Чехия)
- Н. А. ФАТЕЕВА**
д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)
- М. А. ЧЕРНЯК**
д. ф. н., профессор, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)

Редакционная коллегия

- А. В. АНТОЩЕНКО**
д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- М. А. БОБУНОВА**
д. ф. н., профессор, Курский государственный университет (Курск, Россия)
- С. Г. ВЕРИГИН**
д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- В. И. ГОЛДИН**
д. и. н., профессор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)
- Т. А. ГРИДИНА**
д. ф. н., профессор, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)
- Р. ГРЮНТХАЛЬ**
д. философии, профессор, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)
- Н. В. ДРАННИКОВА**
д. ф. н., профессор, Европейский университет в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия)
- П. М. ЗАЙКОВ**
д. ф. н., профессор, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)
- С. Г. КАЩЕНКО**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
- Д. В. КОБЛЕНКОВА**
д. ф. н., профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова (Москва, Россия)
- С. И. КОЧКУРКИНА**
д. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)
- А. Ф. КРИВОНОЖЕНКО**
к. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)
- Ю. В. КРИВОШЕЕВ**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
- П. А. КРОТОВ**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
- А. Е. КУНИЛЬСКИЙ**
д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- Е. И. ЛЕЛИС**
д. ф. н., профессор, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)
- О. В. НИКИТИН**
д. ф. н., профессор, Государственный университет просвещения (Мытищи, Россия)
- Н. В. ПАТРОЕВА**
д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- А. М. ПАШКОВ**
д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- А. А. ПОПОВ**
д. и. н., профессор, Коми научный центр УрО РАН (Сыктывкар, Россия)
- И. А. РАЗУМОВА**
д. и. н., профессор, Кольский научный центр РАН (Апатиты, Россия)
- М. Ф. РУМЯНЦЕВА**
к. и. н., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)
- В. И. СУПРУН**
д. ф. н., профессор, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия)
- Л. Л. ШЕСТАКОВА**
д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)
- Ю. Г. ШИКАЛОВ**
д. философии, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)

ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)

Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation

PROCEEDINGS OF PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY

2024. Vol. 46, No 3

Editor-in-Chief

Elena S. Senyavskaya, Doctor of Sciences in History, Professor
Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

Deputy Editor-in-Chief

Alexander V. Pigin, Doctor of Sciences in Philology, Professor
Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg, Russia)
Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
(Petrozavodsk, Russia)

Executive Secretary

Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Sciences in Philology
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)

Editorial office address
Petrozavodsk State University
33 Lenin Ave., Petrozavodsk,
185910, Russian Federation
+7 (8142) 769711
E-mail: uchzap@mail.ru

Website: uchzap.petsu.ru

© Petrozavodsk State University, 2024

Editorial Board

- E. ANISIMOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg Institute of History of RAS (St. Petersburg, Russia)
- V. BARISHNIKOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- YU. VASIL'EV**
Doctor of History, Professor, Moscow University for the Humanities (Moscow, Russia)
- M. VITUKHNOVSKAYA**
Doctor of Philosophy, University of Helsinki (Helsinki, Finland)
- V. ZAKHAROV**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University, President of the International Dostoevsky Society (Moscow, Russia)
- S. ZOLYAN**
Doctor of Philology, Professor, National Academy of Sciences of Armenia (Yerevan, Armenia)
- Y. INOUE**
PhD in Philology, Jochi University (Tokyo, Japan)
- I. MULLONEN**
Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- S. MIZNIKOV**
Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member, Institute of Linguistic Studies of RAS (St. Petersburg, Russia)
- V. PLUNGIAN**
Doctor of Philology, Professor, RAS Academician, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- K. SKWARSKA**
Doctor of Philosophy, Slavonic Institute of the Academy of Sciences of the Czech Republic (Prague, Czech Republic)
- N. FATEEVA**
Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- M. CHERNYAK**
Doctor of Philology, Professor, Herzen State Pedagogical University (St. Petersburg, Russia)

Editorial Council

- A. ANTOSHCHENKO**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- M. BOBUNOVA**
Doctor of Philology, Professor, Kursk State University (Kursk, Russia)
- S. VERIGIN**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- V. GOLDIN**
Doctor of History, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)
- T. GRIDINA**
Doctor of Philology, Professor, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)
- R. GRYÜNTAL**
Doctor of Philosophy, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)
- N. DRANNIKOVA**
Doctor of Philology, Professor, European University at St. Petersburg (St. Petersburg, Russia)
- P. ZAYKOV**
Doctor of Philology, Professor, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)
- S. KASHCHENKO**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- D. KOBLENKOVA**
Doctor of Philology, Professor, Russian State University of Cinematography named after S. Gerasimov (Moscow, Russia)
- S. KOCHKURKINA**
Doctor of History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- A. KRIVONozHENKO**
PhD in History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- YU. KRIVOSHEEV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- P. KROTOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- A. KUNIL'SKIY**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- E. LELIS**
Doctor of Philology, Professor, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)
- O. NIKITIN**
Doctor of Philology, Professor, State University of Education (Mytishchi, Russia)
- N. PATROEVA**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- A. PASHKOV**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- A. POPOV**
Doctor of History, Professor, Komi Science Centre of the Ural Branch of RAS (Syktyvkar, Russia)
- I. RAZUMOVA**
Doctor of History, Professor, Kola Science Centre of RAS (Apatity, Russia)
- M. RUMYANTSEVA**
PhD in History, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow, Russia)
- V. SUPRUN**
Doctor of Philology, Professor, Volgograd State Socio-Pedagogical University (Volgograd, Russia)
- L. SHESTAKOVA**
Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- YU. SHIKALOV**
Doctor of Philosophy, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	7	МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ»	
РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ			
<i>Лелис Е. И.</i>		<i>Маркова Е. М.</i>	
Медиатекст как зеркало «человека медийного» (функционально-стилевой аспект)	8	Билингвальное этимологическое гнездо в лингвистическом и лингводидактическом аспектах	76
<i>Минеева З. И., Николаев А. А.</i>		<i>Попова Т. И.</i>	
Новые предикативы: образование, семантика, употребление.	14	Внутренняя речь в композиционной структуре романа Ксении Букши «Адвент».	83
<i>Новак И. П.</i>		<i>Веселовская Т. С.</i>	
Сужающиеся дифтонги в диалектной системе карельского языка	21	Социокультурный компонент как маркер сложности текста (по данным учебников по русскому языку как иностранному).	91
ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО- СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА		<i>Дьячкова И. Н.</i>	
<i>Тарланов З. К.</i>		Лингвистические основы изучения русских числительных в иностранной аудитории	98
Качество изучаемого языкового материала и язы- кознание как наука	28	<i>Лапошина А. Н.</i>	
<i>Грунченко О. М., Кулева А. С.</i>		Единый частотный профиль слова как инстру- мент отбора лексики в обучении языку	107
К вопросу о представлении названий растений в толковом словаре	36	<i>Обухова Т. М.</i>	
РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ		Корпусные инструменты в прикладных лингви- стических задачах	114
<i>Шилова Н. Л., Румянцева А. Д.</i>		Рецензии	
Метрические особенности книги стихов Бориса Рыжего «И всё такое...»	45	<i>Чикина Н. В.</i>	
<i>Баранов Н. И., Эргардт Е. Г.</i>		Рец. на кн.: Современный удмуртский рассказ. Антология / Под общей редакцией А. Н. Варла- мова; Автор-составитель В. Г. Пантелеева.	120
О персонаже Семен Башкин в романе Б. Житкова «Виктор Вавич»	53	Юбилей	
ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ МИРА		К 70-летию со дня рождения З. И. Минеевой	122
<i>Мизонова А. Н.</i>		Научная информация	
Специфика образа героя финской подростковой антиутопии	60	<i>Котов А. А.</i>	
ФОЛЬКЛОРИСТИКА		Актуальные проблемы преподавания русского языка как иностранного в современном образо- вании – 2023	123
<i>Сухоцкая И. В., Лойтер С. М.</i>		Contents	124
Карельская народная сказка «Царь Давид»: к во- просу о жанровой традиционности и идентичности	67		

Научный журнал «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» является продолжением журнала 1947–1975 гг.

Журнал перерегистрирован в Перечне рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по научным отраслям «Исторические науки» (с 20.12.2022 года) и «Филологические науки» (с 21.02.2023 года)

Журнал включен в Европейский индекс цитирования по гуманитарным наукам ERIH PLUS

Журнал включен в единый реестр научных изданий и публикаций стран Северной Европы «The Nordic List» с 2020 года

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Журнал индексируется поисковой системой Google Scholar

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory»

Сведения о журнале и его архиве передаются в открытую научную электронную библиотеку «CYBERLENINKA» и размещаются по адресу: cyberleninka.ru

Требования к оформлению статей см.:
<http://uchzap.petrso.ru/req.php>

Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор С. Л. Смирнова. Корректор И. Н. Дьячкова. Переводчик А. В. Ананьина. Верстка Е. В. Лавреновой

Дата выхода в свет 29.03.2024. Формат 60x90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 45 экз.). Изд. № 27

16+

Индекс 66094. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-69487

от 25 апреля 2017 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии Издательства Петрозаводского государственного университета

Адрес редакции, издателя и типографии:

185910, Республика Карелия,

г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

**ЧЛЕН РЕДАКЦИОННОЙ
КОЛЛЕГИИ ЖУРНАЛА**

Доктор филологических наук,
главный научный сотрудник
Отдела корпусной лингвистики
и лингвистической поэтики
Института русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
Л. Л. Шестакова

Larisa L. Shestakova,
Editorial Council Member,
Dr. Sc. (Philology), Chief
Researcher, V. V. Vinogradov
Russian Language Institute
of the Russian Academy
of Sciences

**УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ
НАШЕГО ЖУРНАЛА!**

Очередной филологический номер продолжает публикацию статей об актуальных проблемах современного языкознания, теоретической, прикладной и сравнительно-сопоставительной лингвистики, изучения русской и мировой литературы. Также представлены статьи, подготовленные по материалам Международной конференции «Актуальные проблемы преподавания русского языка как иностранного в современном образовании – 2023».

Лингвистические статьи заинтересуют читателя не только широтой тематики, но и современностью методов анализа материала, разнообразием использованных источников. Так, в рубрике о русском языке и языках народов России рассматриваются изменения в функционально-стилевых характеристиках медиатекста, «новые предикативы» – слова категории состояния, пополнившие русский лексикон в последние годы, сужающиеся дифтонги в диалектной системе карельского языка.

Отрадно, что журнал активно сотрудничает с такими центрами русистики, как Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН и Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина. Первый из них представлен обстоятельным исследованием, посвященным описанию фитонимов в современном толковом словаре; второй – статьями, составившими часть материалов названной выше конференции. Обращает на себя внимание статья, в центре которой концепция единого частотного профиля слова, аккумулирующего информацию о его частотности по разным словарям и корпусам.

Отдельно упомянем статью профессора З. К. Тарланова, исследующего характер связи между национальной культурой и развитием научной, в частности лингвистической, мысли. Работа строится на основе языкового материала, методов и методологии, составляющих содержание классических трудов европейского и русского языкознания XIX–XX вв.

В статьях литературоведческих рубрик рассматриваются метрические особенности стихов Б. Рыжего, историко-биографические шифры в системе персонажей романа «Виктор Вавич» Б. Житкова, образ главной героини популярного романа финской писательницы Эмми Итяранта «Дневник чайного мастера» в контексте характеристики типичного героя молодежной антиутопии. Большой интерес для фольклористов представляет впервые проведенный анализ карельской народной сказки «Царь Давид».

Рубрика «Юбилей» посвящена профессору кафедры русского языка Института филологии ПетрГУ З. И. Минеевой.

ЕЛЕНА ИВАНОВНА ЛЕЛИС

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций факультета социальных технологий
Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-1681-5840; elena-lelis@mail.ru

МЕДИАТЕКСТ КАК ЗЕРКАЛО «ЧЕЛОВЕКА МЕДИЙНОГО» (функционально-стилевой аспект)

А н н о т а ц и я . Предпринята попытка осмысления изменений в медиатексте с точки зрения его функционально-стилевых характеристик, включая особенности жанра (формата), использования языковых средств и речевой креативности. Эти изменения обусловлены взаимной зависимостью современного общества и медиа, что коренным образом повлияло на характер и структуру массовой коммуникации. Как ведущей единице медиапотока, медиатексту стали свойственны жанровое обогащение, синкретизм форматов, расширение багажа изобразительно-выразительных средств, акцентуализация субъективного взгляда на передаваемую информацию, демократизация в применении языковых средств, в том числе более широкое использование стилистически сниженной и эмоционально-оценочной лексики, фразеологизмов, конструкций, характерных для разговорного синтаксиса, и др., – таких языковых ресурсов, которые отражают языковую картину мира «человека медийного» как участника массовой коммуникации. Исследование этих особенностей современного медиатекста как зеркала «человека медийного» дает возможность научного осмысления медиакоммуникации как одного из важнейших видов деятельности современного человека.

К л ю ч е в ы е с л о в а : медиатекст, человек медийный, функциональный стиль, медиакоммуникация, жанр, формат, автор

Д л я ц и т и р о в а н и я : Лелис Е. И. Медиатекст как зеркало «человека медийного» (функционально-стилевой аспект) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 3. С. 8–13. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1018

ВВЕДЕНИЕ

Сложность и многоаспектность современного медиатекста поставили перед исследователями комплексные задачи по его изучению, включая функционально-стилистический, психолингвистический, концептуальный, культурологический, социологический, юридический, прагматический и другие подходы.

Медиатексты – одна из наиболее распространенных и востребованных форм бытования современного русского языка. Их общая протяженность значительно превышает объем речи в других сферах деятельности человека, в которых необходимо речевое взаимодействие. Медиатекст представляет собой речевое сопровождение разного вида деятельности современного человека и становится медийным отражением его жизненных установок, ценностных прин-

ципов, профессионального опыта и др. Медиатексты взяли на себя роль важнейших форм коммуникации в политике [5], научной сфере [8] и в области популяризации науки [1], в образовании [3], [4] и здравоохранении [9], бизнесе и деловой сфере [7], спорте¹ и т. д.

В современном представлении медиатекст – это «сообщение, изложенное в любом виде и жанре медиа (газетная статья, телепередача, видеоклип, фильм и пр.)»². Медиатекст – ведущая единица современного медиапотока, знаковое явление смешанного типа, которое сочетает в себе вербальные и аудиовизуальные коды, характеризуется широким разнообразием жанрового формата, функционально-стилевых возможностей, способов языкового воплощения и мощными рычагами воздействия на участников медиакоммуникации. Кроме того, именно в медиатексте две

прежние формы существования языка – устная и письменная – образовали третью, устно-письменную – форму, вобравшую в себя признаки первых двух и давшую мощный толчок к развитию новых коммуникативных форм.

При переносе классического текста в медиасреду он получает «новые смысловые оттенки» и «медийные добавки» [4], [6], «приобретает расширительное толкование и – в итоге – выходит за пределы знаковой системы языка, приближаясь к его семиотическому пониманию» [10: 7].

Широкий спектр исследовательских аспектов привел к новым горизонтам осмысления самого человека в пространстве медиасреды. Поэтому вполне закономерен факт введения в научный обиход нового понятия, авторство которого принадлежит Е. Л. Вартановой, – «человек медийный». Исследователь рассматривает его как способ номинации современного человека, который не только большую часть своего времени проводит в медиапространстве (от 9 до 11 часов), но и активно включен в медиакommunikацию. Кроме того, это понятие хорошо встраивается в традиционную общенаучную терминологическую систему наряду с «человеком естественным» (Дж. Локк), «человеком общественным» (Ж.-Ж. Руссо), «человеком экономическим» (А. Моль) и др. Как отмечает Е. Л. Вартанова,

«современный человек превращается в “человека медийного” (*homo mediatu*s), и это становится сегодня важнейшей особенностью общества. “Человек медийный” – это член общества, бытие которого определяется и в значительной степени формируется содержанием СМИ как продуктом, производимым отдельной отраслью современной экономики – медиаиндустрией, и потребляемым в процессах массовой / социальной коммуникации, а также коммуникационными отношениями и интересами индивида» [2: 15].

Медиакоммуникация и отражает, и одновременно формирует «человека медийного». Этот процесс носит двунаправленный характер. Вербальный и невербальный коды, действуя комплексно, работают не только на сознательном, но и на подсознательном – конкретно-образном, ассоциативном – уровнях и, несмотря на то что значительно различаются в зависимости от типа медиатекста, обладают универсальной способностью оказывать существенное влияние.

Медиа́текст отражает сам способ мышления современного человека, который характеризуется глобальными изменениями. «Человек медийный» обладает высокой скоростью восприятия информации; быстро переключается между разнородными смысловыми фрагментами в ущерб

длительному сосредоточению на однородном и одностильном информационном потоке; легко воспринимает одновременно предлагаемую разнокодую информацию, отдавая предпочтение аудиовизуальной перед вербальной; способен конвертировать любой текст в практическую инструкцию; умеет работать в режиме многозадачности; требует моментального ответа на свой поисковый запрос и др. Как справедливо отмечает К. Г. Фрумкин, «интернет и новые коммуникации не столько порождают, сколько наилучшим образом воплощают и облегчают новое отношение человека к информации» [11: 36].

Эти когнитивные особенности «человека медийного» отражаются в разносторонних функционально-стилевых характеристиках медиатекста, который ориентирован не только на информирование, убеждение, эмоциональное воздействие, внушение, но и на приобретение новых знаний и рекреацию. При этом, репрезентируя основную функцию языка – коммуникативную, на первое место по целеполаганию в медиасреде вышла коммуникация.

Многоаспектные задачи, стоящие перед медиатекстом как зеркалом «человека медийного», вызывают в этой единице медиапотока существенные языковые, жанрово-композиционные и функционально-прагматические изменения, которые позволяют ему выступать в качестве универсального средства взаимодействия в любой официальной и профессиональной сфере или при личных взаимоотношениях, в том числе для людей с разным интеллектуальным, образовательным уровнем, аксиологическими установками, отличающимися по полу, возрасту, месту жительства, профессии, уровню доходов, кругу интересов и т. д. Так, в современном медиатексте активно и креативно задействованы средства всех языковых уровней: от фонетических (логическое ударение, паузы, интонация, темп), лексических (лексика ограниченного употребления, обыгрывание многозначных слов, эмоционально-оценочная лексика, неологизмы, образные средства) и фразеологических (широкое использование фразеологизмов, пословиц и поговорок, афоризмов, многочисленных единиц неофразеологии и др.) до словообразовательных, грамматических, графических, орфографических и стилистических.

* * *

Приведем несколько примеров из медиатекстов ведущих СМИ г. Санкт-Петербурга, традиционных и электронных, среди которых лиде-

ры медиарейтинга – российская информационная и общественно-политическая электронная газета Fontanka.ru, главный городской телеканал 78.ru и «Петербургский дневник» – ежедневная общественно-политическая газета, официальное издание Правительства Санкт-Петербурга. Обратимся к недавним медиаматериалам. Так, в лидах и заголовках частотны **фразеологизмы**:

«Шляпа Наполеона ушла с молотка во Франции за рекордные €1,9 млн» [телеканал 78.ru, <https://78.ru/news/2023-11-19/>];

«В Петербурге продлят мораторий на закон о реформации хрущёвок. “Болевые точки” ещё есть» [газета «Деловой Петербург», <https://www.dp.ru/a/2023/11/21/v-peterburge-prodljat-moratorij/>].

В лидах и в самих текстах журналистских материалов частотна **стилистически сниженная лексика**:

«Откусывали от будущего. Как корабли пожирают верфи Выборга» [сетевое издание 47news, <https://47news.ru/articles/241231/>];

«Легковой автомобиль выехал в лоб автобусу на Большеохтинском. Есть пострадавшие» [<https://www.fontanka.ru/2023/11/30/72967781/>];

«Лишь спустя месяц задержали подростка, стрелявшего в учительницу на Яхтенной» [интернет-газета Neva.today, <https://neva.today/news/2023/11/21/480448/>];

«Мама Михаила Горшенева: Мишута бы сказал о выставке: “Муся, супер! Стопудово!”» [ежедневная информационная газета «Метро», <https://www.metronews.ru/novosti/peterbourg/>].

В материалах СМИ частотна **эмоционально-оценочная лексика**:

«Стали известны невероятные подробности самого большого джекпота в 2 млрд долларов [официальный сайт телеканала «Санкт-Петербург», <https://tvspb.ru/news/2023/11/21/stali-izvestny-pugayushhie-podrobnosti-samogo-bolshogo-dzhekpot-a-v-2-mlrd-dollarov/>];

«В Ленобласти, в отличие от Петербурга, снег припорошил землю, деревья и дома, а водоемы сковал лед. Особенно волшебным выглядит парк Монрепо, расположенный в Выборге» [независимая интернет-газета Мойка78, <https://moika78.ru/news/2023-11-19/928372-zimnyaya-skazka-v-parke-monrepo/>].

Все чаще наблюдается использование **разговорных синтаксических конструкций**:

«Еще столетие назад туберкулез уносил жизни сотен тысяч жителей России. А Петербург и вовсе был “чахоточной столицей” нашей империи долгое время. Прошли годы, и сегодня показатели заболеваемости туберкулезом в нашем городе находятся на историческом минимуме. Конечно же, такое признание досталось не вдруг и не сразу» [ежедневная общественно-политическая газета «Санкт-Петербургские ведомости», 23 ноября 2023 г.];

«– Выборы что ли? – интересуется пассажир электробуса № 17, когда ему предлагают газету. Не со-

всем так: просто совместная акция “Моего района” и “Горэлектротранса”» [публик «ВКонтакте» газеты «Мой район», <https://vk.com/public165284396>].

Довольно часто авторы публикаций не проявляют пиетета к правилам русской орфографии. Так, в названии одной из цивилизаций Мезоамерики на официальном сайте телеканала Piter.tv видим написание *майя* с прописной буквы:

«На фасаде музейного корпуса Кунсткамеры в Таможенном переулке открылась мемориальная доска, посвящённая этнографу Юрию Кнорозову. Учёный первый в мире расшифровал письменность *Майя*» [Piter.tv, https://piter.tv/event/Memorialnaya_doska_etnografu_Yuriyu_Knorozovu_spb/].

Встречаются примеры использования разговорного синтаксиса и пунктуирования текста, отражающего непринужденную устную речь. Обратим внимание на частотность использования тире, фиксирующего ритмико-интонационный рисунок такой речи:

«Дистанционное мошенничество становится всё более серьёзной проблемой. Легенда – чётко выверена. На каждый вопрос – сходу – убедительный ответ. И если дашь слабину хоть на секунду – из телефонного капкана уже не выбраться. Как преступники промывают мозги своим жертвам и забирают у людей последнее» [телеканал 78.ru, <https://78.ru/articles/2023-11-14/ostorozhno-moshenniki-kak-prestupniki-promivayut-mozgi-i-zabirayut-u-lyudei-poslednee/>] и т. д.

Язык медиатекста становится все более богатым и разнообразным, сам медиатекст – мульти-модальным креативным продуктом и эффективным коммуникационным средством, а медиакommunikация – все более естественной формой взаимодействия. Кроме того, наблюдается существенное увеличение разнообразия жанров и их частотности – эссе, комментариев, журналистское расследование, исповедь, версия, беседа, колонка, лонгрид и др.

С другой стороны, с жанрово-композиционной точки зрения современный медиатекст, отражая нелинейность мышления «человека медийного», проявляет склонность к жанровой диффузности. Не всегда удается однозначно определить жанр медиатекста – репортаж, интервью, отчет, статью, корреспонденцию, рецензию, очерк, фельетон. В качестве примера можно привести новость о погоде в Санкт-Петербурге (синкретизм жанров короткого сообщения и лирической зарисовки):

«Петербург укутало “одеялом”. Посмотрите, как плавно на город опускается снег.

Днем 21 ноября в Петербурге пошел крупный и обильный снег, за несколько часов укрыв улицы белым

одеялом. *Посмотрите*, как преобразился город к середине дня.

Ветер в Петербурге слабый – по данным ФГБУ «Северо-Западное управление по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды», всего 2–3 м/с, и снег опускается на город *плавно и неспешно*. Над видео, присланном нашим читателем, *можно медитировать – настолько оно гипнотическое*.

За несколько часов, судя по фото, насыпать успело несколько сантиметров. В скверах, на газонах и припаркованных автомобилях уже образовались небольшие снежные шапки. А на реках появляется снегура. К 4 часам дня снегопад стих» [<https://www.fontanka.ru/2023/11/21/72936860/>].

На безоценочно предьявляемую информацию о начале и завершении снегопада с указанием силы ветра (особенность информационной журналистики) накладываются субъектность, образность, изобразительно-выразительные средства, вызывающие ответный эмоциональный отклик читателя и характерные для художественно-публицистических жанров.

Интерес вызывают примеры синкретизма аналитической статьи и отчета. Такой жанровый формат был выбран автором материала о смене квитанций по оплате жилищно-коммунальных услуг, размещенном на официальном сайте телеканала 78.ru:

«Стоять часами: чем оборачивается введение единых квитанций за ЖКУ для петербуржцев?

Через год в Петербурге не останется привычных розовых квитанций за ЖКУ. Многие уже получают единые белые платёжки, в которых предлагается сразу внести средства за свет, воду, капремонт, вывоз мусора, телевидение. Но новшеству, призванному упростить жизнь, рады не все. Чтобы просто выяснить, правильно ли начисляли платежи, теперь приходится стоять часами в очередях.

<...> Денис Шабарин в ответ обвинил... самих плательщиков.

– Люди реально там договариваются: «А, давай, пойдём туда в этот “Петроэлектросбыт” и там поговорим. Это как клуб по интересам”. Я вообще не понимаю людей 30–40 лет, которые активно пользуются соцсетями, мессенджерами и приложениями и не хотят платить online в личном кабинете. Это же так просто, – возмутился он» [телеканал 78.ru, <https://78.ru/articles/2023-11-21/stoyat-chasami-chem-oborachivaetsya-vvedenie-edinih-kvitancii-za-zhku-dlya-peterburzhcev>].

Акцентуализация субъективной составляющей, характерной для аналитической статьи, которая, как правило, посвящена злободневной проблеме, сочетается с жанром отчета о заседании ЗАГСа Санкт-Петербурга, на котором слушался вопрос о платежах за ЖКУ: в публикацию включены обширные цитаты из выступления генерального директора АО «ЕИРЦ Петербурга»

Дениса Шабарина с развернутыми комментариями, дополнительной информацией, риторическими вопросами и многосмысленными многоточиями от редакции телеканала. Налицо и ряд структурных изменений: гипертекстовая организация текстового пространства; элементы монтажа в материалах разных жанров; акцентуализация ключевых моментов повествования; использование приема эффекта присутствия и приема потока сознания, позволяющего передавать личные переживания автора, наглядно и живо представлять людей и события, которые не являются информационным поводом; рассказ от первого лица; повествование в грамматической форме настоящего актуального времени; языковая эпатажность; легализация речевой агрессии; широкий ассоциативный круг, открытая эмоциональная оценка передаваемой информации, в том числе и в информационных жанрах, и др. Так, в материале «Усы, лапы и хвост: как петербургский бизнес помогает спасти бездомных животных» «Делового Петербурга» – городской газеты, которая заметно выделяется на фоне многих других изданий города сдержанностью в оценках и традиционным следованием общепринятым стилистическим нормам, оставляет за автором материалов право на выражение эмоционального отношения к фактам, событиям и героям журналистских изысканий, можно увидеть живую реакцию издания и человеческое отношение автора к публикуемой информации:

«Во II квартале текущего года средняя сумма пожертвований от одного человека из Северной столицы в разные благотворительные фонды превысила 880 рублей. Это на 6 % больше, чем во II квартале прошлого года.оборот платежей увеличился на 42 %, а количество пожертвований – на 33 %. Для сравнения: по Москве и Подмосковию средняя сумма составила 696 рублей. Данных конкретно по пожертвованиям на животных не приводится, но тенденция *всё равно отличная*» [<https://www.dp.ru/a/2023/11/21/sud-snovazichit-problemu>].

Еще пример. Авторы интервью, взятого у одного из видных петербургских археологов, напоминают, что редакция помнит об обещании задать ученому присланные читателями вопросы, а также приглашает проявить любопытство и с удовольствием прочитать опубликованный материал. Так формируется атмосфера взаимного заинтересованного общения через медиа-текст:

«Как и обещали, мы задали самые интересные вопросы исследователю Адриану Селину – декану Санкт-Петербургской школы гуманитарных наук

и искусств при НИУ ВШЭ, профессору Департамента истории этой же школы, доктору исторических наук, погруженному в современную археологическую проблематику. *Ответы ищите в этом материале* [Фонтанка, <https://www.fontanka.ru/2023/11/21/72894134/>].

Функционально-прагматические характеристики современного медиатекста определяются его акцентированной возможностью мгновенной коммуникации, многоаспектного взаимодействия медиакоммуникантов и использования широкого спектра модусных инструментов формирования оценок и смыслов – всего того, что составляет существенную часть человеческой жизни как в действительности, так и в медиареальности.

Медиареальность позволяет легче и чаще менять свои представительские маски в зависимости от целей и социальных ролей. Это как нельзя более привлекательно для «человека медийного», поскольку проявление разных граней своей лич-

ности для людей не только характерно, но и естественно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, медиатекст как зеркало «человека медийного» представляет собой живую и динамичную субстанцию. С одной стороны, он отражает человека во всем многообразии и глубине его социальных ролей, аксиологических установок, концептуального осмысления мира, культурологической и психологической сторон. С другой – стимулирует его к творческому поиску, вербальным открытиям, смене представительских масок, не отрицающих откровение.

В данной статье мы рассмотрели, как медиатекст проявляет «человека медийного» – автора. Не менее интересна проблема выявления наиболее значимых черт «человека медийного» – получателя информации. Этот вопрос также находится в круге научных интересов современных исследователей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Войтик Е. А. Спортивный медиатекст: закономерности становления и парадигма развития: Дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2016. 423 с.

² Федоров А. В. Словарь терминов по медиаобразованию, медиапедагогике, медиаграмотности, медиакомпетентности. Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та, 2010. С. 29.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Басовская Е. Н., Воронцова Т. А. Современный научно-популярный радиодискурс: принцип диалогичности // Медиалингвистика. 2022. Т. 9, № 4. С. 431–445. DOI: 10.21638/spbu22.2022.409
- Варганова Е. Л. СМИ и журналистика в пространстве постиндустриального общества // Медиаскоп. 2009. № 2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/smi-i-zhurnalistsika-v-prostranstve-postindustrialnogo-obschestva?ysclid=lth3sa8fd3560120288> (дата обращения 12.10.2023).
- Грицкевич Ю. Н., Лукьянова С. В., Попова Л. М. Медиатекст и медиаграмотность в системе высшего образования // Самарский научный вестник. 2022. Т. 11, № 4. С. 253–258. DOI: 10.55355/snvt2022114304
- Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь. М.: Флинта, 2008. 263 с.
- Каминская Т. Л. Политические медиатексты и проблема доверия: современные вызовы // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. Т. 9, № 5 (41). С. 15–21. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-5-15-21
- Кузьмина Н. А. Современный медиатекст. Омск, 2011. 414 с.
- Молдавская О. Е. Коммуникативные задачи и лингвостилистические особенности текстов делового портфолио компании // Медиалингвистика: Материалы докладов участников VII Междунар. конф., Санкт-Петербург, 28 июня – 01 июля 2023 года. СПб.: ООО «Медиапапир», 2023. С. 318–321.
- Полонский А. В. Made in media: к вопросу о дискурсивных особенностях современного научного медиатекста // Медиалингвистика: Материалы докладов участников VII Междунар. конф., Санкт-Петербург, 28 июня – 01 июля 2023 года. СПб.: ООО «Медиапапир», 2023. С. 255–260.
- Поснова Е. Н., Габдуллина В. Р. Проблемы понимания и интерпретации в пространстве медицинского дискурса // Казанская наука. 2023. № 3. С. 44–46.
- Солганик Г. Я. К определению понятий «текст» и «медиатекст» // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2005. № 2. С. 7–15.
- Фрумкин К. Г. Глобальные изменения в мышлении и судьба текстовой культуры // Internum. 2010. № 1 (2). С. 26–36.

Original article

Elena I. Lelis, Dr. Sc. (Philology), Associate Professor, Professor, North-West Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (St. Petersburg, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-1681-5840; elena-lelis@mail.ru

MEDIA TEXT AS A MIRROR OF THE “MEDIA MAN” (functional-style aspect)

Abstract. An attempt has been made to understand changes in media text from the point of view of its functional and stylistic characteristics, including features of the genre (format), the use of linguistic means and speech creativity. These changes are due to the interdependence between modern society and the media, which has radically affected the nature and structure of mass communication. As the fundamental unit of the media flow, media text has become characterized by genre enrichment, syncretism of formats, expansion of the range of visual and expressive means, accentuation of the subjective view of the transmitted information, democratization in the use of linguistic means, including the wider use of stylistically reduced and emotional-evaluative vocabulary, phraseological units, constructions characteristic of conversational syntax, and other linguistic resources that reflect the linguistic picture of the world of the “media individual” as a participant in mass communication. The study of these features of modern media text as a mirror of the “media man” enables a scholarly comprehension of media communication as one of the most important activities of modern individuals.

Keywords: media text, media individual, functional style, media communication, genre, format, author

For citation: Lelis, E. I. Media text as a mirror of the “media man” (functional-style aspect). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(3):8–13. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1018

REFERENCES

1. Basovskaya, E. N., Vorontsova, T. A. Modern popular science radio discourse: the principle of dialogicity. *Media Linguistics*. 2022;9(4):431–445. DOI: 10.21638/spbu22.2022.409 (In Russ.)
2. Vartanova, E. L. Mass media and journalism in post-industrial society. *Mediascope*. 2009;2. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/smi-i-zhurnalistika-v-prostranstve-postindustrialnogo-obschestva?ysclid=lth3sa8fd3560120288> (accessed 12.10.2023). (In Russ.)
3. Gritskevich, Yu. N., Lukyanova, S. V., Popkova, L. M. Media text and media literacy in the higher education system. *Samara Journal of Science*. 2022;11(4):253–258. DOI: 10.55355/snv2022114304 (In Russ.)
4. Dobroslonskaya, T. G. Media linguistics: a systematic approach to the study of media language: modern English media speech. Moscow, 2008. 263 p. (In Russ.)
5. Kaminskaya, T. L. Political media texts and the problem of confidence: modern challenges. Humanities and Social Sciences. *Bulletin of the Financial University*. 2019;9(5(41)):15–21. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-5-15-21 (In Russ.)
6. Kuzmina, N. A. Modern media text. Omsk, 2011. 414 p. (In Russ.)
7. Moldavskaya, O. E. Communicative tasks and linguistic-stylistic features of the texts of a company’s business portfolio. *Media linguistics: Proceedings of the VII International conference, St. Petersburg, 28 June – 01 July 2023*. St. Petersburg, 2023. P. 318–321. (In Russ.)
8. Polonsky, A. V. Made in media: on the issue of discursive features of modern scientific media text. *Media linguistics: Proceedings of the VII International conference, St. Petersburg, 28 June – 01 July 2023*. St. Petersburg, 2023. P. 255–260. (In Russ.)
9. Posnova, E. N., Gabdullina, V. R. Problems of understanding and interpretation in the space of medical discourse. *Kazan Science*. 2023;3:44–46. (In Russ.)
10. Solganik, G. Ya. Defining the concepts of “text” and “media text”. *Lomonosov Journalism Journal*. 2005;2:7–15. (In Russ.)
11. Frumkin, K. G. Global changes in thinking and fate of the textual culture. *Internum*. 2010;1(2):26–36. (In Russ.)

Received: 22 November 2023; accepted: 12 February 2024

ЗОЯ ИВАНОВНА МИНЕЕВА

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка Института филологии
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 3575-1628-3586-2908; zmineeva@rambler.ru

АНДРЕЙ АНДРЕЕВИЧ НИКОЛАЕВ

студент 4-го курса Института филологии
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
andregrounb@gmail.com

НОВЫЕ ПРЕДИКАТИВЫ: ОБРАЗОВАНИЕ, СЕМАНТИКА, УПОТРЕБЛЕНИЕ

Аннотация. Рассматриваются слова категории состояния, или предикативы, пополнившие словарь русского языка в течение последних лет, что обуславливает новизну исследования. Материалом служат словари новых слов, Национальный корпус русского языка, интернет-источники, современные прозаические и поэтические тексты. Цель исследования – выявление новых единиц как фактор развития части речи, признанной морфологами в середине XX века. Используются семантический, корпусный и функционально-прагматический методы. В результате исследования выявляется группа слов с характерными семантическими и грамматическими признаками предикативов. Определяются номинативная и людическая (игровая) функции неологизмов, отмечается активизация их использования в современных текстах и разговорной речи.

Ключевые слова: предикатив, словообразование, суффикс, семантика, омоним

Для цитирования: Минеева З. И., Николаев А. А. Новые предикативы: образование, семантика, употребление // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 3. С. 14–20. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1019

ВВЕДЕНИЕ

В русском языке последних лет происходят очень интенсивные изменения: он пополняется новыми словами, обозначающими новые понятия, у ряда слов и словосочетаний появляются новые значения, некоторые единицы расширяют сферу функционирования – переходят из специальной (медицинской, социальной) сферы в общее употребление.

Разные части речи обладают неодинаковой неогенностью: наибольшее количество новообразований появляется в составе именных частей речи, прежде всего имени существительного, менее активно происходит увеличение глагольной лексики. Активные словообразовательные процессы коснулись и слов категории состояния, или предикативов, что обуславливает актуальность изучения новых лексем этой части речи, пополнивших русский язык в течение последнего десятилетия.

Целью работы является анализ словообразовательных, семантических и прагматических особенностей новых слов категории состояния, или предикативов. Методы исследования: се-

мантический, словообразовательный, корпусный, прагматический. Материалом послужили неографические источники: семь выпусков словаря «Новое в русской лексике», фиксирующих неологизмы с 2015 по 2021 год (НРЛ-2015 – НРЛ-2021¹), «Словарь русского языка коронавирусной эпохи»² (Словарь 2021), а также медийные материалы, тексты художественной литературы, Национальный корпус русского языка³ (НКРЯ). Привлекались также данные «Большого академического словаря»⁴ (БАС-3) и «Большого толкового словаря»⁵ (БТС).

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ

Предикативы (категория состояния) – особая лексико-грамматическая группа слов, отличающаяся ярко выраженной семантикой состояния (отсюда и название – «категория состояния»), синтаксической функцией главного члена односоставного безличного предложения, что отражает термин «предикатив». Еще один термин – «предикативные наречия» (Д. Н. Овсяннико-Куликовский, А. А. Шахматов)

отражает прежде всего морфологическую общность с наречием (неизменяемость).

Л. В. Щерба в статье «О частях речи в русском языке» (1928) первым поставил вопрос о том, не стоит ли выделить категорию состояния в особую часть речи, и сам ответил на этот вопрос отрицательно:

«Есть ряд слов, как *нельзя, можно, надо, пора, жаль* и т. п., подведение которых под какую-либо категорию затруднительно... Может быть, мы имеем дело здесь с особой категорией состояния... Однако мне самому не кажется, чтобы это была яркая и убедительная категория в русском языке» [15: 74].

Тем не менее важнейшие категориальные признаки данного разряда слов – семантика, употребление со связкой, функция сказуемого – были названы, что в дальнейшем дало основание включить категорию состояния в состав знаменательных частей речи. Верно понимание того, что

«несомненными... являются попытки русского языка иметь особую категорию состояния... это слова в соединении со связкой, не являющиеся, однако, ни полными прилагательными, ни именительным падежом существительного» [15: 76].

В. В. Виноградов в труде «Русский язык» (1947) дал подробную характеристику семантических и грамматических свойств категории состояния, выявил ее отличия от имен прилагательных и наречий. В плане семантики слова категории состояния могут обозначать: 1) «чувство, эмоциональное состояние и психологическое переживание» человека (*смешно, грустно, стыдно, боязно*); 2) физическое состояние (*холодно, дурно, плохо, тепло, холодно*); 3) состояние природы (*сухо, тепло, темно, светло*); 4) состояние окружающей среды (*уютно, удобно*). Специфика грамматических свойств таких лексем заключается в отсутствии склонения, наличии форм времени [1: 330–348]. Безлично-предикативные слова категории состояния выделял И. И. Мещанинов [4], в защиту этой части речи выступал Н. С. Поспелов [8]. Однако вслед за А. А. Шахматовым и А. М. Пешковским в развернувшейся научной дискуссии некоторые лингвисты (М. В. Панов, Л. И. Новиков, чешский ученый Ф. Травничек) приводили доводы против определения предикативов как самостоятельной части речи [13]. Так, категория состояния отсутствует в «Русской грамматике» 1980 года, где предикативные номинации включены в состав качественных наречий, а собственно предикативы ограничены лексемами с модальным значением [9: 705]. В практике вузовского преподавания категория состояния традиционно изучается как знаменательная часть речи [11].

В настоящее время изучение категории состояния продолжается [6], [10], в том числе в аспекте транспозиции [14], употребления в текстах художественной литературы и публицистики [7], паремиях [2], говорях [12].

В современной русистике с конца XX века утвердился термин «предикатив» [3], который используется и современными лексикографами при частеречной квалификации слова (Словарь 2021), и в научной литературе:

«Предикативы, категория состояния, безлично-предикативные слова, предикативные слова, предикативные наречия – грамматический класс слов, обозначающих нединамическое состояние и выступающих в функции главного члена (сказуемого, предиката) безличного предложения» [7: 535].

В. А. Плотникова, помимо общей семантики, свойственной предикативам (состояния, модальности), характеризует их с точки зрения источника пополнения, отдавая приоритет качественным наречиям на *-о*, от которых образуются предикативы *ветрено, пустынно, тепло, холодно, туманно* и др., в том числе индивидуальные авторские употребления А. С. Грибоедова (*Ночью встаю, месячно*), А. И. Герцена (*На душе снежно и холодно*), Р. И. Рождественского (*В танцевальном зале пусто и непесенно*) и др. [7: 535–536]. Рассматривая омонимию предикативов со словами других частей речи, автор приводит параллельные конструкции с предикативом и кратким прилагательным, предикативом и наречием (*Брату смешно – Лицо брата смешно – Брат смешно сморщился*).

НОВЫЕ ПРЕДИКАТИВЫ В СЛОВАРЯХ

В целом можно констатировать, что если субстантивные неологизмы представлены в словарях новых слов сотнями, а глаголы десятками единиц [5], то наречия и омонимичные предикативы исчисляются единицами. Так, в выпусках словаря «Новое в русской лексике. Словарные материалы-2015» (НРЛ-2015), равно как и других выпусках неографических ежегодников, нет новых предикативов (слов категории состояния), но содержатся наречия, потенциальные мотивирующие слова для последующей транспозиции (предикации).

Словарные материалы 2017 года (НРЛ-2017) фиксируют наречие *хюггно*: *Давайте жить хюггно. Жить уютно. Вот, пожалуй, как можно перевести датское «hygg»* (АиФ – Москва 01.03.17). Функционирование наречия *хюггно* в значении ‘уютно’ допускает возможность образования потенциального омонимичного предикатива и его использования в конструкциях типа *Здесь хюггно (= Здесь уютно).

В словарные материалы 2018 года (НРЛ-2018) включено жаргонное наречие *кринжово* в значении 'стыдно (за кого-то), отвратительно': *Часто ли вас заставляет почувствовать себя кринжово и неприятно обычная сцена вне хорор-фильма?; Это выглядело... кринжово* (НРЛ-2018: 55). Иллюстративный материал включает наречия, зависящие от глаголов: *почувствовать себя (как?) кринжово; выглядело (как?) кринжово*. Семантика наречия *кринжово* 'стыдно' также допускает использование безличных конструкций с независимым предикативом: **Мне было стыдно / кринжово в этой ситуации*.

В отдельные словарные статьи «Словаря русского языка коронавирусной эпохи» (Словарь 2021) включены три слова категории состояния: *ковидно, коронавирально* и *коронамурно* с семантикой оценки внутреннего психологического состояния человека (*ковидно на душе; Нам коронамурно на сердце*) и состояния окружающей среды (*Ковидно, не сезон; там романтично и коронавирально*). Производные от слова *коронавирус* появились еще в 2020 году («Новые слова и словари новых слов. 2020»). Среди них были сложные прилагательные (*коронавирусно-пандемический*), существительные (*ковидность*), наречия (*по-ковидному*), но категория состояния закрепилась в словаре только к 2021 году.

Новые предикативы *ковидно, коронавирально* омонимичны наречиям и кратким прилагательным, что создает определенные сложности при частеречной квалификации данных слов. Неологизм *коронамурно* омонимов не имеет, относится исключительно к предикативам.

Рассмотрим семантические и словообразовательные особенности данных неологизмов. Предикатив *коронамурно* образован сложением мотивирующих слов *мурно* 'тошно' и *корона* 'коронавирусная инфекция' с использованием интерфикса *-о-*. Неологизм имеет комплексную семантику, вбирающую в себя значения мотивирующих слов 'тошно по причине и во время коронавирусной инфекции'. В словаре представлено данное значение и соответствующая иллюстрация.

«КОРОНОМУРНО, предикатив. Плохо, тошно (в период пандемии). *Тех, кто был особо боек, Прикрутили к спинкам коек – Бился в пене параноик, Как ведьмак на шабаше: "Развяжите полотенцы, Изуверы, изуверцы, – Нам коронамурно на сердце И ковидно на душе!"* Cont.ws 09.04.2020» (Словарь 2021).

Слово *коронамурно* отсутствует в Национальном корпусе русского языка, является окказионализмом.

Предикативы *ковидно* и *коронавирально* образованы транспозицией (предикацией) от наречий (*ковидно* наречие → *ковидно* предикатив; *корона-*

вирально наречие → *коронавирально* предикатив), в свою очередь образованных от суффиксальных отсубстантивных прилагательных (основы прилагательных *ковидн(ый), коронавиралн(ый)* + суффикс *-о-*).

Словообразовательные цепочки: *ковид* → *ковидный* → *ковидно* (наречие) → *ковидно* (предикатив); *коронавирус* → *коронавирусный* → *коронавирально* (наречие) → *коронавирально* (предикатив).

Семантические особенности: предикативы *ковидно* и *коронавирально* обозначают 1) состояние окружающей среды, подверженной воздействию коронавирусной инфекции, 2) внутреннее состояние человека, обусловленное распространением ковида, коронавирусной инфекции.

Неологизмы *ковидно* и *коронавирально* употребляются как наречия и предикативы, в связи с чем разграничение их вызывает сложности. В Словаре 2021 первый и второй лексико-семантические варианты слова *ковидно* охарактеризованы как предикативы, иллюстрации подтверждают частеречную принадлежность и соответствующую семантику.

«КОВИДНО, нареч. и предикатив. 1. предикатив. Шутл. Плохо, тяжело (из-за пандемии), не так, как до пандемии. *Тех, кто был особо боек, Прикрутили к спинкам коек – Бился в пене параноик, Как ведьмак на шабаше: "Развяжите полотенцы, Изуверы, изуверцы, – Нам коронамурно на сердце И ковидно на душе!"* Cont.ws 09.04.2020.

2. предикатив. Обидно, плохо (в период пандемии). *Ковидно, досадно: почему суточный прирост зараженных дошел до 20 тысяч.* Investfuture.ru 05.11.2020.

3. нареч. Как свойственно чему-л., характерно для чего-л. в период пандемии. *Ковидно, не сезон. Гостиницы и санатории откладывают возобновление работы.* Iprine.ru 25.06.2020. *Качество расходной политики вызывает очень большие вопросы. Губернаторы должны отчитываться по нацпроектам, и как подорванные тратят, чтобы выполнить КРП <ключевые показатели>. В такие времена это не очень ковидно и не очень разумно.* URA.Ru 24.11.2020» (Словарь 2021: 107).

Обращает на себя внимание описание третьего лексико-семантического варианта: пример, приведенный как употребление наречия (*Ковидно, не сезон*), на самом деле содержит не наречие, а предикатив *ковидно* с контаминированной семантикой и общей частью *-вид-* двух мотивирующих слов: *видно* + *ковид/но* (по причине ковида). В предложении из словаря *ковидно* представляет собой независимое слово, главный член безличного предложения (соответствующий сказуемому в двусоставном предложении). Вторая иллюстрация (*это не очень ковидно*) содержит краткую форму прилагательного среднего рода, соотносящуюся со средним родом местоимения *это*. Окказиональное наречие *ковидно* включено в заголовок публикации: «Шукушина "ковидно" вы-

сказалась в адрес Запада»⁶. Высказалась ковидно означает использование говорящим лексики ковидного времени (в тексте *отфаучить* ‘отстать, не беспокоить’ от *faucing* ‘избегать знакомства с людьми, не соблюдающими мер предосторожности или несерьезно относящихся к опасности COVID-19’).

Омонимичные неологизмы *коронавирусно* (наречие в первом ЛСВ) (*коронавирусно неблагополучный; коронавирусно обнимаю*) и *коронавирусно* (предикатив во втором) (*там / в Венеции / романтично и коронавирусно*) разграничиваются в словаре последовательно и в толковании, и в иллюстративном материале:

«КОРОНАВИРУСНО, нареч. и предикатив. 1. нареч. *В аэропорту Пулково, который первым принимает прилетевших из коронавирусно неблагополучных регионов, принялись за тотальную дезинфекцию и наведение чистоты.* Фонтанка.Ру 17.03.2020. “*Коронавирусно обнимаю*”: мужчину обвинили в создании террористической угрозы в США. Он ходил по местному супермаркету Walmart, обнимал незнакомцев, говорил: “Просто коронавирусно тебя обнимаю”. VSESMI.RU 23.08.2020. 2. предикатив. *У каждого же есть выходная рубашка для праздников, все же наряжают елку, чтобы Новый год состоялся, и хотят в Венецию, потому что там романтично и коронавирусно.* Sport.ru 28.02.2020. – также в написании *коронавирусно*» (Словарь 2021: 109).

НОВЫЕ ПРЕДИКАТИВЫ В НКРЯ

Ресурсом пополнения группы предикативов выступает транспозиция наречий (предикация) и отадъективная суффиксальная деривация. Так, например, в разговорной речи последних десятилетий получил широкое распространения предикатив *атмосферно*. В современных толковых словарях сходная форма фиксируется только в составе сложных слов *атмосферно-биосферический, атмосферно-электрический, атмосферно-паровой* с семантикой ‘воздушная среда вокруг Земли’ и отличается от значения простого наречия, восходящего к *атмосфера* ‘окружающая обстановка’ (БАС-3, т. 1: 302).

См. в НКРЯ:

«Леонид, в вашем романе – очень точно (и фактологически, и “*атмосферно*”) воссозданные 90-е» [Александр Гаррос, Леонид Юзефович. Журавлиный клинч // Эксперт. 2009. № 25 (663)].

Предикатив *атмосферно* характеризует состояние окружающей среды, в которой создается особая атмосфера:

«[Hamlet (nick)] Хм... У меня две племянницы шести лет с удовольствием смотрели, даже понравилось. Правда, все равно предпочитают Суперсемейку...

[Пупкофф (nick)] Отлично, *атмосферно*, неповторимо, но не для маленьких детей, не привыкших к такому

аниме» [Форум: Унесенные призраками, Spirited Away (2005–2010)];

«В Атмосфере сегодня было *атмосферно!*» [Администрация города Мегиона. 09.09.2023].

В разговорную речь также проникают предикативы современного жаргона *стремно, кринжово* (см. выше), *фиолетово, параллельно* и др. БТС фиксирует в качестве жаргонного прилагательное *стремный* в значении ‘опасный’ и ‘шокирующий’, а также производное наречие *стремно*. В разговорной речи используется омонимичный предикатив: *Мне стремно* ‘боязно, страшно’ и ‘неловко’.

Лексико-грамматический поиск в НКРЯ позволяет обнаружить 50 текстов, 65 примеров со словом *стремно* 1932–2019 годов. Первое по времени употребление зафиксировано НКРЯ в тексте Артема Веселого «Реки огненные» 1932 года:

«– Мне керосинцу бутылочку... – Уйди!.. – рассердился матрос и угарно матюкнулся. Старуха подобрала юбки и, крестясь, отплеываясь, отвалила. Мишка из лавки, на Мишке от уха до уха улыбка заревом, банка конфет под полую у Мишки. – Не *стремно*? – Ничуть. – Пошли? – Пошли, не ночевать тут. – Клево дело» [Веселый А. Реки огненные (1932)].

Следующие примеры относятся уже к 1990-м годам:

«– Так, – сказал он, – а мы почему из дома вышли? – *Стремно* стало, – сказал Никита. – Я подумал, а вдруг менты придут?» [Пелевин В. Жизнь насекомых (1993)];

«И она закричала на Геру, но после пережитой встряски мотоцикл только кашлял, сипел, дергался, – и вот они наконец погнали обратно, что всегда и быстрой, и скучней, но сгустившуюся, на изморози взошедшую темноту взбивать фонарем оказалось и *стремно* и весело...» [Вишневецкая М. Вот такой гобелен. (1999)];

«Я ее понимал: мне тоже было уходить как-то *стремно*...» [Ботев А. А. Кот Шредингера // Волга. 2013. № 7–8];

«В одну машину *стремно* было ехать, и одно это уже радовало» [Ремизов В. Воля вольная // Новый мир. 2013. № 11–12].

Проверка по НКРЯ показала наличие примеров употребления в социальных сетях предикатива *кринжово* (*кринж* от англ *cringe* ‘сжигаться’ → *кринжовый* → *кринжово* наречие → *кринжово* предикатив), о котором уже шла речь выше:

«...никогда такого не понимала и становилось как-то, противно, *кринжово*» [Чат для художников. telegram для художников. 28.08.2011]; «Почему мне *кринжово* от того, что хакерская группа в тиктоке засиживается» [Rozetked Discuss. telegram Rozetked Discuss. 07.06.2021],

а также мотивирующего прилагательного *кринжовый* в газетном корпусе:

«Учило доброте – почему-то с непременным восклицательным знаком, этим фаллическим символом от письменности, на конце – и **кринжовое** переосмысление наследия Астрид Линдгрен “Тот еще Карлосон!”» [Робо не клоун // Lenta.ru. 17.12.2019],

что показывает постепенное внедрение слова в разговорную речь.

Дает положительные результаты обращение к интернет-дискурсу, содержащему использование предикативов в социальных сетях при описании своего состояния:

«Мне стало **кринжово** после просмотра этого фильма» [antislant.ru]; «Мне будет **кринжово** – Мне будет стыдно, неудобно» [Яндекс. Кью];

при описании состояния другого человека путем цитирования:

«Честно, сначала было очень **кринжово**. Но потом мне стало приятно, что он вспомнил: у нас с ним был договор...» [«Честно, сначала было очень кринжово...» // Sebersport.ru. 29.11.2022].

Наречие *параллельно* приводится в БТС в статье к прилагательному *параллельный* с двумя примерами:

«Улицы шли **параллельно** друг другу. Смотреть телевизор и выполнять мелкую работу **параллельно**» [БТС].

В газетном корпусе НКРЯ находим пример с конструкцией *мне параллельно*:

«– Можешь в суд на меня подавать, жаловаться хоть куда, – чеканил капитан, – мне **параллельно**» [Дыбин А. Дело челябинского водителя, избитого гаишника: прокуратура требует проверить у свидетелей зрение! // Комсомольская правда. 2011.02.22].

Использование в публицистических материалах слова *параллельно* связано, по большей части, с игрой слов:

«Уже **не параллельно**: Минпромторг сокращает перечень ввозимых без согласия производителя товаров» [Ведомости. 06.09.2023].

Основной корпус содержит пример использования конструкции *мне / им фиолетово*:

«– Салага и вообще не вассер, – согласился он. – Да **мне фиолетово**, – дернула плечом Мариша. Она слезла с кушетки, надела майку и ушла на кухню» [Иванов А. Комьюнити (2012)]; «А в моей голове другое – **им же глубоко фиолетово**, на кого срываться» [Демидов О. В. Жидовочка // Волга. 2012. № 7-8].

Авторы современных поэтических текстов активно образуют омонимичные мотивирующим качественным наречиям предикативы на -о (*смирно, широко, нетрезво*), передающие разного рода состояния:

«пока искомый смысл привязан / так к дорогам – / тепло и **смирно** в милой стороне» [Давыдов Д. Изрядно удивительного вдруг... // Эмигрантская лира. 2020. № 3 (31)]; «Дождь прошел и стало **шире**, / Чем бывало до дождя» [Золотарев С. Циферблат // Пролиткульт. 2023. № 14]; «Мне без тебя – неуютно, **нетрезво**, нелепо» [Титаренко Ю. Стихи // Паровозь. 2018. № 7].

В романе З. Прилепина «Санькя» используется предикатив с семантикой состояния окружающей среды *смирно*: «Саша встал, посмотрел в окно. Там было **смирно** и неприветливо» [Прилепин З. Санькя (2006)]. Дальнейшая проверка по корпусу показала, что новый предикатив *смирно* используется и другими авторами:

«Иной в мир глядится, как дышит, – на душе **смирно**, так и он сер, а как внутри поется, так и сам чисто рубль золотой» [Козаев А. Двое... Один... (2007)].

Новые окказиональные предикативы активно включаются в современные рекламные тексты.

Актуальной представляется проблема разграничения омонимов, поскольку новые предикативы, как и их предшественники, имеют омонимичные прилагательные и наречия.

Если предикатив занимает в синтаксической структуре независимое положение единственного главного члена предложения (исключением может быть только препозитивный инфинитив), то в случае с прилагательным предложение двусоставное, а подлежащее – местоимение (*это, всё*) или существительное среднего рода:

«Потрясающе отметили День знаний на Северном речном вокзале! Это было **атмосферно**, радостно и очень насыщенно» [Московский транспорт. 04.09.2023]; «Все **фиолетово**. В Петербурге молодеет паранойя за счет наркоманов» [Фонтанка.ру. 03.02.2022]; «Все **фиолетово**. Число наркоманов с психическими расстройствами в Ульяновске растет» [73.онлайн. 21.12.2022].

Омонимичное наречие занимает подчиненное положение и зависит от сказуемого. Слово также активно используется в новостных материалах. Например, в заголовках:

«**Кринжово**, но эффективно власти Японии борются с медведями» [citysakh.ru. 4.10.2023]; «Как носить сандалии с носками летом 2023, чтобы не выглядеть **кринжово**: учимся у супермодели Эльзы Хоск» [The Girl. 21.07.2023].

Таким образом, предикатив (категория состояния) продолжает свое развитие как особая часть речи, обладающая семантической и грамматической спецификой, вступая в парадигматические отношения с другими частями речи, прежде всего на уровне омонимии. Одним из ресурсов пополнения предикативов является внутреннее заимствование из жаргона.

ВЫВОДЫ

Новые предикативы обладают семантикой 1) состояния окружающей среды; 2) физического состояния человека, 3) внутреннего психологического состояния человека. Не пополняется группа предикативов в модальном значении.

К словообразовательным особенностям относится то, что неологизмы категории состояния (предикативы) образуются 1) с помощью сложения с участием интерфикса (*корономуторно*), 2) с помощью продуктивного способа транспозиции (предикации) от омонимичных мотивирующих наречий, которые, в свою очередь, являются аффиксальными (суффиксальными) дериватами на основе отадъективной модели с формантом *-о* (*коронавирусно*); в результате деривационного процесса возникает четырехчленная словообра-

зовательная цепочка: имя существительное → имя прилагательное → наречие → предикатив, 3) а также от имен прилагательных с помощью суффикса *-о*: имя прилагательное → предикатив (*фиолетово*). Возможна двоякая мотивация нового предикатива прилагательным и наречием.

Функционально-прагматический аспект анализа выявленного материала показывает, что новым предикативам свойственна как номинативная функция, позволяющая обозначить новые состояния (окружающей среды, человека), так и игровая: в публицистической и литературно-художественной сфере предикативы нередко включаются в индивидуальное языковое творчество и используются в контексте языковой игры при передаче особого взгляда на мир, с использованием переносного, образного значения слова.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 НРЛ-2015 – Новое в русской лексике. Словарные материалы-2015 / Отв. ред. С. Д. Левина. СПб.: ИЛИ РАН, 2020. 106 с.
НРЛ-2016 – Новое в русской лексике. Словарные материалы-2016 / Отв. ред. С. Д. Левина. СПб.: ИЛИ РАН, 2018. 122 с.
НРЛ-2017 – Новое в русской лексике. Словарные материалы-2017 / Отв. ред. А. Ю. Кожевин. СПб.: ИЛИ РАН, 2019. 138 с.
НРЛ-2018 – Новое в русской лексике. Словарные материалы-2018 / Отв. ред. Н. В. Козловская. СПб.: ИЛИ РАН, 2020. 104 с.
НРЛ-2019 – Новое в русской лексике. Словарные материалы-2019 / Отв. ред. Ю. Д. Ридецкая. СПб.: ИЛИ РАН, 2021. 110 с.
НРЛ-2020 – Новое в русской лексике. Словарные материалы-2020 / Отв. ред. М. Н. Приемышева. СПб.: ИЛИ РАН, 2021. 486 с.
НРЛ-2021 – Новое в русской лексике. Словарные материалы-2021 / Отв. ред. Н. В. Козловская, А. С. Павлова. СПб.: ИЛИ РАН, 2022. 318 с.
- 2 Словарь 2021 – Словарь русского языка коронавирусной эпохи / Отв. ред. М. Н. Приемышева. СПб.: Ин-т лингв. исслед. РАН, 2021. 550 с.
- 3 НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения 10.10.2023).
- 4 БАС-3 – Большой академический словарь русского языка / Гл. ред. К. С. Горбачевич. Т. 2. М.; СПб.: Наука, 2005.
- 5 БТС – Большой толковый словарь русского языка / Ред. С. А. Кузнецов. СПб.; М.: Рипол-Норинт, 2014 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gramota.ru> (дата обращения 10.10.2023).
- 6 m-spb.tsargrad.tv/news/shukshina-kovidno-vyskazalas-v-adres-zapada-da-kogda-uzhe-oni_325623?ysclid=lrkfxa-rx111013838 (дата обращения 10.10.2023).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове): [Учеб. пособие для вузов по спец. «Рус. яз. и лит.».]. 3-е изд., испр. М.: Высш. шк., 1986. 639 с.
2. Глазкова С. Н. Категория состояния в русских пословицах // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: Материалы VII Междунар. науч. конф. Челябинск, 21–23 мая 2014 года. Челябинск: Энциклопедия, 2014. С. 256–259.
3. Летучий А. Б. Предикатив // Русская корпусная грамматика. 2017 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rusgram.ru/index> (дата обращения 12.10.2023).
4. Мещанинов И. И. Понятийные категории и грамматические понятия // Вестник Московского государственного педагогического института. 1946. № 1. С. 7–24.
5. Минева З. И. Новые глаголы коронавирусной эпохи в словообразовательной динамике морфологических классов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2022. № 6. С. 214–222. DOI: 10.52452/19931778_2022_6_214
6. Паташкова Е. С. К вопросу о формально-грамматическом статусе слов категории состояния в русском языке // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2012. № 12. С. 194–202.
7. Плотникова В. А. Предикативы, категория состояния // Русский язык: Энциклопедия / Гл. ред. А. М. Молдован. М.: АСТ-Пресс Школа, 2020. С. 535–537.
8. Поспелов Н. С. В защиту категории состояния // Вопросы языкознания. 1955. № 2. С. 55–65.
9. Русская грамматика: [В 2 т. / Редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др.]. М.: Наука, 1980.

10. Самарин Д. А. О категории состояния как гипотетической части речи // Балтийский гуманитарный журнал. 2016. Т. 5, № 2 (15). С. 81–83.
11. Современный русский язык: Учебник / Под ред. Н. С. Валгиной. М.: Логос, 2003. 528 с.
12. Харлова Н. М. Особенности употребления слов категории состояния в говорах Шадринского района // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 4 (414). С. 168–173.
13. Шапиро А. Б. Есть ли в русском языке категория состояния как часть речи? // Вопросы языкознания. 1955. № 2. С. 42–54.
14. Шигуров В. В. О предикативации и модалации как особых типах транспозиции в системе частей речи русского языка // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2008. № 8 (15): В 2 ч. Ч. II. С. 216–218 [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.gramota.net/materials/1/2008/8-2/94.html (дата обращения 12.10.2023).
15. Щерба Л. В. О частях речи в русском языке // Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. С. 63–84.

Поступила в редакцию 13.11.2023; принята к публикации 12.02.2024

Original article

Zoya I. Mineeva, Dr. Sc. (Philology), Associate Professor, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
 ORCID 3575-1628-3586-2908; zmineeva@rambler.ru
Andrey A. Nikolaev, Bachelor Student, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
andregrounb@gmail.com

NEW PREDICATIVES: WORD-FORMATION, SEMANTICS, AND USAGE

Abstract. The paper studies new predicatives that have expanded the vocabulary of the Russian language in recent years, which determines the novelty of the research. The research materials include new word dictionaries, the Russian National Corpus, online sources, and contemporary prose and poetic texts. The primary aim of the study is to identify new language units as a factor of the development of a new linguistic category within the Russian language recognized by morphologists since the mid-twentieth century. Semantic, corpus, and pragmatic methods are employed in the analysis. The findings reveal a distinctive group of words exhibiting typical semantic and grammatical features of predicatives. The study also identifies the nominative and ludic (game) functions of the neologisms, as well as the increased prevalence of predicatives in contemporary texts and colloquial speech.

Key words: predicative, word-formation, suffix, semantics, homonym

For citation: Mineeva, Z. I., Nikolaev, A. A. New predicatives: word-formation, semantics, and usage. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(3):14–20. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1019

REFERENCES

1. Vinogradov, V. V. Russian language (the grammatical doctrine of the word): [Textbook for university major "Russian Language and Literature"]. Moscow, 1986. 639 p. (In Russ.)
2. Glazkova, S. N. Category of state in Russian proverbs. *Word, utterance, and text in cognitive, pragmatic, and cultural aspects: Proceedings of the VII International research conference. Chelyabinsk, 21–23 May 2014*. Chelyabinsk, 2014. P. 256–259. (In Russ.)
3. Letuchiy, A. B. Predicatives. *Russian corpus grammar*. 2017. Available at: <http://rusgram.ru/index> (accessed 12.10.2023). (In Russ.)
4. Meshchaninov, I. I. Conceptual categories and grammatical concepts. *Bulletin of Moscow State Pedagogical Institute*. 1946;1:7–24. (In Russ.)
5. Mineeva, Z. I. New verbs of the coronavirus era in the word-formation dynamics of morphological classes. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod*. 2022;6:214–222. DOI: 10.52452/19931778_2022_6_214 (In Russ.)
6. Patashkova, E. S. Functional and grammatical status of the category of state words in the Russian language revisited. *Bulletin of Chelyabinsk State Pedagogical University*. 2012;12:194–202. (In Russ.)
7. Plotnikova, V. A. Predicatives, category of state. *Russian language: encyclopedia*. (A. M. Moldovan, Ed.). Moscow, 2020. P. 535–537. (In Russ.)
8. Pospelov, M. S. In defense of the category of state. *Topics in the Study of Language*. 1955;2:55–65. (In Russ.)
9. Russian grammar: In 2 vols. (N. Y. Shvedova et al., Eds.). Moscow, 1980. (In Russ.)
10. Samarina, D. A. About the category of state as a hypothetical part of speech. *Baltic Humanitarian Journal*. 2016;5(2(15)):81–83. (In Russ.)
11. Modern Russian language: Textbook. (N. S. Valgina, Ed.). Moscow, 2003. 528 p. (In Russ.)
12. Kharlova, N. M. Features of the use of words of status categories in the dialects of Shadrinsky district. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2018;4(414):168–173. (In Russ.)
13. Shapiro, A. B. Is there a category of state as a part of speech in the Russian language? *Topics in the Study of Language*. 1955;2:42–54. (In Russ.)
14. Shigurov, V. V. About predicativization and modalization as special types of transposition in the system of parts of speech of the Russian language. *Almanac of modern science and education*. Tambov, 2008. No 8 (15): In 2 parts. Part II. P. 216–218. Available at: www.gramota.net/materials/1/2008/8-2/94.html (accessed 12.10.2023). (In Russ.)
15. Shcherba, L. V. About parts of speech in the Russian language. *Shcherba, L. V. Selected works on the Russian language*. Moscow, 1957. P. 63–84. (In Russ.)

Received: 13 November 2023; accepted: 12 February 2024

ИРИНА ПЕТРОВНА НОВАК

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора языкознания Института языка, литературы и истории
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук»
(Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-9436-9460; novak@krc.karelia.ru

СУЖАЮЩИЕСЯ ДИФТОНГИ В ДИАЛЕКТНОЙ СИСТЕМЕ КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА

А н н о т а ц и я. Представлены результаты одного из этапов исследования диалектной системы карельского языка. В качестве предмета анализа выступили сужающиеся дифтонги на *i* ударного и заударных слогов слова. Источником материала для применения методики кластерного анализа послужили данные соответствующих разделов диалектной базы карельского языка «Murreh», в основной массе представляющие собой оцифрованные рабочие материалы «Диалектологического атласа карельского языка» (1997). В процессе работы было произведено семь кластеризаций, отражающих рефлексы прибалтийско-финских сужающихся дифтонгов в говорах всех наречий карельского языка: в положении перед сочетаниями согласных *sk / šk, st / št* (в ударном слоге и в безударном слоге в глагольных словоформах), в именах, образованных с помощью словообразовательного суффикса **-ise-* (в начальной форме, в форме партитива единственного числа и в остальных косвенных падежах), в положении перед показателем стяженных глаголов *-ta / -tä*, а также на конце именных и глагольных словоформ с дифтонгом *oi / öi*. По каждой из рассмотренных позиций производится сравнение с материалами вепских, ижорских и восточных финских диалектов, а также с данными ранних памятников карельской письменности, что позволяет проследить историю сложения диалектных различий. На сводной кластерной карте представлены изоглоссы диалектно-дифференцирующего явления, разделившие говоры карельского языка на шесть основных ареалов: северные собственно карельские говоры, южные собственно карельские говоры, ливвиковские говоры, группа переходных между собственно карельскими и ливвиковскими говорами, группа людиковских говоров (без михайловских) и группа михайловских людиковских говоров. Результаты проведенного исследования в дальнейшем будут использованы в процессе доработки диалектной классификации карельского языка.

Ключевые слова: карельский язык, диалектология, лингвистическая география, диалектометрия, кластерный анализ, вокализм, сужающиеся дифтонги

Б л а г о д а р н о с т и. Работа выполнена в рамках бюджетного финансирования КарНЦ РАН (тема № 124022000089-4).

Д л я ц и т и р о в а н и я: Новак И. П. Сужающиеся дифтонги в диалектной системе карельского языка // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 3. С. 21–27. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1020

ВВЕДЕНИЕ

Гласные карельского языка по однородности артикуляции подразделяются на монофтонги, дифтонги и трифтонги. Обильная дифтонгизация относится к одной из основных фонетических особенностей, выделяющих карельский на фоне всех остальных прибалтийско-финских языков. Дифтонги в карельских наречиях не только выступают в основе слова, но и активно образуются в процессах словоизменения и словообразования. Согласно Х. Лескинену, диалекты древнекарель-

ского языка к моменту массовых переселений карелов уже обладали устоявшейся системой дифтонгов [11: 379], однако в ходе развития в карельских говорах в ней сформировался целый комплекс диалектных различий.

Дифтонги – сложные гласные, состоящие из двух элементов: слогового и неслогового [8]. По структуре дифтонги карельского языка можно разделить на две группы: сужающиеся, первый член которых характеризуется большей степенью раствора, и расширяющиеся, первый член которых, наоборот, характеризу-

ется меньшей степенью раствора. Наибольшее число диалектных различий обнаруживает система расширяющихся дифтонгов, чему уделено внимание в ряде работ по карельской диалектологии. В них же авторы затрагивают и некоторые диалектные особенности системы сужающихся дифтонгов [1], [14], [15].

В ходе настоящего исследования планируется обработать материалы разделов диалектной базы карельского языка «Murtteh»¹, отражающие рефлексии прибалтийско-финских праязыковых сужающихся дифтонгов на *i* ударного и заударных слогов, с применением диалектометрической методики кластерного анализа, хорошо зарекомендовавшей себя в процессе решения вопросов карельской диалектологии [6], [7]. Визуализируемые в виде кластерных карт результаты анализа позволят провести изоглоссы диалектно-дифференцирующего фонетического явления.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование основано на оцифрованных данных «Программ по собиранию материала для диалектологического атласа карельского языка»². Вопросники были заполнены в 1937–1973 годах в ходе организованной Д. В. Бубрихом работы над «Диалектологическим атласом карельского языка» (1997) в населенных пунктах Карелии и Тверской (Калининской) области. В общей сложности речь идет о более чем 200 программах. Кроме того, из материалов «Открытого корпуса вепсского и карельского языков»³ были выбраны аналогичные диалектные данные по тихвинскому, валдайскому и кондушскому говорам карельского языка, а также по трем говорам северновепсского и средневепсского диалектов вепсского языка.

Сужающимся дифтонгам посвящены два раздела базы данных:

- «Сохранение *i* в дифтонге в первом слог», 9 вопросов;
- «Сохранение *i* в дифтонге во втором и третьем слог», 56 вопросов.

Кластеризация отобранного по определенным параметрам диалектного материала проводится иерархическим методом полной связи в совокупности с итеративным методом *k*-средних. Для описания и дальнейшего анализа отбираются наиболее высокие шаги кластеризации, что позволяет получить максимально четкое представление об ареалах распространения членов междиалектных соответствий.

СУЖАЮЩИЕСЯ ДИФТОНГИ УДАРНОГО СЛОГА

Сужающиеся дифтонги ударного слога (в том числе дифтонги со вторым компонентом

в виде гласного *i*) восходят к прибалтийско-финскому праязыку, в котором они сформировались в ходе вокализации отдельных согласных звуков [8: 38]. Рефлексы этих дифтонгов представлены в современных говорах карельского языка довольно единообразно. Диалектные различия обнаруживает лишь представительство дифтонгов на *i*, выступающих в положении перед согласным *s* / *š*, находящимся в глухой фонетической позиции (в составе сочетаний согласных *sk* / *šk*, *st* / *št*). Изоглосса данного междиалектного соответствия прошла между собственно карельскими и самыми северными ливвиковскими говорами Вохтозеро (62), Сяпчезеро (63) и Титнаволоок (64), с одной стороны, напр., *kolmetoista* / *kolmetoišta* ‘тринадцать’, *laiska* / *laiška* ‘ленивый’, *eisty* / *eišty* ‘двигает’, *paistau* / *paištau* ‘печет’, *muistau* / *muištau* ‘помнит’, и ливвиковскими, людиковскими и вепскими говорами в совокупности – с другой, напр., *kolmetostu* / *kolmetoštu* / *kolmetoš*, *lasku* / *laš* / *lašku*, *pastau* / *paštau*, *muštau* / *mušt*⁴.

Памятники письменности середины XVII века демонстрируют сохранение второго компонента сужающимися дифтонгами ударных слогов в собственно карельских записях, напр., *náũca* ‘пеки’, *muĩca* ‘помни’, в отличие от текстов карельско-вепских заговоров, напр., *naũtama* III инф. илл. от ‘печь’⁵ [4], [5], [9].

СУЖАЮЩИЕСЯ ДИФТОНГИ ЗАУДАРНЫХ СЛОГОВ

В позиции далее ударного слога сужающиеся дифтонги на *i* проявляются в нескольких основных позициях, при этом изоглоссы по каждой из них отличаются друг от друга.

В начальных формах имен, образованных с помощью словообразовательного суффикса *-ine* / *-ini* (*-ise-), присоединение которого к основе слова изначально вызывало образование сужающегося дифтонга, в ряде говоров карельского языка в процессе развития произошла утрата его второго компонента. Кластеризация соответствующих данных диалектной базы распределила анализируемые говоры на четыре группы⁶:

1) группа собственно карельских говоров Средней Карелии и Центральной России, а также тулмозерские ливвиковские говоры, в которых представлено выпадение второго компонента дифтонга, напр., *myöhäne* / *myöhäni* ‘поздний’, *kuldane* / *kuldani* ‘золотой’, *enzimäne* / *enzimäni* ‘первый’, *harakkane* / *harakkani* ‘сорока’;

2) северные собственно карельские говоры (ребольские, ругозерские и расположенные севернее говоры), которым свойственна утрата второго компонента дифтонга в позиции второго (безударного) слога, но его сохранение в позиции третьего (с второстепенным ударением) слога: *myöhäne / myöhäni, kultani / kuldani / kuldane, ensimäine / enšimmäini / enšimmäini / enšimäine, harakkaini / harakkaine*;

3) кластер ливвиковских (без тулмозерских) и людиковских (без михайловских) говоров, сохранивших дифтонг: *myöhäine, kuldaine, enzimäine, harakkaine*;

4) севернолюдиковский говор Лижмозеро (59) и михайловские говоры Устья (4) и Михайловского (5), в которых произошла монофтонгизация сужающихся дифтонгов (переход в долгие гласные): *myöhääne, kuldaane, ezmääne, harakkaane*.

В косвенных падежах перед суффиксом *-ise- / -ize- / -iže- (*-ise-)* представлена несколько отличная ситуация⁷:

1) кластер, характеризующийся утратой второго компонента дифтонга, из соответствующей группы предыдущей кластеризации расширился за счет присоединения юго-западной половины ливвиковских говоров, напр., *kuldazet / kuldažet* ‘золотые’, *enzimäzet / enšimäzet / endžimäzet* ‘первые’, *harakkazet / harakkažet* ‘сороки’;

2) северный собственно карельский кластер совпал с соответствующей группой с предыдущей кластеризации. В этих говорах сохранение / выпадение гласного *i* зависит от положения дифтонга в слове (второй или третий слог): *kuldazet / kultaset*, но *enzimäized / enšimäized / enšimäiset, harakkaizet / harakkaiset*;

3) северо-восточные ливвиковские и основная масса людиковских говоров, сохранивших дифтонги: *kuldaizet / kuldažet, enzimäzet / enšimäzet / endžimäžet, harakkaizet / harakkaižet*;

4) совпавшая с предыдущей кластеризацией группа, обнаруживающая монофтонгизацию дифтонгов: *kuldaazet / kuldaažid, ezmääzed, haragaazed / harakkaažed*.

В форме партитива единственного числа, напротив, не подверженный изменениям дифтонг представлен в основной массе собственно карельских говоров (кроме ряда говоров Центральной России), напр., *kultaista / kuldaista / kullaista* парт. ед. ч. от ‘золотой’, *enšimmäistä / enšimmäistä / ensimmäistä* парт. ед. ч. от ‘первый’, *harakkaista* парт. ед. ч. от ‘сорока’, тогда как утрата его второго компонента обнаружена в ливвиковских (кроме самых северных

Вохтозеро (62, смз.), Сяпчезеро (63, смз.), Титнаволок (64, смз.), людиковских (как и в вепсских), а также в валдайском, держанском, весьегонских и юго-западных толмачевских собственно карельских говорах: *kuldastu / kuldaštu / kuldašt / kuldast / kuldašte / kullastu / kuldasta / kullas't'a, enzimästy / enšimäisty / ezmäšt / ezmäšt / ezimäšte, harakkastu / harakaštu / harakkašt / haragast / harakkašte*⁸.

Схожая картина⁹ сформирована модулем кластеризации и по поведению **сужающихся дифтонгов на *i***, выступающих в позиции **перед согласным *s* в глагольных словоформах**:

1) в собственно карельских говорах Карелии дифтонг в большинстве случаев сохраняется, напр., *hil'l'aistuu* ‘утихает’, *eloistau* ‘играет’, *illaistau* ‘ужинает’, *myöhäistyy / myöhäštyy* ‘опаздывает’;

2) в ливвиковских, людиковских и собственно карельских говорах Центральной России второй гласный компонент дифтонга выпадает: *hil'l'astau / hil'l'aštou, elostau / eloštou, illastau / ildastau / ildaštou / illaštou, myöhäistyy / myöhäštyy*.

В прочих позициях, например **перед показателем стяженных глаголов *-ta / -tä***¹⁰, сужающийся дифтонг представлен исключительно в людиковских (без Пряжи (40)) и вепсских говорах (*avaita / avaitta* ‘открыть’), при этом в михайловских говорах вновь обнаружен переход дифтонга в долгий *aa* (*avaata*). В ливвиковских и собственно карельских говорах, наоборот, произошла утрата дифтонгами второго компонента (*avata*).

В текстах ранних памятников карельской письменности зафиксировано отсутствие второго компонента сужающегося дифтонга на *i* в позиции перед суффиксом *-ne* в собственно карельских словниках, напр., *Пакъкана* ‘мороз’, *Кюльлане* ‘сытый’ в источнике 1668 года, *“ва”га”не* ‘старенький’ в источнике 1667 года [4], [9]. В то время как карельско-вепсские заговоры, наоборот, демонстрируют его сохранение во всех позициях, кроме партитива единственного числа: *кулдайжет* ‘золотые’, *равдайне* ‘железный’, *кезайжен* ‘летнего’, но *кулдаитъ* парт. ед. ч. от ‘золотой’, *наштен* парт. ед. ч. от ‘женщина’ [5]. В говорах восточных диалектов финского языка также возможна утрата второго компонента сужающимися дифтонгами [12]. Ижорские же говоры в основной своей массе изменение не обнаруживают [3: 92–93].

В заударной позиции обращает на себя внимание также поведение **сужающихся дифтонгов *oi / öi***, сохранившихся на конце начальных форм

имен и словоизменительных (имперфектных) основ глаголов лишь в ливвиковских и северных людиковских говорах, напр., *keroi* ‘горло’, *reboi* ‘лиса’, *taloï* ‘дом’, тогда как в собственно карельском наречии дифтонги утратили второй компонент: *kerø*, *repo* / *rebo*, *talo*. Для южных говоров людиковского наречия характерна трифтонгизация первоначальных дифтонгов до *uoi* / *yöi* (*keruoi*, *rebuoi*, *taluoï*) или их дальнейшее сокращение до *uo* / *yö* (*rebuo*, *taluo*, но *kerø*), тогда как в михайловских говорах вновь прослеживается монофтонгизация (*keruu*, *rebuu*, *taluu*)¹¹.

Материалы обоих собственно карельских памятников также демонстрируют здесь утрату дифтонгом второго компонента, напр., *rebo* ‘лиса’, тогда как источник карельско-вепского происхождения – его сохранение, напр., *kandou* ‘отнес’, *andou* ‘дал’ [4], [5], [9]. Сохранение дифтонга *oi* конца слова характерно для восточных диалектов финского [10], [12] и для ижорского языка [3: 87], а также средневепских говоров вепского языка [13: 180].

СВОДНАЯ КЛАСТЕРИЗАЦИЯ

Описанное в рамках настоящей статьи диалектное представительство сужающихся дифтонгов на *i* в говорах карельского языка является результатом былого противостояния двух отличных систем: древневепской, в которой дифтонг исчез в позиции перед переднеязычным щелевым согласным *s, но сохранился во всех остальных позициях [2: 33], и древнекарельской, для которой изначально было характерно сохранение дифтонгов во всех позициях, на что указывает их представительство в ижорских говорах и частично в восточных диалектах финского языка. Древневепский язык оказал решающее влияние на сложение древнелюдиковского наречия, результатом чего является практически идентичная система сужающихся дифтонгов в их современных говорах. Явления монофтонгизации и трифтонгизации в отдельных людиковских говорах, очевидно, следует относить к поздним инновациям.

Тенденция к утрате второго компонента ударными сужающимися дифтонгами восходит к периоду функционирования как минимум древнекарельского языка, но не исключается и возможность ее прибалтийско-финских корней [11: 380–381]. Очевидно, переход неравномерно был представлен уже в древнекарельских диалектах. Так, исходя из распространения явления в современных собственно карельских и восточных финских говорах, можно сделать вывод, что в первую

очередь выпадение гласного *i* затронуло позицию абсолютного конца слова, затем оно распространилось на прочие позиции (кроме положения перед щелевым согласным, поддерживаемым ситуацией ударного слога), а уже в последнюю очередь – на позицию перед *s и его рефлексами. Видимо, в положении перед развившимся шипящим согласным утрата гласного *i* произошла раньше, тогда как в позиции перед свистящим согласным дифтонг максимально долго сохранялся в неизменном виде.

В процессе сложения древнеливвиковского наречия в результате перекрестного влияния древнекарельской и древневепской систем в позиции перед щелевым согласным и на конце слова закрепился вепский вариант [13: 35], а в западных говорах выпадение второго компонента дифтонга распространилось и на прочие позиции.

Наличие древнекарельских диалектных особенностей не могло не сказаться на современном представительстве анализируемого явления. Кроме того, после массовых переселений на новых территориях в результате взаимного влияния отличных систем могли также развиваться новые диалектные различия, к которым, например, следует отнести носящие явный инновационный характер явления трифтонгизации и монофтонгизации людиковских говоров.

На сводной кластерной карте (рисунок), основанной на семи проведенных в ходе настоящего исследования кластеризациях, представлено шесть ареалов по анализируемому явлению:

1) северные собственно карельские говоры (ребольские, ругозерские и говоры, расположенные севернее, – светло-серый кластер), характеризующиеся сохранением дифтонга в позиции перед щелевым согласным *s* (в составе сочетаний согласных) и в третьих слогах в словоформах имен на *-ise-*;

2) южные собственно карельские говоры (паданские, поросозерские, мяндусельские и говоры Центральной России – черный кластер), отличающиеся от предыдущей группы отсутствием дифтонгов в словоформах имен на *-ise-*. На более ранних шагах кластеризации из группы отделяются говоры Центральной России, характеризующиеся утратой дифтонгами второго компонента перед согласным *s* (из сочетания согласных) в глагольных формах. Аналогичная ситуация обнаруживается в формах партитива единственного числа имен на *-ise-* в группе говоров карельского языка Центральной России за исключением северо-восточных толмачевских го-

воров, которые в этом отношении не отличаются от южнокарельских говоров собственно карельского наречия Карелии;

3) ливвиковские говоры, которые объединяет утрата дифтонгом гласного *i* в положении перед согласным *s* и перед показателем стяженных глаголов, при сохранении словоформ на *oi*, *õi* (темно-серый кластер). Из группы выделяется подгруппа южных ливвиковских говоров, в которых *i* выпадает в косвенных падежах имен на *-ise-*, а уже из них подгруппа тулмозерских говоров, утрачивающих дифтонг также в начальных формах этих имен;

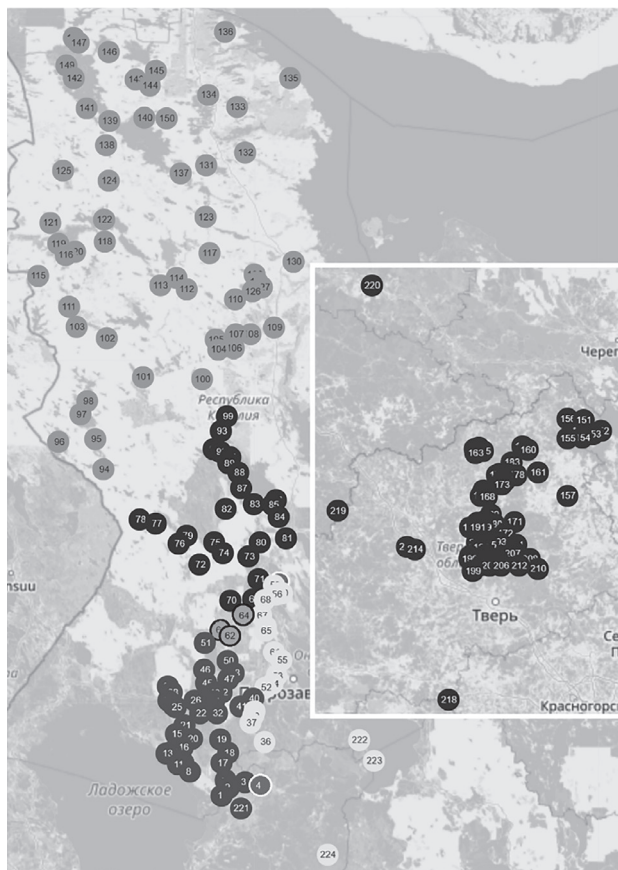
4) группа переходных говоров между второй и третьей группами (Вохтозеро (62), Сяпчезеро (63) и Титнаволок (64)), обнаруживающих черты как южнокарельских говоров собственно карельского наречия Карелии, так и северных ливвиковских говоров;

5) группа людиковских и вепсских говоров, демонстрирующих отсутствие дифтонгов в позиции перед согласным *s* (в ударных и заударных слогах), при их сохранении во всех остальных проанализированных позициях (белый кластер). В группе выделяется подгруппа южно- и среднелюдиковских говоров, отличающихся употреблением трифтонгов и дифтонгов *uo*, *uõ*;

6) группа михайловских говоров (Устье (4), Михайловское (5) и севернолюдиковский говор Лижмозера (59)), характеризующаяся монофтонгизацией сужающихся дифтонгов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В процессе исследования произведено семь кластеризаций, отражающих рефлексы прибалтийско-финских сужающихся дифтонгов в говорах трех наречий карельского языка, и разработана сводная кластерная карта диалектно-дифференцирующего явления, изоглоссы которой разделили карельские говоры на шесть

Сужающиеся дифтонги в говорах карельского языка
(сводная кластерная карта)

Narrowing diphthongs in Karelian sub-dialects
(composite cluster map)

групп: северную собственно карельскую, южную собственно карельскую, ливвиковскую, переходную между собственно карельской и ливвиковской, людиковскую и михайловскую. Полученные диалектные ареалы членов междиалектных соответствий в области сужающихся дифтонгов в дальнейшем будут использованы при доработке диалектной классификации карельского языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

- База данных разработана Н. Б. Крижановской, сотрудником Института прикладных математических исследований КарНЦ РАН. Доступна по адресу: <http://murreh.krc.karelia.ru>.
- Программы по собиранию материала для диалектологического атласа карельского языка // Научный архив КарНЦ РАН: Ф. 1. Оп. 5. Д. 79–166; Оп. 38. Д. 16–170, 261–263, 267, 268, 276; Оп. 43, № 43–74, 116–132, 138, 140, 179–181, 195, 219–225, 274, 275. Петрозаводск, 1937–1973.
- Открытый корпус вепсского и карельского языков (ВепКар). 2009–2022. Доступен по адресу: dictorpus.krc.karelia.ru.
- <http://murreh.krc.karelia.ru/ques/question/2081/map>.
- В работе использованы расшифровки текстов рукописных памятников карельской письменности: словники 1667 и 1668 годов, а также тексты карельско-вепсских (людиковско-вепсских) заговоров середины XVII века.
- <http://murreh.krc.karelia.ru/ques/question/2095/map>.
- <http://murreh.krc.karelia.ru/ques/question/2097/map>.
- <http://murreh.krc.karelia.ru/ques/question/2098/map>.
- <http://murreh.krc.karelia.ru/ques/question/2100/map>.

¹⁰ <http://murreh.krc.karelia.ru/ques/question/2246/map>.

¹¹ <http://murreh.krc.karelia.ru/ques/question/2099/map>.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бубрих Д. В., Беляков А. А., Пунжина А. В. Диалектологический атлас карельского языка. Хельсинки: SUS, 1997. 218 с.
2. Зайцева Н. Г. Очерки вепской диалектологии (лингвогеографический аспект). Петрозаводск: КарНЦ, 2016. 395 с.
3. Лаанест А. Х. Ижорские диалекты: Лингвогеографическое исследование. Таллин: Валгус, 1966. 182 с.
4. Муллонен И. И., Панченко О. В. Первый карельско-русский словарь и его автор афонский архимандрит Феофан. Петрозаводск: ПетрГУ, 2013. 116 с.
5. Мызников С. А. Карельско-вепские заговоры Олонецкого сборника // Русские заговоры из рукописных источников XVII – первой половины XIX века. М.: Индрик, 2010. С. 286–310.
6. Новак И. П. «Глухой» и «звонкий» карельский: диалектные маркеры на кластерных картах // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 5. С. 54–63. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.817
7. Новак И. П., Крижановская Н. Б. Система восходящих дифтонгов в говорах карельского языка Карелии: сравнение методов кластеризации // Вестник угроведения. 2022. Т. 12, № 3. С. 486–496. DOI: 10.30624/2220-4156-2022-12-3-486-496
8. Основы финно-угорского языкознания: прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки. М.: Наука, 1975. 347 с.
9. Савельева Н., Муллонен И., Федюнева Г. Карело-русский и коми-зырянско-русский словаря-разговорники в рукописном сборнике 1668 года // Linguistica uralica. 2022, 3. S. 250–276. DOI: 10.3176/lu.2021.4.02
10. Iso suomen kielioppi. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. 2008, Verkkoaversio [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://scripta.kotus.fi/visk/etusivu.php> (дата обращения 01.07.2023).
11. Leskinen H. Karjala ja karjalaiset kielentutkimuksen näkökulmasta // Karjala: historia, kansa, kulttuuri. Helsinki: SKS, 1998. S. 352–382.
12. Kettunen L. Suomen murteet. Murrekartasto. Helsinki: SKS, 1940 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kettunen.fhhost.org/> (дата обращения 01.07.2023).
13. Turunen A. Lydiläismurteiden äännehistoria II. Vokaalit. Helsinki: SUS, 1950. 266 s.
14. Virtaranta P. Die Dialekte des Karelischen // Советское финно-угроведение. 1972. № 8. С. 1–15.
15. Заиков Р. М. Karjalan kielen murteet. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2017. 36 с.

Поступила в редакцию 01.08.2023; принята к публикации 31.01.2024

Original article

Irina P. Novak, Cand. Sc. (Philology), Senior Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-9436-9460; novak@krc.karelia.ru

NARROWING DIPHTHONGS IN THE KARELIAN DIALECTAL SYSTEM

Abstract. The article reports the interim findings of a study on the dialectal system of the Karelian language. The subject of the analysis is the narrowing *i*-diphthongs in the stressed and post-tonic syllables. The material for the cluster analysis was taken from the relevant sections of the Murreh Karelian Dialect Database, which primarily consists of digitalized working materials of the *Dialectological Atlas of the Karelian Language* (1997). The analysis produced seven cluster maps representing reflexes of the Balto-Finnic narrowing diphthongs in all Karelian supra-dialects: in the position before the consonant combinations *sk* / *šk*, *st* / *št* (in a stressed syllable and an unstressed syllable in verbal word forms), in nominals formed using the word formative suffix **-ise-* (in the initial form, in partitive singular form, and in other oblique cases), in the position before contracted verb marker *-ta* / *-tä*, and at the end of nominal and verbal word forms with the diphthong *oi* / *öi*. For each of these positions, comparisons were drawn with materials from the Veps, Izhorian, and East Finnish dialects, as well as with data from early written Karelian artifacts, creating a retrospective of the formation history of the dialectal differences. A composite cluster map shows the isoglosses of the dialect differentiating phenomenon that segregated Karelian sub-dialects into six main distribution ranges: northern sub-dialects of Karelian Proper, its southern sub-dialects, Livvi sub-dialects, a group of sub-dialects transitional between Karelian Proper and Livvi, a group of Ludic sub-dialects (excluding Mikhailovskoye sub-dialects), and the Mikhailovskoye

group of Ludic sub-dialects. The results of this study are expected to be used for the further refining of the dialectal classification of the Karelian language.

Keywords: Karelian language, dialectology, linguistic geography, dialectometry, cluster analysis, vocalism, narrowing diphthongs

Acknowledgements. The study was conducted with the state financial support provided to the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (project No 124022000089-4).

For citation: Novak, I. P. Narrowing diphthongs in the Karelian dialectal system. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(3):21–27. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1020

REFERENCES

1. Bubrikh, D. V., Belyakov, A. A., Punzhina, A. V. Dialect atlas of the Karelian language. Helsinki, 1997. 218 p. (In Russ.)
2. Zaitseva, N. G. Essays on Veps dialectology (linguo-geographical aspect). Petrozavodsk, 2016. 395 p. (In Russ.)
3. Laanest, A. Izhora dialects: A linguo-geographical study. Tallin, 1966. 182 p. (In Russ.)
4. Mullonen, I. I., Panchenko, O. V. The first Karelian-Russian dictionary and its author, Archimandrite Theophane the Athonite. Petrozavodsk, 2013. 116 p. (In Russ.)
5. Myznikov, S. A. Karelian-Veps spells from the Olonets collection. *Russian incantations from the handwritten sources of the XVII – the first half of the XIX centuries*. Moscow, 2010. P. 286–310. (In Russ.)
6. Novak, I. P. “Voiced” and “voiceless” Karelian language: dialectal markers on cluster maps. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(5):54–63. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.817 (In Russ.)
7. Novak, I. P., Krizhanovskaya, N. B. The system of ascending diphthongs in dialects of the Karelian language: comparison of clustering methods. *Bulletin of Ugric Studies*. 2022;12(3):486–496. DOI: 10.30624/2220-4156-2022-12-3-486-496 (In Russ.)
8. Fundamentals of Finno-Ugric linguistics: the Balto-Finnic, Sami, and Mordovian languages. Moscow, 1975. 347 p. (In Russ.)
9. Saveleva, N., Mullonen, I., Fedyuneva, G. Karelian-Russian and Komi-Zyrian-Russian dictionaries in a hand-written volume dated 1668. *Linguistica Uralica*. 2021;4:250–276. DOI: 10.3176/lu.2021.4.02 (In Russ.)
10. Iso suomen kielioppi. Helsinki, 2008. Available at: <http://scripta.kotus.fi/visk/etusivu.php> (accessed 01.07.2023).
11. Leskinen, H. Karjala ja karjalaiset kielentutkimuksen näkökulmasta. *Karjala: historia, kansa, kulttuuri*. Helsinki, 1998. S. 352–382.
12. Kettunen, L. Suomen murteet. Murrekartasto. Helsinki, 1940. Available at: <http://kettunen.fnhost.org/> (accessed 01.07.2023).
13. Turunen, A. Lyydiläismurteiden äännehistoria II. Vokaalit. Helsinki, 1950. 266 s.
14. Virtaranta, P. Die Dialekte des Karelischen. *Soviet Finno-Ugric Studies*. 1972;8:1–15.
15. Zaikov, P. M. Karjalan kielen murteet. Petrozavodsk, 2017. 36 s.

Received: 1 August 2023; accepted: 31 January 2024

ЗАМИР КУРБАНОВИЧ ТАРЛАНОВ

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Института филологии
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
savtar@sampo.ru

КАЧЕСТВО ИЗУЧАЕМОГО ЯЗЫКОВОГО МАТЕРИАЛА И ЯЗЫКОЗНАНИЕ КАК НАУКА

А н н о т а ц и я . Предметом статьи является исследование характера связи между этнической (национальной) культурой и развитием научной мысли, в частности языковедческой. Доказывается, что связь между наукой и культурой исходно детерминирована односторонне, культура служит необходимым и обязательным импульсом для зарождения науки, которая именно поэтому предстает этнокультурно обусловленной. Исследование строится на анализе языкового материала, методов и методологии, составляющих содержание основополагающих и общепризнанных классических трудов европейского и русского языкознания XIX–XX веков: Г. Пауля, Ф. де Соссюра, Ш. Балли, Ж. Вандриеса, Л. Ельмслева, А. А. Потебни, А. А. Шахматова, А. М. Пешковского, В. В. Виноградова, Л. В. Щербы, В. М. Жирмунского и др. Обосновывается и доказывается положение о том, что европейский научный лингвистический текст, который в силу его априорности вполне уместно называть именно научным дискурсом (научным нарративом, повествованием), может быть обозначен как дедуктивно-декларативный по отношению к фактическому материалу, который не столько исследуется в его необходимой и достаточной количественной совокупности, сколько используется в качестве отдельных иллюстраций, призванных подтвердить то или иное заданное теоретическое положение. В крайней форме этот тип дискурса реализован в глоссематике, в частности в работах Л. Ельмслева. В русском языкознании имеет место нечто совершенно другое, что опирается на внушительную фактическую базу, а именно – научное изложение вводящего или обобщающего типа. В том и другом случае оно опирается на фактический материал, который подвергается тщательному и, как правило, исчерпывающему анализу. При этом фактический материал не может быть случайным, социокультурно малозначимым, периферийным, хотя периферийные факты тоже подвергаются анализу и оценке. В любом случае это не субъективно и произвольно порождаемый дискурс, который в принципе может быть продолжен сколько угодно и в разных направлениях. В соответствии с этим русское языкознание отличается такими качествами, как опора на большой конкретный фактический материал, доказательность, энциклопедичность, включенность в национальную культуру. В преобладающей своей части оно многопланово и гуманистически нацелено по содержанию.

К л ю ч е в ы е с л о в а : русское языкознание, европейское языкознание, научный дискурс, научное исследование, априорность, доказательность, фактический материал, наука, культура, связь науки с культурой

Д л я ц и т и р о в а н и я : Тарланов З. К. Качество изучаемого языкового материала и языкознание как наука // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 3. С. 28–35. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1021

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ХАРАКТЕРЕ СВЯЗИ МЕЖДУ НАУКОЙ И КУЛЬТУРОЙ

Всякая наука, как гуманитарная, так и естественная, развивается и существует в определенное время и в условиях определенной культуры, являющейся по своей исходной основе этноисторической. Стало быть, наука изначально вписана в ту или иную культуру. Более того, она является важнейшей составляющей культуры там, где она существует. Расширение пространства

функционирования науки путем распространения на трансэтнические области – это следующий шаг в ее развитии.

Культура как тип жизни, как состояние этнического существования [15: 646–647] вполне реальна и без науки. Но наука без культуры немислима, ибо тип жизни складывается стихийно, а наука не может складываться стихийно, без целеустремленных умственных усилий ее творцов. Наука не только строится на определенном уровне

не культуры, но, более того, необходимо предполагает минимальный уровень самой интеллектуальной культуры общества, исходно являющейся полностью или частично этнической. Отсюда следует, что науке в принципе не чужда этноисторическая форма, предопределяемая соответствующими культурными традициями и ментальными представлениями общества, в котором она зарождается, развивается и утверждается, разрабатывая и свой самобытный понятийно-терминологический аппарат, не ограничивающийся, разумеется, древнегреческим и латинским словарем в качестве общепринятого терминологического фонда, как это имеет место, например, в европейской практике.

Творчески создаваемый в рамках той или иной этноисторической культуры понятийно-терминологический аппарат призван удовлетворять потребности ориентированного на эту культуру процесса становления необходимого научного стиля. Вспомним здесь общеизвестные принципы терминотворчества М. В. Ломоносова на базе русского языка и его плодотворные усилия по созданию русского научного стиля [5: 103, 109], [10: 54, 64].

Столь же важным для науки в обозначенном плане является также и *тип или типология основного фактического материала*, привлекаемого для целенаправленных научных наблюдений. Было бы любопытно попытаться как-то систематизировать и обобщить в этом направлении имеющийся международный научный опыт хотя бы выборочно, чтобы можно было сопоставительно и предметно говорить о характере действительного вклада тех или иных национальных школ в мировую науку в данном случае гуманитарных отраслей знания.

Задача предлагаемой статьи в свете сказанного сводится к тому, чтобы проследить в указанном плане безусловно проявляющиеся предпочтения русской языковедческой науки с начала ее становления в новой истории в сопоставлении с соответствующими фактами языкознания Запада. Заниматься подобными проблемами почему-то не принято, хотя именно здесь достаточно отчетливо обнаруживаются принципиальные черты и доминанты тех или иных научных подходов, претендующих на признание и универсализм.

ОБЩИЕ И ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ РУССКОГО И ЕВРОПЕЙСКОГО КЛАССИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Многовековая донаучная практика разных этнических культур в изучении, объяснении

и комментировании языковых фактов, равно как и обширный опыт строго научных подходов к ним с первой четверти XIX столетия, со времени открытия сравнительно-исторического метода, переведшего языкознание в разряд авторитетных наук, убеждают в том, что лингвистические представления и квалификации, включая и принципы отбора соответствующих фактов, безусловно мотивированы этнокультурно.

Древние греки, например, стоявшие у истоков европейского языкознания и поглощенные теориями фюсей – *по природе* и тесей – *по закону, по установлению* [17: 13], строившимися исключительно на лексическом материале, были увлечены поисками этимонов языковых смыслов, но оставались безразличны не только к другим («варварским») языкам, но даже к структуре собственного языка. Для них языкознание являлось частью философии как рассудочной отрасли знания (умения логически мыслить), порождавшейся в их спорах: языковые факты призваны были подтверждать или опровергать их умозаключения. Древнегреческое языкознание, таким образом, складывалось как бы априорно. Оно не столько систематизировало и обобщало показания древнегреческого языка, сколько иллюстрировало ими те или иные заданные положения философского толка.

Как увидим дальше, априорность, намеренное теоретизирование, становится важнейшей чертой европейского языкознания в целом, включая и его классические научные направления XIX–XX столетий.

Если согласиться с достаточно условным делением языкознания на теоретическое и описательное, то европейское языкознание предстает как явственно и односторонне тяготеющее к теоретизированию за счет ожидаемого в научных поисках интереса к фактическому материалу в его всегда противоречивой данности и сложности. Поэтому, естественно, европейское языкознание представляется как бы более компактным и логичным, с чем нельзя не согласиться, но это не та логичность, которой охватывается сложная мозаика языковой картины в синхронии и диахронии, а та логичность, которая является декларируемой, самодовлеющей, непротиворечиво выстроенной, а потому легко воспринимаемой. В качестве иллюстрации принципиальной верности сформулированного тезиса можно обратиться, например, к знаменитой монографии «Принципы истории языка» классика немецкого языкознания Г. Пауля [11], которая считается манифестом младограмматического направления,

сложившегося в 70-х годах XIX столетия. В ней впервые и убедительно развиваются теоретические положения о том, что жизнь языка – это непрерывная цепь изменений, что поэтому историзм – это важнейший принцип науки о языке; что язык существует как единство окказионального и узуального, что движение от окказионального к узуальному и есть путь языкового изменения; зарождение окказионального факта в основе своей является случайным результатом движения индивидуальных представлений; что окказиональное (индивидуальное) первично по отношению к узуальному и т. д. Анализу собственно языковых (узуальных) или речевых (окказиональных) явлений отводится более чем скромное место. Иллюстрации к доказываемым тезисам или общим наблюдениям, где они встречаются, ограничиваются отдельными словами из одного или нескольких сравниваемых языков. О фронтальном исследовании языковых фактов речи нет.

Аналогично обстоит дело и с не менее знаменитой монографией Ф. Соссюра «Курс общей лингвистики», подготовленной и изданной его учениками в 1916 году [14], после смерти ученого (1913). В этой замечательной по логике и содержанию книге блестяще излагаются основные и в высшей степени конструктивные положения о том, что есть язык как предмет изучения в языкознании. В «Курсе общей лингвистики» в законченном виде была предложена новая концепция и новая методология осмысления языка как системы знаков. Однако в соответствии с названием и целью предлагаемой статьи отметим, что и здесь собственно языковой материал представлен чрезвычайно скупо притом, что есть много произвольных неязыковых аналогий, привлекаемых в качестве косвенных доказательств.

В принципе так же обстоит дело и в фундаментальных по проблематике исследованиях В. Гумбольдта по общему языкознанию [7], а также в работах Ш. Балли [2] и Ж. Вандриеса [4], преимущественно посвященных французскому языку. Подобных примеров привести можно сколько угодно. Но из сказанного не следует, однако, что между русским и европейским языкознанием нет плодотворных линий пересечения. Они безусловно есть, но в порядке исключений. Общеизвестно, например, что научные идеи Ш. Балли в области фразеологии были поддержаны и далее плодотворно развиты на материале русского языка такими выдающимися русскими учеными, как В. В. Виноградов и Б. А. Ларин.

И в целом научное творчество Балли по его методологическим ориентациям и проблематике очень близко к традициям русского языкознания (см., например, его работы по общей лингвистике и стилистике французского языка [2], по сопоставительному анализу французского и немецкого языков [3]). Подобного рода сопоставления, однако, не могут рассматриваться как попытка противопоставить русское языкознание европейскому. Из сказанного следует лишь то, что европейский научный лингвистический текст, который в силу его априорности вполне уместно называть именно *научным дискурсом* (*научным нарративом, повествованием*), может быть обозначен как *дедуктивно-декларативный* по отношению к фактическому материалу, который не столько исследуется в его необходимой и достаточной количественной совокупности, сколько используется в качестве отдельных иллюстраций, призванных подтвердить то или иное заданное теоретическое положение. В крайней форме этот тип дискурса реализован в глоссематике, в частности в работах Л. Ельмслева [8].

В корне другим отношением к материалу научного исследования характеризуется русская лингвистическая традиция с самого начала ее становления, в которой научный дискурс как таковой, как *рассудочное повествование*, предшествующее анализу фактического материала или отрешенное от него, не представлен в принципе. В русском языкознании имеет место нечто совершенно другое, что опирается на внушительную фактическую базу, а именно – *научное изложение вводящего или обобщающего типа*. В том и другом случае оно опирается на фактический материал, который подвергается тщательному и, как правило, исчерпывающему анализу. При этом фактический материал не может быть случайным, социокультурно малозначимым, периферийным, хотя периферийные факты тоже подвергаются анализу и оценке. В любом случае это не субъективно и произвольно порождаемый *дискурс*, который в принципе может быть продолжен сколько угодно и в разных направлениях.

В русском языкознании в силу особых исторических условий возникновения и развития древнерусской письменной культуры в центре исследовательских интересов оказывались в первую очередь проблемы литературного языка не только как образцового, но и как языка культуры, что не свойственно европейскому дискурсивному языкознанию. Поэтому исследованиям по русскому языку не чужда и своеобразная энциклопедичность. Поэтому же неслучайно

«Российская грамматика» М. В. Ломоносова, являющаяся первой научной грамматикой русского языка, стала в то же время и *первой академической, и первой нормативной его грамматикой*, в которой можно найти ответы на многие вопросы по нормам образцовой речи и целесообразному использованию стилей русского литературного языка XVIII столетия. Вводящие (или предваряющие) замечания научного изложения Ломоносова служат для установления мотивированной связи между языком и материалистически трактуемой им природой, за которыми следует тонкий анализ обширного собственно языкового материала, завершающийся обобщающим, подытоживающим научным изложением. Приведем пример рационалистически нацеленных грамматических рассуждений Ломоносова – о категории грамматического рода:

«Животных натура на два пола разделила, на Мужеский и на Женский. Оттуда и имена их во многих языках суть двух родов: *господин, госпожа; муж, жена; Орел, Орлица*. Сие от животных простерлось и к вещам бездушным, из единого токмо употребления, и часто безрассудно, как мужескаго пола: *сук, лист, волос*; женскаго: *гора, вода, стена*» [9: 32].

Хотя категория рода характеризует многие языки, тем не менее Ломоносов, исходя из принципа рационализма, считает не без основания, что «слову человеческому нет в том необходимой нужды» [9: 32].

Невозможно говорить, к примеру, о каком-то научном дискурсе применительно к содержательному изложению в четырехтомном труде «Из записок по русской грамматике» А. А. Потетни, в котором на колоссальном материале различных древних и новых языков рассматриваются фундаментальные проблемы и частные вопросы истории языка и исторического языкознания. Читать его нужно очень внимательно, не упуская из виду и материал исследования. В нем нет заранее выстроенной стратегии повествования, называемого дискурсом и ориентированного на броскую занимательность. Это глубокое и разноплановое исследование, в котором устанавливаются и формулируются общие тенденции в развитии языков, а сами тенденции охватывают множество относительно законченных, логически и исторически увязанных между собой обобщенных эвристических сюжетов, поражающих тонкой наблюдательностью ученого. Если возникнет потребность хотя бы в каком-либо редком примере истории языка, который необходим, но трудно найти, то А. А. Потетня непременно выручит. Это тоже своеобразный энциклопедизм, характерный для всей русской лингвистической

классики, о чем автору уже приходилось писать [16: 70–72].

Применительно к современному русскому языку как предмету изучения в русском языкознании аналогично должны быть оценены, например, «Синтаксис русского языка» А. А. Шахматова [19] и «Русский синтаксис в научном освещении» А. М. Пешковского [12], представляющие собой не только гениально и в высшей степени оригинально, новаторски выполненные исследования, но и памятники национальной культуры, в которых актуализируются, исследуются, комментируются, в том числе и эстетически, а также пропагандируются в качестве выразительных средств огромные пласты русского литературного языка и языка русской словесно-художественной классики. В них на образцовом материале дан исчерпывающий научный анализ синтаксиса русского национального литературного языка, неподвластный времени. Аналогичными действительно универсальными памятниками синтаксического строя не располагает, насколько нам известно, ни один европейский язык, поскольку европейское языкознание всегда было более априорно-декларативным, чем систематизирующе-аналитическим. См. в этом плане, например, «Граматику Пор-Рояля» [1].

В качестве еще одного примера научного исследования, представляющего собой и памятник национальной культуры, невозможно не обратиться к гениальной монографии «Русский язык» В. В. Виноградова [6]. В ней не только исследован и обобщен огромный материал русского языка национального периода, извлеченный из множества памятников русской словесной и словесно-художественной культуры, не только представлен исчерпывающий анализ его морфологических категорий и форм, но и обобщены все существенные суждения, высказанные в европейском языкознании по соотносительным или близким проблемам в других языках. По истечении почти восьмидесяти лет со времени издания книги (1947) можно уверенно утверждать, что это и великолепно и гениально выполненное исследование по морфологическому строю русского языка, не имеющее аналогов, и энциклопедического типа памятник русской национальной культуры, который в полной мере сохраняет свою актуальность, оставаясь в то же время непревзойденным образцом научного исследования.

Или еще пример. В знаменитой монографии Н. С. Трубецкого «Основы фонологии», написанной на немецком языке (1939) [18], в которой изложена общеизвестная и общепризнанная его

фонологическая теория и которая послужила теоретической опорой для всех структуральных школ XX столетия, обобщены показания фонологических систем 200 языков мира. В ней нет дедуктивно порожденного дискурса. Ее формулировки строги, точны и выводятся из обильного языкового материала, который интерпретируется последовательно системно. Это один из ярких образцов русского языкознания, в котором теоретические положения не априорны, а формулируются в результате скрупулезного исследования очень большого и добротного фактического материала.

Одна из важнейших особенностей русского языкознания состоит и в том, что предметом фундаментального изучения в нем служил не только русский язык, но и все распространенные языки мира. Таковы, например, исследования по фонетике французского языка Л. В. Щербы, по истории, диалектологии, синтаксису немецкого языка В. М. Жирмунского и В. Г. Адмони, по арабскому языку И. Ю. Крачковского, по японскому языку Е. Д. Поливанова, по японскому и корейскому языкам А. А. Холодовича, по китайскому языку С. Е. Яхонтова, по испанскому языку Г. В. Степанова и т. д. Более того, реальными исследованиями в области теории и истории многих литературных европейских языков занимались почти исключительно русские советские ученые. При этом необходимо подчеркнуть, что в качестве главной мастерской, в которой разрабатывались важнейшие теоретические положения русского языкознания, используемые при изучении и других языков, выступала наука о русском языке, русистика.

Вместе с тем трудно назвать какую-либо основательную работу, которая была бы выполнена, например, по русскому языку лингвистами Европы, если не принимать во внимание этимологию, создаваемую по исследовательским результатам многих ученых. Это парадоксально, но факт. Представители европейской науки всегда были убеждены в превосходстве того, чем занимались они, считая свои занятия вершиной научного творчества, но это было проявлением обыкновенного европоцентризма в языкознании, как и во всем остальном тоже.

Более того. Если продолжить сопоставление, то станет очевидно, что русское языкознание сыграло колоссальную роль в актуализации полузабытых в Европе идей европейской же науки и подведении под многие из них необходимой фактической базы, которая, как отмечалось выше, в них изначально отсутствовала. Тем са-

мым русское языкознание развивалось как более универсальная, более открытая разным научным идеям, более фундаментальная и безусловно более многовекторная наука, в соответствии со сложной природой языка и его роли в обществе. Это касалось и содержания образования в университетах России и Европы. Например, к рубежу XX–XXI столетий лучшие традиции немецких университетов полнее и дольше сохранялись в России, как признавали сами немцы, чем в самой Германии, не говоря о немецкой классической научной лингвистической литературе, почти полностью перешедшей в пассивную историю на ее родине.

В русском языкознании в отличие от европейского всегда была значительна филологическая составляющая, которая непременно актуализировалась при исследовании языковых явлений в их функционировании и истории. Поэтому русские лингвисты были и блестящими филологами, аналитиками художественных текстов, начиная от М. В. Ломоносова и заканчивая Л. В. Щербой, В. В. Виноградовым, А. М. Пешковским, Б. А. Лариным и др. И по этой причине тоже языкознание в России отличалось большей фундаментальностью, не противоречащей исследовательской тщательности, в том числе в рассмотрении тонкостей и деталей изучаемого языкового материала.

Русское языкознание с 70-х годов XIX столетия по 80-е годы XX-го предстает как одна из самых внушительных частей мировой лингвистической науки, развивавшаяся не только в рамках трех известных школ – Казанской, Петербургско-Ленинградской, Московской, но и в трудах крупнейших ученых, которые не входили в какие-либо школы (например, В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, А. М. Селищев и др.).

Насколько Европа была знакома с нашей отечественной наукой, значения не имеет, поскольку она была всегда плохо знакома с нею.

С 50-х годов XX столетия, когда русское языкознание стало активно и масштабно заниматься исследованиями в области теории и истории литературных языков, языка художественной литературы и фольклора, исследованиями по диалектам русского языка, составлением диалектных словарей, толковых словарей литературного языка и т. д., европейское языкознание оказалось в состоянии кризиса, который в качестве одного из следствий способствовал зарождению структурализма с его априорно-декларативными установками, в соответствии с которыми язык как предмет изучения в языкознании был

почти полностью подменен процедурными вопросами.

Значительное распространение с конца 60-х годов XX столетия структурализм получил и в отечественном языкознании, и это стало первым тревожным сигналом об отходе от отечественных научных традиций. Как показало время, безусловно негативно сказался на отечественной русистике и тот факт, что в массовом порядке в вузах стали открываться кафедры и факультеты русского языка как иностранного, которые лучше финансировались и которым больше выделялось плановых бюджетных мест. В то же время студенты, обучавшиеся по этой специальности, получали образование по урезанным учебным планам по русскому языку и его истории, но с большим вниманием к иностранным языкам, преимущественно английскому. Традиционный в русской университетской практике и обязательный для подготовки полноценных филологов-русистов цикл исторических дисциплин (старославянский язык, историческая грамматика русского языка, история русского литературного языка) был просто отменен. Приведу слова профессора Афанасия Матвеевича Селищева о значении изучения, например, старославянского языка для подготовки филологов-русистов и специалистов по другим славянским языкам:

«Задача курса старославянского языка заключается в том, чтобы представить необходимые лингвистические сведения, которыми должен располагать каждый приступающий к изучению истории русского и других славянских языков» [13: 4].

Безусловно отрицательно сказались на исследовательской практике и на научно-методологических ориентациях у нас в стране и увлечения многих ложно определяемым и трактуемым русским разговорным языком в качестве предмета изучения, разного рода вульгарными социальными жаргонами и обценной лексикой. Все это привело к тому, что лингвистические работы практически утратили предмет науки как авторитетной и влиятельной отрасли знания, вместе с ним и общественную значимость, а также свою традиционно культуросозидающую и познавательную роль, превратившись во вспомогательную опору для конъюнктурной социологии и культурологии.

Положение усугублялось еще и совершенно ошибочно принятой у нас в угоду Западу так называемой болонской системой образования, которая по сути своей не рассчитана на интеллектуальное и профессиональное развитие студентов. Это один из образцов профанации образования.

Наука, как и образование, без специализации немыслима. Специализация определяется предметом изучения в науке, в том числе и ракурсами изучения того же предмета в разных науках. Так складывалось русское классическое языкознание, в котором русский язык исследовали и описывали в синхронии и диахронии, в плане его изменчивой разноуровневой структуры, стилистической и территориальной дифференциации, установления образцовых письменных и устных норм, в плане его выразительных и художественно-эстетических возможностей, взаимодействия с другими языками и т. д. Все выполненные по указанным и другим аспектам исследования – это фундаментальные работы, в которых систематизируются и обобщаются богатства русского языка в его истории. Однако все это уже стало достоянием истории.

НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

Современное отечественное языкознание, как и европейское языкознание, как в целом интеллектуальная культура, переживает очевидный кризис. Кризис вызван не тем, что наука исчерпала предмет изучения, а тем, что она отошла от своего предмета изучения в угоду ложно понятым целям, якобы продиктованным актуальными общественными потребностями. Именно кризис (не научные достижения!) на рубеже XX–XXI столетий почти уравнивал некоторую часть русского и европейского языкознание: и в том и в другом случае утрачены предмет и методология в качестве важнейших составляющих науки. Чтобы преодолеть кризис и снова стать авторитетной, познавательной и культуросозидающей отраслью знания, русскому языкознанию необходимо вернуться к принципиальным традициям отечественной науки с ее неизменной ориентированностью на подлинно общественные потребности и на тысячелетнюю историю национальной культуры. Тем более, что блестящая русская лингвистическая классика (труды Ломоносова, Востокова, Буслаева, Потебни, Фортунатова, Соболевского, Шахматова, Щербы, Виноградова, Ларина и многих других), в отличие от европейской, никуда не ушла, а остается активным фондом современной русской науки.

Русское языкознание должно оставаться, как всегда, важнейшей формой национальной культуры, универсальным средством воспитания молодежи в семье и школе, а также главным средством воспитания общества в целом, в том числе и в рамках защиты национально-культурных ценностей. Такая демаркация безусловно оздоравливающе скажется на русском языкознании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арно А., Лансло К. Всеобщая рациональная грамматика: (Грамматика Пор-Рояля) / Пер. с фр. Ю. С. Маслова и др. Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. 126 с.
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Пер. с 3-го фр. изд. Е. В. и Т. В. Вентцель; Ред., вступ. статья [с. 3–19] и примеч. Р. А. Будагова. М.: Изд-во иностр. лит., 1955. 416 с.
3. Балли Ш. Французская стилистика. / Пер. с фр. К. А. Долинина; Под ред. Е. Г. Эткинда; Вступ. ст. Р. А. Будагова. М.: Изд-во иностр. лит., 1961. 394 с.
4. Вандриес Ж. Язык: Лингвистическое введение в историю: Пер. с франц. / Примеч. П. С. Кузнецова; Под ред. и с предисл. Р. О. Шор. М.: Соцэкгиз, 1937. 410 с.
5. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв.: Учебник. 3-е изд. М.: Высш. шк., 1982. 528 с.
6. Виноградов В. В. Русский язык: (Грамматическое учение о слове). М.; Л.: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1947. 783 с.
7. Гумбольдт В. фон. Характер языка и характер народа // Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры / Сост., общ. ред. и вступ. ст. А. В. Гулыги и Г. В. Рамишвили. М.: Прогресс, 1985. С. 370–381.
8. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка: Пер. с англ. КомКнига, 2006. 248 с. (Серия «Лингвистическое наследие XX века»).
9. Ломоносов М. В. Российская грамматика. СПб., 1755. 210 с.
10. Обнорский С. П. Ломоносов и русский литературный язык // Известия АН СССР. Отд. литературы и языка. Т. I, № 1. М.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 53–64.
11. Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960. 499 с.
12. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956. 510 с.
13. Селищев А. М. От автора // Старославянский язык. Введение. Фонетика. М.: Учпедгиз, 1951. С. 4.
14. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. С. 7–285.
15. Тарланов З. К. Избранные работы по языкознанию и филологии. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. 784 с.
16. Тарланов З. К. Ментальность и языковедческая исследовательская практика // Метафизика. 2021. № 1 (39). С. 65–78.
17. Томсен В. История языковедения до конца XIX века. М.: Учпедгиз, 1938. 160 с.
18. Трубецкой Н. С. Основы фонологии / Пер. с нем. А. А. Холодовича. М., 1960. 372 с.
19. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. / Ред. и коммент. проф. Е. С. Истриной. 2-е изд. Л.: Учпедгиз, Ленингр. отд-ние, 1941. 620 с.

Поступила в редакцию 18.07.2023; принята к публикации 31.01.2024

Original article

Zamir K. Tarlanov, Dr. Sc. (Philology), Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
savit@sampon.ru

THE QUALITY OF STUDIED LANGUAGE MATERIAL AND LINGUISTICS AS A SCIENCE

Abstract. The article studies the nature of the connection between ethnic (national) culture and the development of scientific thought, particularly in linguistics. It is proved that the connection between science and culture is inherently unilateral, with culture acting as a vital and compulsory catalyst for the emergence of scientific inquiry, explaining the ethno-cultural dependency of science. The research draws on the analysis of linguistic materials, methods, and methodology that comprise the content of the fundamental and universally recognized classical works of European and Russian linguistics of the XIX and the XX centuries written by G. Paul, F. de Saussure, C. Bally, J. Vendryes, L. Hjelmslev, A. A. Potebnya, A. A. Shakhmatov, A. M. Peshkovsky, V. V. Vinogradov, L. V. Shcherba, V. M. Zhirmunsky, etc. The article substantiates and proves the assertion that European scientific linguistic text, which may be appropriately referred to as scientific discourse (scientific narrative, narrative), can be classified as deductive-declarative in nature when it comes to presenting factual information. Rather than exhaustively examining quantitative data, this type of discourse typically utilizes individual examples to support a predetermined theoretical standpoint. The extreme manifestation of this approach can be seen in glossematics, as exemplified in the writings of L. Hjelmslev. Russian linguistics demonstrates something entirely different that draws upon an impressive factual base – namely, an introductory or generalizing scientific presentation. In both cases, this presentation is grounded in factual evidence subjected to a meticulous and usually exhaustive analysis. This factual material must not be random or peripheral and must not lack socio-cultural significance, although even the peripheral facts are thoroughly examined and assessed. In any case, this discourse is not subjectively or arbitrarily generated, and cannot be continued indefinitely in various

directions. In accordance with this, Russian linguistics is distinguished by its reliance on abundant concrete factual evidence, evidence-based approach, encyclopedic nature, and profound integration into national culture. It is predominantly multifaceted and humanistically oriented in its content.

Key words: Russian linguistics, European linguistics, scientific discourse, scientific research, apriority, evidence, factual material, science, culture, science-culture relationship

For citation: Tarlanov, Z. K. The quality of studied language material and linguistics as a science. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(3):28–35. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1021

REFERENCES

1. Arnauld, A., Lancelot, C. General and rational grammar: (the Port-Royal grammar). Leningrad, 1991. 126 p. (In Russ.)
2. Bally, C. General linguistics and questions of the French language. (R. A. Budagov, Ed.). Moscow, 1955. 416 p. (In Russ.)
3. Bally, C. French stylistics. (E. G. Etkind, Ed.). Moscow, 1961. 394 p. (In Russ.)
4. Vendryes, J. Language: A linguistic introduction to history. (R. O. Shor, Ed.). Moscow, 1937. 410 p. (In Russ.)
5. Vinogradov, V. V. Essays on the history of the Russian literary language of the XVII–XIX centuries. Moscow, 1982. 528 p. (In Russ.)
6. Vinogradov, V. V. The Russian language: (Grammatical doctrine of the word). Moscow; Leningrad, 1947. 783 p. (In Russ.)
7. Humboldt, W. von. The character of language and the character of people. *Humboldt, W. von. Language and philosophy of culture*. (A. V. Gulyga, G. V. Ramishvili, Eds.). Moscow, 1985. P. 370–381. (In Russ.)
8. Hjelmslev, L. Prolegomena to a theory of language. Moscow, 2006. 248 p. (In Russ.)
9. Lomonosov, M. V. Russian grammar. St. Petersburg, 1755. 210 p. (In Russ.)
10. Obnorsky, S. P. Lomonosov and the Russian literary language. *Izvestia of the USSR Academy of Sciences. Department of Literature and Language*. Vol. I, No 1. Moscow, 1940. P. 53–64. (In Russ.)
11. Paul, H. Principles of the history of language. Moscow, 1960. 499 p. (In Russ.)
12. Peshkovsky, A. M. Russian syntax in scientific coverage. Moscow, 1956. 510 p. (In Russ.)
13. Selishchev, A. M. Author's note. *The Old Slavic language. Introduction. Phonetics*. Moscow, 1951. P. 4. (In Russ.)
14. Saussure, F. de. Course in general linguistics. *Saussure F. de. Works on linguistics*. Moscow, 1977. P. 7–285. (In Russ.)
15. Tarlanov, Z. K. Selected works on linguistics and philology. Petrozavodsk, 2005. 784 p. (In Russ.)
16. Tarlanov, Z. K. Mentality and language research practice. *Metaphysics*. 2021;1(39):65–78. (In Russ.)
17. Thomsen, V. The history of linguistics until the late XIX century. Moscow, 1938. 160 p. (In Russ.)
18. Trubetskoy, N. S. Fundamentals of phonology. Moscow, 1960. 372 p. (In Russ.)
19. Shakhmatov, A. A. Syntax of the Russian language. Leningrad, 1941. 620 p. (In Russ.)

Received: 18 July 2023; accepted: 31 January 2024

ОКСАНА МИХАЙЛОВНА ГРУНЧЕНКО

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-8754-6975; ogrun@yandex.ru

АННА СЕРГЕЕВНА КУЛЕВА

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Российская Федерация)

ORCID 0000-0001-6536-3943; an_kuleva@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПРЕДСТАВЛЕНИИ НАЗВАНИЙ РАСТЕНИЙ В ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ

Аннотация. Лексикографическое описание названий растений (фитонимов) является актуальной проблемой, поскольку данные существующих толковых словарей неполны, противоречивы и несовременны. Можно поставить под сомнение выбранный лексикографами прошлого научно ориентированный подход, поскольку шаблонные толкования типа «травянистое растение семейства сложноцветных» часто оказываются не только неинформативными, но и неточными или неверными с точки зрения естественно-научной парадигмы. Попытка описывать названия растений только как часть научной номенклатуры привела к тому, что из толковых словарей исключались устаревшие, варианты, разговорные и подобные номинации. В результате словари стали описывать искусственно ограниченную и стилистически нейтрализованную группу слов. Анализ современных источников, в том числе корпусных, приводит к мнению, что толковые словари призваны отражать не специальное, а именно общеязыковое употребление названий растений. В таком понимании эта группа лексики представляет собой обширный и разнородный пласт единиц, находящихся в сложных семантических отношениях: одно растение может иметь несколько названий, различающихся диахронически, стилистически, функционально, одно название может относиться к разным растениям. Лексикографическое описание названий растений должно строиться на лингвистических основаниях.

Ключевые слова: лексикография, лексикология, толковый словарь, фитонимы, растения

Для цитирования: Грунченко О. М., Кулева А. С. К вопросу о представлении названий растений в толковом словаре // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 3. С. 36–44. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1022

ВВЕДЕНИЕ

Работа над новыми толковыми словарями современного русского языка во многом строится с опорой на существующие словари, отражающие язык нескольких хронологических срезов XX века, – это Толковый словарь русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова¹ (СУ), Большой академический словарь² (БАС) и Малый академический словарь³ (МАС), однотомные словари под редакцией С. И. Ожегова⁴ и Н. Ю. Шведовой⁵ (СОШ / СШВ). Наиболее продуктивным методом работы в таком случае становится не столько удаление и добавление отдельных лексем, сколько системная проработка различных групп лексики. Одним из лексических пластов, заслуживающих специального внимания и дополнительного

исследования, следует назвать фитонимы – названия растений. Как показывает анализ выборки соответствующих словарных статей (общим числом около 700), в авторитетных толковых словарях названия растений отражены очень непоследовательно. Во многом это можно объяснить выраженным стремлением отечественных лексикографов рассматривать данную группу лексики преимущественно как ботанический номенклатурный подкласс: представляется, что такой подход обусловил как формирование словника в этой сфере, так и попытку выработки типизированных толкований. С одной стороны, от словаря к словарю исключались лексемы устаревшие, областные, стилистически окрашенные или дублетные, в результате формировался однородный и «одномерный» словник с искусственно

сглаженной стилистической шкалой. С другой стороны, формульные наукообразные толкования зачастую оказывались малоинформативными. Кроме того, пополнение словаря новыми единицами, отражающими актуальную практику словоупотребления, существенно запаздывало.

Таким образом, рассматриваемая лексическая группа в существующих толковых словарях оказывается недостаточно полной, содержащей устаревшие сведения и противоречиво описанной. Для исправления сложившейся ситуации в современных словарях (в частности, статья опирается на опыт работы над новым толковым словарем среднего типа (АТос⁶)), как представляется, требуется не только комплексный анализ отмеченных недостатков, но и пересмотр подхода к лексикографированию лексических единиц такого рода. Рассмотрим примеры словарных статей.

НАУЧНЫЙ КОМПОНЕНТ В ТОЛКОВАНИИ ФИТОНИМОВ

Как было сказано, нетрудно заметить, что от словаря к словарю толкования в словарных статьях, описывающих фитонимы, менялись в сторону большей научности с явной ориентацией на естественно-научную парадигму. Ср.:

СУ: **ПУПАВКА**, -и, жс., и **ПУПАВНИК**, -а, м. Полевое сорное растение.

БАС: **ПУПАВКА**, -и, род. мн. -вок, жс. Многолетнее пахучее сорное растение сем. сложноцветных, с ветвистым стеблем и желтыми цветками. **ПУПАВНИК**, -а, м. То же, что пупавка.

МАС: **ПУПАВКА**, -и, род. мн. -вок, дат. -вкам, жс. Травянистое растение сем. сложноцветных, с ромашковидными соцветиями, состоящими из желтых трубчатых срединных и белых или желтых краевых цветков.

Отметим, что в МАС по сравнению с СУ была исключена вариативность *пупавка / пупавник*, а неконкретное толкование, основанное только на сельскохозяйственном подходе (*полевой сорняк*), сменилось описанием, ориентированным на ботаническую классификацию и терминологию (*травянистое растение сем. сложноцветных, ромашковидные соцветия* и т. п.). С другой стороны, такое толкование едва ли позволяет отличить *пупавку* от других растений того же семейства, имеющих бело-желтые цветки, ср.:

СУ: **РОМАШКА**, -и, жс. (бот.). **1.** только ед. Однолетнее травянистое растение из сем. сложноцветных. <...>

БАС: **РОМАШКА**, -и, род. мн. -шек, жс. **1.** Травянистое растение сем. сложноцветных с одиночными цветками, белыми по краям и желтыми в середине. <...>

МАС: **РОМАШКА**, и, род. мн. шек, дат. шам, жс. Травянистое растение сем. сложноцветных, с цветками, состоящими из белых лепестков и желтой трубчатой середины.

СШв: **РОМАШКА**, и, жс. **1.** Травянистое растение сем. сложноцветных с цветками, у к-рых лепестки обычно белые, а середина жёлтая; сам такой цветок. <...>

СУ: **ПОПОВНИК**, -а, м. (бот.). Луговое сорное растение, сходное по цветам (с белыми лепестками и желтой серединкой) с ромашкой.

БАС: **ПОПОВНИК**, -а, м. Луговое сорное растение сем. сложноцветных, цветами похожее на ромашку.

МАС: **ПОПОВНИК**, а, м. Луговое или полевое травянистое растение сем. сложноцветных, с цветками, похожими на ромашку.

БАС: **ПИРЕТРУМ**, -а, м. **1.** Травянистое или полукустарниковое растение сем. сложноцветных; ромашка. <...>

Если же обратиться к собственно ботаническим источникам, можно увидеть, что научный компонент (как и энциклопедические сведения) в толковых словарях передается не так и точно. Ср. в Биологическом энциклопедическом словаре (БЭС)⁷:

НИВЯНИК (*Leucanthemum*), род травянистых растений сем. сложноцветных. Соцветия – б. ч. крупные одиночные корзинки. <...> В умеренном поясе широко распространён стержнекорневой многолетник – Н. обыкновенный, или **поповник**, ромашка луговая (*L. vulgare*).

ПИРЕТРУМ ромашник, ромашка (*Pyrethrum*), род многолетних травянистых растений сем. сложноцветных. Корзинки одиночные или собраны в общее щитковидное соцветие. Ок. 100 видов <...> часто культивируемый П. цинерариелистный, или далматская ромашка (*P. cinerariifolium*, или *Tanacetum cinerariifolium*) <...> П. розовый, или персидская ромашка (*P. roseum*), и П. красный, или кавказская ромашка (*P. coccineum*). П. большой, или бальзамический кануфер (*P. majus*, или *Tanacetum balsamita*) <...> выращивают как пряность. <...> Род П. часто объединяют с родами пижма и хризантема.

ПОПОВНИК растение рода нивяник. П. изредка наз. также виды рода пиретрум.

ПУПАВКА (*Anthemis*), род одно- и многолетних трав, реже полукустарничков сем. сложноцветных. Краевые язычковые цветки в корзинке с белым, жёлтым, золотисто-жёлтым и изредка розовым отгибом (у некоторых язычковых цветков нет). <...>

РОМАШКИ травянистые растения сем. сложноцветных из неск. близких родов. Настоящие Р. – однолетники с коническим полым ложом соцветия и с ослизняющимися во влажном состоянии семянками. К роду хамомила (*Chamomilla*) относятся Р. аптечная, или ободранная (*C. recutita*), и Р. ромашковидная, или пахучая (*C. suaveolens*), прежде относимые к роду матриcaria (*Matricaria*). <...> **Народное назв. «Р.»** относится и к тем растениям из родов нивяник, пиретрум и др., у к-рых срединные трубчатые цветки в корзинке жёлтые, а краевые ложноязычковые цветки («лепестки») белые.

Материал Национального корпуса русского языка (НКРЯ)⁸ дает представление об употребительности приведенных лексем. Ср.:

ромашка – в основном корпусе 971 употребление (*ромашник* – 1), в газетном – 1989;

нивяник – в основном корпусе 0 употреблений, в газетном – 20: *В компанию к колокольчикам поместите привычные глазу ромашки, из которых на зависть соседям выберите нивяник кавказский, обладающий великолепными крупными цветками* [Дача для июньского отпускника // «Аргументы и факты», 2005.11];

пиретрум – в основном корпусе – 4, в газетном – 44: *Поляна была сплошь покрыта цветами белого пиретрума* [С. Григорьев. За метеором // «Знание – сила», 1932]; *Из многолетних видов в средней полосе России чаще всего выращивают хризантему нивяник, или поповник, и хризантему пиретрум, которые в последнее время стали относить к роду хризантем* [Хризантемное // «Аргументы и факты», 2001.11];

поповник – в основном корпусе – 6, в газетном – 2: *Нюра то и дело нагибается, рвет скромные блеклые незабудки, фиолетово-синий мышинный горошек и похожий на ячницу-глазунью бело-желтый поповник* [Н. Дубов. Огни на реке (1966)];

пулавка – в основном корпусе – 7 (*пулавник* – 0 употреблений): *Поляна цвела перед ней разнотканым ковром. Цветы были нежные, райские. Алые капли гвоздики, воздушные на тонких стеблях колокольчики, шелковистая дрема, похожая на ветерок, залутовавшийся между травы, ярко блиставшие, подобные белому дню, головки пулавок, раковые шейки метелками, напротив того, умерявшие свет тихой своей фиолетовостью, желтые лютики, чем-то напоминавшие пасхальные свечи в весеннюю ночь, и, наконец, у самой земли, разноцветные стайки анютиных глазок, похожих на маленьких девочек в ситцевых платьицах...* [И. Новиков. Жертва (1921)]; *По стеблю оранжевой пулавки ползет прозрачно-зеленая тля* [Н. Крышук. Отступление // «Звезда», 2003].

Итак, вполне употребительными (особенно в газетном корпусе, где преобладают современные примеры), оказываются лексемы *нивяник* и *пиретрум*, которые отсутствуют в толковых словарях, тогда как вариант *пулавник* в примерах не представлен. Кроме того, обнаруживаются примеры, которые явно противоречат словарным толкованиям (*оранжевая пулавка*), однако соответствуют энциклопедическим.

Существенно, что статьи из БЭС (как и примеры из НКРЯ) демонстрируют, что лексемы соответствующей группы находятся в сложных отношениях между собой: одни называют ботанический род (*пулавка*), другие – отдельный вид в составе рода (*поповник* vs *нивяник*), третьи – различные внешне похожие растения (*ромашка*), причем частотность ботанически неточного, обобщенного названия *ромашка* разительно отличается от единично употребленных более точных с научной точки зрения названий. Более того, именно ботанические источники демонстрируют отсутствие однозначности и научной строгости в сфере названий растений: в одну ботаниче-

скую единицу могут объединяться растения с различными названиями, а одним названием могут быть названы различные объекты материального мира (ср.: *ромашка* vs *хризантема*, *пулавка*, *кануфер*, *пижма*, *матрикария*), и граница между номинациями оказывается довольно зыбкой. В результате некоторые «научоцентричные» словарные толкования оказываются нерелевантными именно с ботанической точки зрения: например, толкования для *пулавки* в МАС и БАС относятся к отдельным видам этого растения, тогда как определение значения слова *ромашка* как «растение сем. сложноцветных» создает ложное представление о том, что в систематике выделяется такой род.

Таким образом, названия растений оказываются принципиально разнородной, сложно организованной группой, в которой обиходные названия зачастую более употребительны, чем научные номенклатурные.

ПРОБЛЕМА ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТИЛИСТИЧЕСКИ ОКРАШЕННЫХ ФИТОНИМОВ

Как было сказано выше, наукоцентричный лексикографический подход привел к тому, что из словарей постепенно исключались «недостаточно научные» названия растений – неконкретные (*желтоцвет*), устаревшие (*шоколадник* ‘какао’), областные (*бурак*, *ржанец*) и стилистически окрашенные, ср.:

СУ: СМОРО́ДА, -ы, мн. нет, ж. (обл.). То же, что смородина. *Красная с.*

МАС: СМОРО́ДА, ы, ж. *Прост.* То же, что смородина.

МАС: КОНОПÉЛЬ, и, ж. *Устар. и обл.* То же, что конопля. *И понемногу начало назад Его тянуть: в деревню, в темный сад, Где пахнет конопелью да крапивой.* Тургенев, Лес и степь.

В результате при обращении к толковым словарям складывается впечатление, что «ненаучные», обиходные, стилистически сниженные названия тяготеют к устаревшей лексике, вытесняются со временем за пределы литературного языка. Очевидно, что это представление ложное. Помимо действительно неактуальных лексем типа *конопель*, стилистически окрашенные названия занимают значительное место в рассматриваемой группе. Прежде всего, это обиходные наименования типа *ромашка*, а также многочисленные названия, не попавшие в толковые словари, но нередко используемые и сейчас (ср.: *девица в зелени* / *чернушка* / *нигелла*, *ванька мокрый* / *недотрога* / *бальзамин*, *цыганские серьги* / *фуксия*, *майорчики* / *цинния*, *весё-*

лые ребята / *однолетние георгины*). Более того, этот лексический пласт постоянно пополняется новыми единицами, которые не находят отражения в толковых словарях. Ср.: **сентябрики** / **октябрики** ‘многолетние астры’, **денежное дерево** / **толстянка** / **крассула**, **долларовое дерево** / **цветок безбрачия** / **замиокулькас** и др.

Такая ситуация тем более удручает, что в русской толковой лексикографии в принципе существует традиция описания различно функционирующих единиц и значений в сфере фитонимов.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ

«Наукоцентричный», номенклатурный подход к фитонимам предполагает установку на их терминологичность, которая, прежде всего, требует не только стилистической нейтральности, но и однозначности. Реально же типичной оказывается ситуация, когда одному денотату (в данном случае – растению) соответствует несколько номинаций, различающихся стилистически и/или функционально, а одно и то же название может относиться к разным растениям, зачастую даже не родственным в ботаническом смысле.

Очень важно, что в основных толковых словарях встречается несколько типов удачного и экономного истолкования разных типов названий растений. Во-первых, это описание реальной многозначности лексемы: как правило, разграничение ботанического именования (в примере ниже – *багульник*, *Ledum*) и обиходного применения этого названия к другому растению (*Rhododendron*). Ср.:

МАС: **БАГУЛЬНИК**, -а, м. 1. Вечнозеленый низкий ядовитый кустарник сем. вересковых, с одурманивающим запахом, растущий на торфяных болотах. *Пряный запах багульника стоит в лесу, одурманивая охотника в жаркие дни.* Туров, Очерки охотника натуралиста. 2. Распространенное название даурского рододендрона. *Зацвел багульник, и склоны сопок заполыхали фиолетово-малиновым огнем.* Ажаев, Далеко от Москвы.

СШв: **БАГУЛЬНИК**, -а, м. 1. Вечнозеленый болотный с одурманивающим запахом кустарничек сем. вересковых. 2. Народное название кустарникового растения с нежными сиренево-розовыми цветками – одного из видов рододендрона.

Во-вторых, используется истолкование менее распространенной, но более ботанически точной номинации через обиходный синоним и наоборот – разговорной единицы через нейтральный синоним. Ср.:

МАС:

КАЛЕНДУЛА, -ы, ж. Травянистое растение сем. сложноцветных, с оранжево-желтыми соцветиями; **ноготки**.

СТОЛЕТНИК, а, м. Народное название растений **алоэ** и **агавы**. *Это растение [агава] цветет очень редко,*

за что оно получило название «столетника». А. В. Кожевников, Весна и осень в жизни растений.

Оба приема (фиксация многозначности и толкование через синоним) очень удачны, поскольку позволяют сочетать описательное толкование и отсылку к фоновым знаниям читателя. Такие примеры, позволяющие проследить пути семантических сдвигов, развитие производных значений, исключительно интересны. Рамки настоящей статьи не позволяют остановиться на этом аспекте подробнее, можно лишь упомянуть, что часто использование названия одного растения по отношению к другому связано с тем, что более известная лексема соотносится с новым для говорящих растением, причем эти растения схожи по какому-либо важному для носителя языка признаку (так, *рододендрон* и *багульник* – растения одного семейства, в силу этого подобные по внешнему виду, характеру произрастания), но обычно не встречаются рядом в природных условиях, ср.:

АТос (ср. в МАС): **ЖАСМЫН**, а, м. 1. Декоративный кустарник сем. гортензиевых с белыми душистыми цветками, собранными в небольшие кисти; **чубушник**. *Садовый жасмин*. 2. Субтропический кустарник сем. маслиновых, с душистыми цветками, а также ароматизатор, изготовленный из таких цветков. *Чай с жасмином*.

Однако составление словарных статей в подобных случаях сопряжено с рядом трудностей. Прежде всего при фиксации многозначности существует проблема, какое из значений следует описывать первым. В случае с *багульником*, кажется, это очевидно: первым приводится «официальное» значение, вторым – обиходное, производное от первого (при котором была бы уместна помета *Разг.*). В случае с *жасмином* возникает дополнительное обстоятельство – актуальность лексемы для русского языкового сознания, поскольку настоящий *жасмин* в климатических условиях России не распространен. При этом данное растение можно встретить как оранжерейное, и более того, оно широко известно в связи с использованием его цветков в качестве ароматизатора (*чай с жасмином*, *духи с запахом жасмина*). Однако в словарях обычно описывается *жасмин* в обиходном понимании, то есть *чубушник* (так в СУ, СО, СШв; два значения выделяет МАС), причем в БАС дается также оттенок «запах жасмина», который вступает в противоречие с действительностью, поскольку специфический запах присущ используемому в качестве ароматизатора цветкам другого растения, не *чубушника*.

БАС: **ЖАСМЫН**, -а, м. Кустарниковое растение, разводимое в садах и парках, с пахучими белыми цветами;

чубушник. <...> || Название духов с запахом жасмина; запах духов жасмина. <...>

Важной оказывается также проблема выделения «опорной» лексемы при толковании с помощью синонима, поскольку в разных случаях более употребительной может оказаться как научная номинация, часто иноязычная (ботаническая номенклатура традиционно дается на латинском языке), так и обиходная, ср.: **анютины глазки** vs *виола* или *фиалка Виттрока*, **бархатцы** vs *тагетес*, **водосбор** vs *аквилегия*, **касатик** vs *ирис*, **красавка** vs *белладонна*, **кошачья лапка** vs *антеннария*, **кувшинка** vs *нимфея*, **ломонос** vs *клематис*, **львиный зев** vs *антирринум*, **маун** vs *валериана*, **ноготки** vs *календула*, **разбитое сердце** vs *дицентра* (в ряде приведенных случаев выбор основного варианта, выделенного выше полужирным шрифтом, остается предметом обсуждения).

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ РАБОТА: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

Интересным случаем для лексикографов стала словарная статья *декабрист*. С одной стороны, до сих пор в толковых словарях эта лексема в качестве фитонима еще не фиксировалась. С другой стороны, называемое этим словом растение относится к числу самых распространенных комнатных цветов и носителям языка хорошо известно. Название *декабрист*, безусловно, является обиходным, его можно характеризовать как разговорное, однако с определением его научного коррелята возникают сложности. В разных ботанических и популярных цветоческих источниках начиная с середины прошлого века встречаются номинации *филлокактус* (*Phyllocactus*), *эпифиллум* (*Epiphyllum*), *зигокактус* (*Zygocactus*), *шлюмбергера* / *шлумбергера* (*Schlumbergera*), однако существуют расхождения в соотношении названий с ботанической единицей (видами в составе рода, разными родами). Название *декабрист* приводится в некоторых источниках как «народное название», наряду с такими как *листокактус* (= *филлокактус*), *Варварин цвет*, *Рождественский кактус* и *рождественник*. Так, в специальной литературе прошлого века: «**Эпифиллум**. *Epiphyllum* Эпифитные плоскочленистые кустики. Красиво и обильно цветут осенью, в начале зимы и весной»⁹; в переводной популярной литературе: «**Зигокактус**, *Zygocactus* усеченный, «декабрист» (**Шлумбергера усеченная**)»¹⁰; в современной специальной литературе: «**Шлюмбергера** <...> Старое название рода – *зигокактус*. Народное название растения “декабрист”»¹¹.

Поиск в НКРЯ дает представление об употребительности вариантов:

листокактус, *филлокактус* – 0 примеров;
Варварин цвет – 0 примеров;
Рождественский кактус, *рождественник* – 0 примеров;
шлумбергера – 0 примеров;
шлюмбергера – 1 текст, 1 пример;
зигокактус – 5 текстов, 5 примеров;
декабрист – 1 179 текстов, 3 262 примера.

Очевидно, что подавляющее большинство употреблений лексемы *декабрист* относится к значению ‘участник декабрьского восстания 1825 г.’; примеры на употребление ее как названия растения можно обнаружить только с учетом лексической сочетаемости или трудоемким методом сплошной выборки. Таким образом можно найти 18 примеров, что немного, но существенно больше, чем для любого из упомянутых выше альтернативных вариантов. Ср.:

поиск «декабрист + название, прозвище»:

Среди многочисленных видов кактусов, растущих в наших комнатах, есть один, который в отличие от своих собратьев цветет зимой, за что он и получил среди любителей-кактусоводов прозвище «декабрист» [Т. Клевенская. Пустыня на подоконнике // «Химия и жизнь», 1965];

поиск «декабрист + цвести, зацвести»:

*Да! У меня зацвел «декабрист», отросток которого мне когда-то дала Туся [Т. Коробкина. Дневник (1989)]; Корни и цветки у кактусов обнаружить легко. Стебель у них сильно изменен, поскольку кактусы часто живут в пустынях. С первым примером колючек мы уже познакомились. Например, «кактус-декабрист» (*Phyllocactus*), который цветет на окнах зимой, родом из тропических лесов [В. Чуб. Что изучает наука ботаника? (1998)];*

поиск «декабрист + цветок»:

Полтора часа стояли зрители под снегопадом, а потом стали бросать на площадку цветы, выращенные на окне. В основном на снег ложилась герань. --- И еще к нам летели огромные белые, похожие на лилии, цветы – декабристы [Т. Тарасова, В. Мелик-Карамов. Красавица и чудовище (1984–2001)]; У меня стоит от Оли подарок десятки лет – цветок «декабрист» [А. Тахо-Годи. Жизнь и судьба: Воспоминания (2009)];

поиск «декабрист + цветок + стоять + на»:

Там стояла не работающая стиральная машина советских времен, вместо столика, и швейная машинка, и телевизор, который тоже не работал. На телевизоре стоял бодрый цветок «Декабрист» [Н. Черных. Слабые, сильные. // «Волга», 2015].

поиск «декабрист + подоконник»:

Затем она отметила, что «**декабрист**», гордо торчащий на **подоконнике** в старом треснутом горшке, произвел на свет бутон, готовый вот-вот лопнуть [Е. Маркова. Каприз фаворита (1990–2000)]; Вот они, на **подоконнике** – фиалки, **декабристы**, белокрыльчатки [А. Митрофанов. Путешествие в восьмидесятые годы (2001) // «Известия», 01.07.2001];

поиск «декабрист + горшок»:

Горшки с алоэ, **декабристом**, чудо-деревом, неподвижной кошкой, ажурными стенными часами, виднеющимся углом аквариума, в котором всплывали пузырьки и гуппи полоскали обгрызенные хвосты; репродукции «Незнакомки», «Трех богатырей», «Не ждали» [А. Иличевский. Известия // «Новый Мир», 2006];

поиск «декабрист + растение + подоконник + стоять + на»:

В его окнах на широких **подоконниках** стояли горшки с фиалками, глоксиниями и **растением «декабрист»** [М. Бару. Второй сон Любви Александровны // «Волга», 2015].

Показательно, что в приведенных примерах нашли отражение и вариативность названий, и ощущаемая авторами «ненормативность» обиходного именования (отметим употребление в кавычках и даже использование его в качестве имени собственного, прозвища); можно также обратить внимание на ряды, в которые встраивается рассматриваемое название.

В газетном корпусе НКРЯ большая часть альтернативных номинаций также отсутствует или представлена единичными примерами, зато наряду с **декабристом** встречается и современное научное название этого растения: **шлюмбергера**.

Она хорошо известна под другими именами: **Рождественник**, **Декабрист**, **Барварин цвет**, **Кактус Рождественский** и, наконец, **Зигокактус**. Родина этого растения – экваториальные леса Южной Америки, где оно живет на стволах других деревьев [А. Довганюк, научный сотрудник МСХА имени К. А. Тимирязева. Цветение наступает к Новому году // «Труд-7», 2001.12]; Куда практичнее приобрести такие нарядно цветущие зимой растения, как **шлюмбергеры (зигокактусы)**, каланхое, узумбарские фиалки, а из цветущих весной и летом, скажем, хойю (восковой плющ) [В. Дадыкин. Зеленый новосел // «Наука и жизнь», 2008].

Таким образом, корпусные данные подтверждают, что наиболее употребительным названием распространенного комнатного растения является именно **декабрист**, что приводит к вопросу о том, как эта лексема может отражаться в толковом словаре. Так, в ходе работы над АТoS была первоначально предложена словарная статья (впервые в толковой лексикографии):

ДЕКАБРЬСТ², -а, м. 1. одуш. Участник дворянского революционного движения, завершившегося восстанием 14 декабря 1825 г. <...>

2. Разг. Комнатное растение. **Декабрист** с красными цветами. Зацвел декабрист.

Однако толкование ‘комнатное растение’ было признано в процессе обсуждения недостаточным, чересчур широким. Другие же типичные способы толкования – через упоминание родового понятия, через нейтральный или терминологический синоним («Комнатное растение, разновидность кактуса»; «то же, что зигокактус / шлюмбергера») в данном случае также не представлялись оптимальными. В результате был предложен иной вариант описания значения слова с упоминанием совокупности основных отличительных признаков данного комнатного растения, в том числе и в иллюстративной зоне.

Кроме того, между стилистически нейтральным наименованием лица и разговорным наименованием растения, связанных с одним и тем же производящим словом **декабрь**, явно отсутствует семантическая связь. Более того, если первое слово мотивируется наименованием месяца однозначно, буквально «участник дворянского революционного движения, завершившегося восстанием 14 декабря 1825 г.», то мотивация названия растения предполагает известное допущение, расширительное понимание – «цветущее обычно зимой», в том числе и в декабре, так как это один из зимних месяцев. Было признано целесообразным описать данные лексические единицы как омонимы.

Словарная статья, описывающая значение фитонима **декабрист**, в итоге приобрела следующий вид:

ДЕКАБРЬСТ², -а, м. Разг. Засухоустойчивое комнатное растение с плоскими членистыми свисающими стеблями, цветущее обычно зимой. **Декабрист** с ярко-розовыми цветами.

ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЕ ФИТОНИМОВ В ШИРОКОМ КОНТЕКСТЕ

Отдельно следует сказать, что изучение названий растений трудно назвать узкоспециальной задачей лексикографической практики. Как представляется, эту ситуацию имеет смысл рассматривать как часть более широкой проблемы. Основной сложностью при составлении и редактировании словарных статей такого рода оказывается недостаток исследовательских трудов, к которым можно было бы обратиться в поисках информации или готовых решений, причем как в области лингвистики, так и в сфере естественно-научных дисциплин.

Названия растений давно и продуктивно изучаются в диалектологическом, историческом,

этнокультурном ключе (см. [8] и [5], [15], ср. также некоторые работы последних лет, например [10]), однако функционирование фитонимов в современном русском языке до сих пор не изучено должным образом, хотя существуют отдельные интересные и глубокие работы, посвященные частным случаям [3], [4], [7], [9], см. подробнее [6]. Обращаются исследователи и к проблеме соотношения обиходных и терминологических именованных, ср. [2]. Как показывают материалы основных баз данных (Crossref и др.), в современной научной литературе в целом ситуация не сильно отличается: более того, поиск по ключевым словам (phytonym и др.) дает преимущественно работы отечественных исследователей (за редкими исключениями, ср. [16]).

Специальных словарей названий растений, созданных в естественно-научной парадигме, также практически не обнаруживается: существующие источники либо имеют слишком специальный характер, либо труднодоступны (и уже несовременны)¹², тогда как зарубежные труды, особенно самых последних лет, принципиально англоязычны (и базируются на других теоретических основах в области систематики), ср. «Elsevier's dictionary of botany»¹³ 1979 года и похожее издание¹⁴ 2000 года. Следует подчеркнуть, что о необходимости сотрудничества между ботаниками и лингвистами упоминают и ботаники [11].

В то же время актуальна и востребована сама идея, что названия растений должны быть системно описаны, в том числе с лингвистических позиций (с особым вниманием к значению названий, их этимологии, правописанию, произношению и пр.), причем во всей совокупности названий – научных, обиходных, устаревших, синонимичных и омонимичных. Ср., например, обстоятельный и масштабный англоязычный проект с красноречивым названием «Мировой словарь названий растений: названия обиходные, научные, образованные от имен собственных, синонимы и этимология»¹⁵. К сожалению, для материала русского языка этот труд едва ли полезен. Можно отметить и своеобразное русское издание [1], которое также имеет своей целью предоставить максимальный объем информации о научных и народных ботанических названиях, но, несмотря на сотрудничество автора как с ботаниками, так и с лингвистами, носит ярко выраженный дилетантский характер и не содержит достоверного анализа бессистемно собранных данных. Ср., например, словарные статьи из двух

этих очень разных источников для рассмотренной выше лексемы *шлюмбергера* (= *декабрист*):

Schlumbergera Lem. Cactaceae

Origins: Named for the horticulturist Frédéric Schlumberger, 1823–1893; <...>

Species/Vernacular Names: <...> *S. truncata* (Haw.) Moran (*Epiphyllum truncatum* Haw.; *Zygocactus truncatus* (Haw.) K. Schum., *Zygocactus delicatus* N.E. Br.)

English: crab cactus, claw cactus, yoke cactus, Thanksgiving cactus, linkleaf, Christmas cactus

Japan: kani-saboten (Quattrocchi 2019: 2416).

Шлюмбергера – *Schlumbergera* [в честь франц. любителя суккулентных растений Фредерика Шлюмбергера]; Зигокактус, *Zygocactus* [< греч. *zygon* ярмо, кактус с ярмом, то есть поникший]; *Epiphyllanthus*; эпифитный –, литофитный кактус; зигокактус, декабрист, рекостав (Росс.), рождественский кактус, пасхальный кактус (Европ.), садовая шлюмбергера, Ш. притупленная, *Z. truncatus*, cv. (*Schl. truncata*, Ш. усеченная); сем. кактусовые. [3: 552]

Тем не менее очевидно, что проблема отсутствия системного описания названий растений осознается исследователями и работа в данном направлении ведется. Можно предположить, что эта задача является составной частью более широкой проблемы, связанной с недостаточностью осмысления взаимоотношений человека и живой природы, хотя экологические темы в обществе играют заметную роль (к сожалению, в последнее время – нередко в демагогическом ключе). Так, с 1990-х годов американскими ботаниками был предложен термин *plant blindness* («слепота к растениям») [12], [13] – неспособность осознать важность растений из-за неумения их «увидеть», различить и идентифицировать (в частности – правильно назвать) в современном урбанизированном мире, ср. [14].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Можно утверждать, что в современном русском языке названия растений не составляют однозначной и стилистически нейтральной ботанической номенклатуры. У одного растения может быть несколько названий, различающихся диахронически, стилистически, функционально и т. п. Одно название может относиться к разным растениям. В фитонимической сфере действуют сложные семантические процессы, существуют синонимические, омонимические, родо-видовые отношения, развивается многозначность.

Ботанические и общезыковые названия могут отражать различное восприятие объективной действительности. Толковый словарь должен описывать названия растений, ориентируясь на общезыковое, а не на специальное употребление.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ СУ – Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1–4. М.: ОГИЗ, 1935–1940.
- ² БАС – Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М.; Л.; Изд-во АН СССР, 1948–1965.
- ³ МАС – Словарь русского языка. Т. 1–4 / Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд. М.: Русский язык, 1981–1984.
- ⁴ СОШ – Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1997.
- ⁵ СШв – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 2007.
- ⁶ АТОС – Академический толковый словарь русского языка. Т. 1: А – Вилять; Т. 2: Вина – Гяур / Отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Языки славянской культуры, 2016.
- ⁷ БЭС – Биологический энциклопедический словарь / Гл. ред. М. С. Гиляров. М.: Советская энциклопедия, 1986.
- ⁸ НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 20.05.2023).
- ⁹ Киселев Г. Е. Комнатное садоводство. М.: Сельхозгиз, 1956. 504 с.
- ¹⁰ Хессайон Д. М. Всё о комнатных растениях. М.: Кладезь-Букс, 2004. 255 с.
- ¹¹ Воронцов В. В. Комнатные растения от А до Я. М.: Фитон+, 2013. 368 с.
- ¹² Шрётер А. И., Панасюк В. А. Словарь названий растений = Dictionary of Plant Names. Koenigstein: Koeltz Scientific Books, 1999. 1033 с.
- ¹³ Elsevier's dictionary of botany. I. Plant names in English, French, German, Latin and Russian. Macura P. (ed.). Amsterdam: Elsevier Scientific Publishing Company, 1979.
- ¹⁴ Elsevier's dictionary of plant names and their origin. Watts D. C. (ed.). Amsterdam: Elsevier, 2000.
- ¹⁵ Quattrocchi, U. CRC World Dictionary of Plant Names: Common Names, Scientific Names, Eponyms, Synonyms, and Etymology. Vol. I–IV. Boca Raton: CRC Press; Taylor&Francis, 2019.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бугаёв И. В. Научные и народные названия растений и грибов: Научно-популярное издание. Томск: ТМЛ-Пресс, 2010. 688 с.
2. Голев Н. Д. Словарь обыденных толкований слов: концепция и опыт реализации // Вопросы лексикографии. 2013. № 2 (4). С. 48–64.
3. Иомдин Б. Л. О «неправильном» использовании терминов: может ли язык ошибаться? // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты: Сб. статей в честь 80-летия И. А. Мельчука. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 233–251.
4. Каминская Ю. А. Лексический класс, его семантический и фразеологический потенциал (названия растений и растительных организмов в современном русском литературном языке): Дис. ... канд. филол. наук. М.: ИРЯ РАН, 2002. 223 с.
5. Колосова В. Б. Лексика и символика славянской народной ботаники. Этнолингвистический аспект. М.: Индрик, 2009. 352 с.
6. Кулева А. С. О названиях растений в лингвистической перспективе: «Растения Средиземья», словари и переводы // Вопросы языкознания. 2020. № 5. С. 115–131. DOI: 10.31857/0373-658X.2020.5.115-131
7. Кулева А. С., Пестова А. Р. О названиях экзотических фруктов: современный взгляд и лексикографическая традиция // Русская речь. 2020. № 2. С. 76–91. DOI: 10.31857/S013161170009273-9
8. Меркулова В. А. Очерки по русской народной номенклатуре растений. М.: Наука, 1967. 259 с.
9. Протасова Е. Ю. Герань или пеларгония: модернизация понятия // Филологический вестник. 2014. № 1. С. 111–120.
10. Разина А. С. Проект этнолингвистического словаря «Мир, отраженный в народных названиях растений» // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 457. С. 34–45. DOI: 10.17223/15617793/457/4
11. Цвелёв Н. Н. О русских названиях семейств покрытосеменных растений // Новости систематики высших растений. 2010. № 42. С. 24–29.
12. Allen W. Plant blindness // BioScience. 2003. No. 53 (10). P. 926. DOI: 10.1641/0006-3568(2003)053[0926:PB] 2.0.CO;2
13. Balding M., Williams K. J. H. Plant blindness and the implications for plant conservation // Conservation Biology. 2016. No 30. P. 1192–1199.
14. Knapp S. Are humans really blind to plants? // Plants, People, Planet. 2019. No 1 (3). P. 164–168. DOI: 10.1002/ppp3.36
15. Kolosova V., Kovalenko K. Images of plants in Old Russian heritage: Materials of Phytalex database // The International scientific conference “Plant Diversity: Sociocultural Dimensions and Interdisciplinary Projections”. 21–22 November 2019. Sofia, 2019. P. 27.
16. Svanberg I., Hällzon P., Ståhlberg S. Glimpses of Loptuq folk botany: Phytonyms and plant knowledge in Sven Hedin's herbarium notes from the Lower Tarim River area as a source for ethnobiological research // Studia Orientalia Electronica. 2019. No 7. P. 96–119. DOI: 10.23993/store.76475

Поступила в редакцию 20.12.2023; принята к публикации 12.02.2024

Oksana M. Grunchenko, Cand. Sc. (Philology), Senior Researcher, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

ORCID 0000-0002-8754-6975; ogrun@yandex.ru

Anna S. Kuleva, Cand. Sc. (Philology), Leading Researcher, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

ORCID 0000-0001-6536-3943; an_kuleva@mail.ru

REVISITING THE EXPLANATORY DICTIONARY ENTRIES FOR PLANT NAMES

Abstract. The lexicographic description of phytonyms (plant names) has become a pressing issue due to the inadequate, conflicting, and outdated information found in current explanatory dictionaries. The traditional scientific approach employed by lexicographers of the past seems questionable, as the standard template definitions (such as “herbaceous plants in the Asteraceae family”) are often uninformative and sometimes inaccurate or incorrect in terms of the natural science paradigm. Limiting the description of plant names to solely scientific nomenclature has resulted in the exclusion of outdated, alternative, colloquial and other names from explanatory dictionaries, leading to the artificially limited and stylistically neutralized representation of plant vocabulary. An examination of contemporary resources, particularly corpus data, indicates that explanatory dictionaries should aim to reflect the common rather than the specialized usage of plant names. Hence, plant names constitute a large and heterogeneous group of words connected through intricate semantic relationships, with one plant potentially possessing multiple names that vary diachronically, stylistically, and functionally, while one name may be applied to various plants. Consequently, the lexicographic description of plant names should be based on linguistic principles.

Key words: lexicography, lexicology, explanatory dictionary, phytonyms, plants

For citation: Grunchenko, O. M., Kuleva, A. S. Revisiting the explanatory dictionary entries for plant names. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(3):36–44. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1022

REFERENCES

1. Bugaev, I. V. Scientific and folk names of plants and mushrooms. Tomsk, 2010. 688 p. (In Russ.)
2. Golev, N. D. The dictionary of the common interpretation of Russian words: the conception and the experience of its implementing. *Russian Journal of Lexicography*. 2013;2(4):48–64. (In Russ.)
3. Iomdin, B. L. The “incorrect” use of terms: can the language be mistaken? *Meanings, texts, and other fascinating issues: Collection of articles dedicated to the 80th anniversary of I. A. Melchuk*. Moscow, 2012. P. 233–251. (In Russ.)
4. Kaminskaya, Yu. A. Lexical class, its semantic and phraseological potential (names of plants in the modern standard Russian language): Diss. Cand. Sc. (Philology). Moscow, 2002. 223 p. (In Russ.)
5. Kolosova, V. B. Lexicon and symbolism of Slavic folk botany. The ethnolinguistic aspect. Moscow, 2009. 352 p. (In Russ.)
6. Kuleva, A. S. Plant names in the linguistic perspective: *Flora of Middle-Earth*, dictionaries, and translations. *Voprosy Jazykoznanija*. 2020;5:115–131. DOI: 10.31857/0373-658X.2020.5.115-131 (In Russ.)
7. Kuleva, A. S., Pestova, A. R. On the names of exotic fruits: a modern look and lexicographical tradition. *Russian Speech*. 2020;2:76–91. DOI: 10.31857/S013161170009273-9 (In Russ.)
8. Merkulova, V. A. Essays on Russian folk plant terminology. Moscow, 1967. 259 p. (In Russ.)
9. Protasova, E. Yu. Geranium or pelargonium: modernization of a concept. *Ural Journal of Philology*. 2014;1:111–120. (In Russ.)
10. Razina, A. S. The project of the dictionary The World Reflected in the Folk Names of Plants. *Tomsk State University Journal*. 2020;457:34–45. DOI: 10.17223/15617793/457/4 (In Russ.)
11. Tzvelev, N. N. On the Russian names of the Magnoliophyta families. *Novitates Systematicae Plantarum Vascularium*. 2010;42:24–29. (In Russ.)
12. Allen, W. Plant blindness. *BioScience*. 2003;53(10):926. DOI: 10.1641/0006-3568(2003)053[0926:PB]2.0.CO;2
13. Balding, M., Williams, K. J. H. Plant blindness and the implications for plant conservation. *Conservation Biology*. 2016;30:1192–1199.
14. Knapp, S. Are humans really blind to plants? *Plants, People, Planet*. 2019;1(3):164–168. DOI: 10.1002/ppp3.36
15. Kolosova, V., Kovalenko, K. Images of plants in Old Russian heritage: Materials of Phytalex database. *The International scientific conference “Plant Diversity: Sociocultural Dimensions and Interdisciplinary Projections”*. 21–22 November 2019. Sofia, 2019. P. 27.
16. Svanberg, I., Hällzon, P., Ståhlberg, S. Glimpses of Loptuq folk botany: Phytonyms and plant knowledge in Sven Hedin’s herbarium notes from the Lower Tarim River area as a source for ethnobiological research. *Studia Orientalia Electronica*. 2019;7:96–119. DOI: 10.23993/store.76475

Received: 20 December 2023; accepted: 12 February 2024

НАТАЛЬЯ ЛЕОНИДОВНА ШИЛОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики
Института филологии
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0001-8818-8535; shilova@petrsu.ru

АЛЕКСАНДРА ДМИТРИЕВНА РУМЯНЦЕВА

студент 4-го курса Института филологии
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
rusa98rus@gmail.com

**МЕТРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КНИГИ СТИХОВ БОРИСА РЫЖЕГО
«И ВСЁ ТАКОЕ...»**

А н н о т а ц и я . На фоне популярности текстов Бориса Рыжего как среди читателей разных поколений, так и в среде исследователей-филологов обращает на себя внимание слабый интерес к особенностям его стиховых форм – метрики, ритмики, строфики, рифмы. В этой области сделаны пока предварительные замечания и первые классификации, проведенные на больших объемах текстов и требующие проверки, уточнения и дополнения. В статье отмечены разночтения в двух специальных публикациях о метрике Рыжего, сформулированы возникающие в связи с уже полученными данными вопросы и представлены результаты анализа метрико-ритмических форм в первой, увидевшей свет еще при жизни автора, книге стихов «И всё такое...» (2000). Помимо статистически-классификационных наблюдений даны комментарии к некоторым обнаруженным закономерностям в использовании Рыжим стиховых форм. Впервые рассмотрены примеры полиметрической композиции в его стихах. Среди особенностей поэтических стратегий Рыжего обращает на себя внимание комбинация в использовании консервативной метрики (например, четырехстопных ямбов) и различных приемов остранения (полиметрических форм, анжамбеманов, «мнимой прозы»). Интересно при этом, что Рыжий последовательно отказывается выбирать между нормой и нарушением нормы, консерватизмом и новаторством в привычном, тривиальном понимании и стремится включить оба полюса в динамичную сбалансированную систему, стать архаистом и новатором в одном лице.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Борис Рыжий, книга стихов «И всё такое...», стиховедение, метрика, метр, полиметрия, композиция

Д л я ц и т и р о в а н и я : Шилова Н. Л., Румянцева А. Д. Метрические особенности книги стихов Бориса Рыжего «И всё такое...» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Т. 46, № 3. С. 45–52. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1023

ВВЕДЕНИЕ

Творчество Бориса Рыжего в настоящее время привлекает многих филологов. В появившихся за последнее десятилетие работах особое внимание уделялось биографии поэта, художественному своеобразию его лирики, репрезентации в текстах авторского сознания, урбанистическим мотивам, философской составляющей его творчества, многочисленным интертекстам и т. п. При этом мало освещенными остаются вопросы стиховедческого характера. Эпизодически замечания о метрике и строфике поэта встречаются в биографических исследованиях,

например в известной монографии Ю. Казарина «Поэт Борис Рыжий» [3]. Нам удалось найти только три публикации, обращенные непосредственно к особенностям стиховых форм: статьи О. В. Зырянова [2] и Д. А. Парамоновой [8] написаны на обширном материале и конспективно представляют выводы общего характера; И. А. Каргашин рассматривает формальные особенности, наоборот, единичного стихотворения [4].

Статья О. В. Зырянова была опубликована в 2016 году и содержит общие и предварительные замечания о метрических характеристиках стихотворений Рыжего [2]. В 2022 году

появилась публикация Д. А. Парамоновой, представляющая результаты метрического анализа корпуса лирики Рыжего (вне связи с исследованием О. В. Зырянова, по крайней мере, без каких-либо ссылок на него) [8]. Методологически исследования в значительной степени близки, но отчасти и разнятся. Разница заключается, например, в составе взятых для анализа текстов. У О. В. Зырянова это «360 стихотворений, вошедших в корпус “Избранная лирика” сборника “Оправдание жизни”» [2: 65]. Д. А. Парамонова анализирует метрико-ритмические особенности 469 стихотворений Рыжего из поэтического подкорпуса НКРЯ [8: 122, 127]. Если первый автор стремится рассматривать метрику Рыжего в контексте других элементов поэтической формы (в том числе рифмы) и, главное, идейно-образного содержания его поэзии, определяя стиховую форму как элемент, органически связанный с содержанием [2: 64], то второй, декларируя интерес и к содержательной стороне стиховых форм поэта, в том числе к соотношению с особенностями его лирического героя [8: 121], в основном сосредотачивается на статистических наблюдениях в области метрики, в особенности на специфике 3-иктных и 4-иктных дольников. Статистически-классификационные данные у обоих авторов близки в отношении силлабо-тонических стихотворений (насколько можно это оценить при неполном совпадении анализируемого материала) и имеют разночтения в отношении тонических метров. Так, среди тонических метров Рыжего О. В. Зырянов называет «долники, тактовики и единичные примеры акцентного стиха» [2: 66], Д. А. Парамонова – дольники, один тактовик и два логзада [8: 123]. В обеих публикациях не конкретизированы примеры тонических стихотворений за исключением некоторых дольников. Объясняется ли разница в количественном и качественном определении некоторых метров несовпадением корпусов анализируемых текстов, ошибками исследователей или пограничным характером стиховой структуры самих текстов (см. далее в статье о переходных метрических формах и полиметрических композициях Рыжего), неясно.

В ряде значимых положений исследования сходятся – например, в установлении количественного преимущества силлабо-тонических стихов, главным образом ямбов. И О. В. Зырянов, и Д. А. Парамонова обращают внимание на открывающиеся при изучении метрики Рыжего внутренние парадоксы его художественной системы, формулируя их, впрочем, по-разному.

Описывая в духе классических работ А. Белого «поэтическую генеалогию» любимых метрических форм Рыжего (особенно статистически доминирующих силлабо-тонических двухсложников и трехсложников), О. В. Зырянов отмечает одновременную ориентацию поэта на традицию и золотого, и серебряного века, и советской, и постсоветской поэзии, характеризуя это как репрезентативное для художественного мышления Рыжего «сближение далековатых идей» [2: 78–79]. В статье Д. А. Парамоновой говорится о магистральном «контрасте между сюжетом стихотворения и мироощущением героя», инструментом создания которого

«является не что иное, как метрическая организация текста. Подавляющее большинство текстов Рыжего написано силлабо-тоникой, больше половины стихотворений, вошедших в корпус, – ямбом <...> Такая поэтическая стройность, характеризующая большую часть стихотворений Рыжего и совершенно не соотносимая с сюжетами стихотворений, несколько разрушает образ грубого уличного хулигана, которым представляется лирический герой» [8: 122–123].

Оба наблюдения с разных сторон подсвечивают особую ситуацию многослойности, широты поэтического выбора Рыжего, принимающего в свой художественный мир, казалось бы, совершенно разнородные элементы. Это наблюдение мы считаем очень ценным и примем его во внимание в нашем собственном исследовании стиховых форм Рыжего. Тем более, что при общей конспективности обеих публикаций и ограниченном количестве приводимых примеров не всегда есть возможность проверить точность в установлении той или иной метрической формы там, где, предположительно, у авторов возникают разночтения. В то время как утверждения о важных особенностях и принципах поэтического мира Рыжего гораздо легче поддаются верификации на опубликованном материале.

МЕТРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КНИГИ СТИХОВ «И ВСЁ ТАКОЕ...» (2000)

Наряду с журнальными подборками книга «И всё такое...» – единственное издание, увидевшее свет при жизни автора. Выбор одного конкретного издания дает возможность оставить за пределами внимания некоторые текстологические вопросы, в частности случаи вариативности текстов. Кроме того, более узкий круг анализируемого материала позволил и более пристально приглядеться к возможным формам корреляции метрико-ритмической структуры стихотворений Рыжего и идейно-образного

уровня этих текстов. Экстенсивный принцип уступил здесь место более интенсивной стиховедческой оптике.

Книга стихов «И всё такое...» состоит из 41 стихотворения, разбитого на два неозаглавленных раздела – 24 стихотворения в первом (в разделе «Содержание» стихотворение «Расклад» (с. 15) ошибочно разделено на заголовок и текст, что создает иллюзию 25 текстов в разделе) и 18 во втором¹. С учетом имманентной родовой концентричности лирики, действующего в ней принципа «как можно короче и как можно полнее» [10: 33] такой объем текстов сам по себе дает много интересных наблюдений как общего, так и частного характера.

Уже при первом прочтении стихотворений книги видно, что Борис Рыжий внимательно относился к формальной стороне поэзии, был знаком с теорией стиха. В поэтические тексты проникают стиховедческие термины. Например, название поэтического метра встречается в стихотворении «В безответственные семнадцать...»:

«Ну-ка ты, забобень хореем!
Парни, где тут у вас нужник?»
Всё умеем, да разумеем,
слышим музыку каждый миг» (11).

Названия систем стихосложения инкорпорируются в финал авторефлексивного стихотворения «Молодость мне много обещала...»:

«Так не вышло из меня поэта
и уже не выйдет никогда.
Господа, что скажете на это?
Молча пьют и плачут господа.

Пьют и плачут, девок обнимают,
снова пьют и всё-таки молчат,
головой тонически качают,
матом силлабически кричат» (19).

В первом случае термины озвучивает условный Аполлон, фактически цитирующий воспоминания Пушкина о его первой встрече с Державиным [6: 41] в переводе на дворовый язык («ну-ка, ты», «забобень»). Во втором случае – «головой тонически качают, // матом силлабически кричат» – названия систем стихосложения применены к быту молчаливых и пьяных (и в этом смысле непоэтических) товарищей лирического героя. Как результат, вопреки представлениям об обязательных конфликтных отношениях интеллигента-поэта и полублатной шпаны, стиховедческие термины оказываются точкой соприкосновения двух казалось бы полярных миров. И в этом – не только и не столько снижение образа лирического героя, не только снимающая лишний пафос ирония, но и открытие поэтического в как будто бы совсем непоэтическом,

убежденность в тотальности поэтического начала и поэтического творчества, доступного и нужного совсем разным людям.

Если обратиться к метрическим закономерностям самих текстов, то здесь обнаруживаем следующее. Как справедливо отмечено нашими предшественниками, большей частью Рыжий использует силлабо-тонические метры, среди которых доминируют двухсложники, в особенности четырех- и пятистопные ямбы. В книге есть четыре случая так называемой мнимой прозы – записанных на манер прозы, без стихового деления 4-стопных и 5-стопных ямбов. Два стихотворения могут быть условно классифицированы как логаяд: «Что махновцы, вошли красиво...» и «В безответственные семнадцать...», хотя, возможно, более корректно было бы рассматривать их как переходные метрические формы (ПМФ) в терминологии П. Я. Руднева и Л. П. Новинской [7: 47–51]. Есть один свободный рифмованный стих. Подробная роспись композиционного расположения текстов в сборнике с указанием доминирующих метрических форм представлена в таблице.

Композиционное расположение
стихотворений сборника
«И всё такое...» с указанием
доминирующих форм метра и размера
Compositional arrangement of poems in the
book *And All That...* with the indication of
the dominant forms of meter and measure

№	Заглавие / именная строка	Метрическая форма
	I.	
1	«Над саквояжем в чёрной арке...»	Ямб 4
2	Из фотоальбома	Ямб 4 (в 6 и 8 строках ямб с усечением последней строки 4441)
3	«Ещё не погаснет жемчужин...»	Амфибрахий 3
4	«Что махновцы, вошли красиво...»	Логаяд на основе трехударного дольника
5	«В безответственные семнадцать...»	Логаяд на основе четырехударного дольника
6	«Две сотни счетчик наматает...»	Ямб 4
7	«Отполированный тюремюю...»	Ямб 4
8	«Приобретут всеевропейский лоск...»	Ямб 5
9	Расклад («Витюра раскуррил окурок хмуро...»)	Ямб 5553
10	«На окошке на фоне заката...»	Анапест 3
11	«Я на крыше паровоза ехал в город Уфалей...»	Хорей 8
12	«Я работал на драге в посёлке Кытлым...»	Анапест 4
13	«Молодость мне много обещала...»	Хорей 5
14	«Когда менты мне репу расшибут...»	Ямб 5
15	«Мой герой ускользает во тьму...»	Полиметрическая форма на основе анапеста 3

Продолжение таблицы

16	«Не забухал, а первый раз напился...»	Ямб 52
17	«Не забывай, не забывай...»	Ямб 4
18	«Вы, Нина, думаете, вы...»	Ямб 4
19	«Флаги красн., скамейки – синие...»	Хорей разностопный
20	«Большинная тара, черника...»	Амфибрахий 3
21	«В обширном здании вокзала...»	Ямб 4
22	«Включили новое кино...»	Ямб 4
23	«В деревню Сартасы, как лето пришло...»	Амфибрахий 4
24	«Мальчик-еврей принимает из книжек на веру...»	Дактиль 5
II.		
1	Море	Ямб 5 («мнимая проза»)
2	Осень	Ямб 5
3	«Мы целовались тут пять лет назад...»	Ямб 5
4	«В сырой наркологической тюрьме...»	Ямб 5 («мнимая проза»)
5	«Нужно двинуть поездом на север...»	Хорей 4
6	«Мне не хватает нежности в стихах...»	Ямб 5
7	«Похоронных оркестров не стало...»	Анапест 3
8	«Поздно, поздно! Вот – по небу прожектора...»	Анапест 34
9	«А иногда отец мне говорил...»	Ямб 5
10	Мальчики	Ямб 5
11	«Вот здесь я жил давным-давно...»	Ямб 4 («мнимая проза»)
12	«Много было всего, музыки было много...»	Свободный рифмованный стих
13	Почти элегия	Ямб 5
14	«Россия – старое кино...»	Ямб 4
15	«Трижды убил в стихах реального человека...»	Полиметрическая композиция
16	«У памяти на самой кромке...»	Ямб 5 («мнимая проза»)
17	«Я улыбнусь, махну рукой...»	Ямб 45
18	«Я вышел из кино, а снег уже лежит...»	Ямб 6

Количественное распределение метрических форм см. на рис. 1, 2.

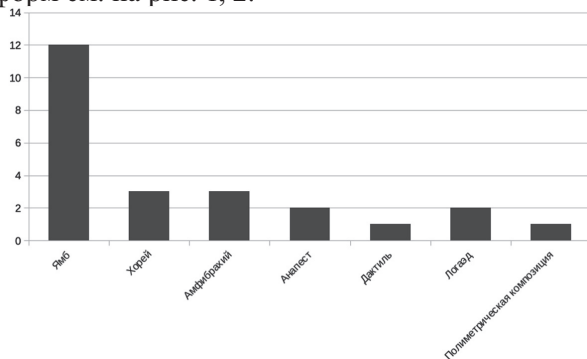

Рис. 1. Количественное распределение стиховых форм в I части книги «И всё такое...»

Figure 1. Quantitative distribution of verse forms in Part I of the book *And All That...*

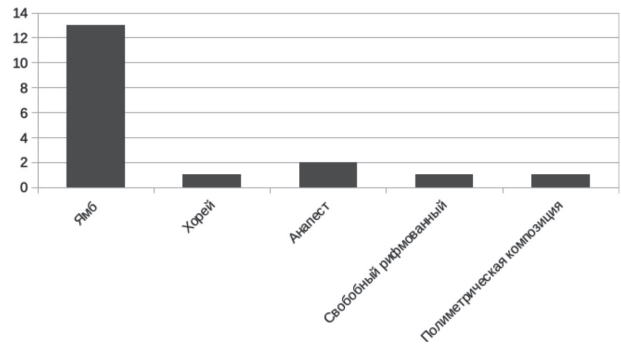

Рис. 2. Количественное распределение стиховых форм во II части книги «И всё такое...»

Figure 2. Quantitative distribution of verse forms in Part II of the book *And All That...*

В основных пропорциях наши наблюдения совпадают со статистикой, опубликованной О. В. Зыряновым и Д. А. Парамоновой. Но есть и некоторые расхождения. Они касаются, в частности, примеров полиметрии (термин П. А. Руднева [9] и Л. П. Новинской [7: 51–53]), не упомянутых в существующих публикациях. Рассмотрим их.

По определению П. А. Руднева, полиметрическая композиция – это

«такая структура стихотворного текста, при которой текст складывается из экспрессивно-автономных звеньев, написанных разными размерами и иногда чередующихся с прозой» [9: 227].

Первые три строфы и пятая строфа стихотворения «Мой герой ускользает во тьму» представляют собой чистый трехстопный анапест (при чтении в последней строке второй строфы «й» как слогаобразующего «и», уже здесь приходится сделать оговорку).

«Мой герой ускользает во тьму.
Вслед за ним устремляются трое.
Я придумал его, потому
что поэту не в кайф без героя.

Я его сочинил от усталости,
что ли, ещё от желанья
быть услышанным, что ли, читателю
в кайф, грехам в оправданье» (21).

Четвертая, шестая и седьмая строфы каждая по-своему нарушают установленный ранее метр. Четвертая – переходом в последнем стихе к двухстопному амфибрахию с изменением анакрузы:

«Мне бы как-нибудь дошкандыбать
до посмертной серебряной ренты,
а ему, дармоеду, плевать
на аплодисменты» (21).

Шестая сохраняет метр с усечением размера до 1 стопы (ан 3331):

«Воротник поднимаю пальто,
закурив предварительно: время
твое вышло. Мочи его, ребя,
он – никто» (21).

Это все вкупе могло бы быть описано как трехсложник с переменной анакрузой. Но финальная строфа дает уже трехударный дольник (отметим сильные места подчеркиванием полужирного шрифта). Ритмическая инерция, общая тенденция стихотворения к трехударности, дважды нарушаемая усеченными финальными строками, заставляет пропустить ударения на словах «синий» и «слышу», объединив их с последующими в одно фонетическое слово, и разместить акцент на предлоге «по»:

«Синий **л**уч с зеленц**о**й по кра**я**м
прелом**л**яют кирпичные ст**е**ны.
Слышу р**ё**в милиц**е**йской сир**е**ны,
нарез**а**я по пустыр**я**м» (21).

Неясно, как именно классифицировали О. В. Зырянов и Д. А. Парамонова этот случай: в опубликованных данных он отдельно нигде не называется. Вероятнее всего, как дольник. Но это, с нашей точки зрения, было бы упрощением: в разных строфах стихотворения поэт фактически использует разные метры (анapest, трехсложник с переменной анакрузой и дольник). Причем интересно, что от урегулированного силлабо-тонического стиха текст последовательно движется в сторону тоники.

Значимость строфы как метрико-ритмической и композиционной единицы поддерживается и двумя примерами акцентного стиха, в которых на фоне двух строф с урегулированными ударениями и неурегулированным междуиктовым интервалом появляются по одной строфе с неурегулированными и ударениями, и междуиктовым интервалом.

Как 5-иктный акцентный стих начинается стихотворение «Трижды убил в стихах реального человека...», но в последней строфе количество ударений перестает быть урегулированным. Количество ударений построчно может быть представлено так: 5655-5655-5442.

«Т**р**и**ж**ды уб**и**л в ст**и**х**а**х ре**а**льного ч**ел**ове**к**а,
и н**а**д**о** д**у**м**а**ть, о**д**н**а**ж**д**ы он **э**т**и** ст**и**х**и** пр**оч**т**ё**т.
П**о**сл**е**д**н**ее, что **у**в**и**ж**у**, б**у**д**е**т **у**л**ы**б**к**а з**е**к**а**,
т**и**п**а**: в и**с**к**у**с**т**в**е** – **э**д**а**к, в **ж**и**з**н**и** – н**а**о**б**о**р**о**т**.

В т**ём**ном п**о**дъ**е**зде **и**з д**о**п**о**т**о**п**н**ой д**у**ры
в б**р**ю**х**о ш**м**аль**н**ет и сп**р**я**ч**ет за от**в**о**р**о**т** п**а**ль**т**о.
Н**а**д**о** б**ы**ло **в**ыд**у**м**ы**в**а**ть, а не п**и**с**а**ть с н**а**т**у**ры.
К**т**о **в**альн**у**л Б**о**р**и**с**а**? К**т**о **е**го з**н**ает, **к**т**о**!

Из д**р**у**г**о**г**о п**о**дъ**е**зда **в**ы**й**дет, п**р**о**й**д**я** п**о**д**в**ал**о**м,
з**а**т**я**н**е**т**с**я “Белом**о**р**о**м”, п**о**п**р**ав**л**я**я** м**у**д**е**.
...В р**а**й**о**н**н**ой б**и**б**л**и**о**т**е**к**е** з**а**с**о**п**я**т над ж**у**р**н**ал**а**ми
л**ю**ди из **М**В**Д**» (47).

В стихотворении «Много было всего, музыки было много...», ритмически близком к предыдущему, наоборот, стабилизация количества ударений в строке идет от начала к концу. Количество ударений построчно может быть представлено так: 6542-3443-5555.

Ср.:

«М**н**о**г**о б**ы**ло **в**с**е**г**о**, м**у**з**ы**к**и** б**ы**ло м**н**о**г**о,
а в к**и**но**к**асс**а**х б**и**л**е**т**ы** б**ы**ли п**о**ч**т**и **в**с**е**г**д**а.
В к**р**ас**н**ом т**р**ам**в**а**е** хулиг**а**н с н**е**д**о**т**р**о**г**ой
е**х**али в н**и**к**у**д**а**.

М**у**з**ы**к**и** ст**а**ло м**а**ло
и п**а**сс**а**ж**и**р**о**в, **и**б**о** т**р**ам**в**а**й** – в д**е**п**о**.
В**о**т мы и **в**ы**ш**ли в **о**с**е**нь из к**и**но**з**ал**а**
и з**а**ш**а**г**а**ли **п**о

д**л**и**н**ной ал**л**ее **ж**и**з**н**и**. О**н**о п**р**о л**е**т**о**
б**ы**ло к**и**но, п**р**о с**ч**а**с**т**ь**е, **н**е п**р**о б**е**д**у**.
В п**о**сл**е**д**н**ем р**я**д**у** п**и**в**о** **и** с**и**г**а**р**е**т**а**.
Я н**и**к**о**г**д**а н**е** с**я**д**у** в п**е**р**в**ом р**я**д**у**» (44).

Эти два случая зеркально похожи, и в строгом смысле это уже не совсем акцентный стих, они скорее демонстрируют в первом случае движение от акцентного стиха к свободному рифмованному, во втором случае («Много было всего, музыки было много...») – наоборот, от свободного рифмованного к акцентному стиху. Причем переход этот совершается внутри поэтического текста с использованием по-разному ритмически оформленных строф. На уровне строфы сохраняется единство метра.

Если говорить о тенденциях более общего плана, то нужно отметить специфику в использовании классических силлабо-тонических форм в книге Рыжего. Здесь есть примеры довольно консервативной для конца XX века метрики.

«Включили новое кино,
и началась иная пьянка.
Но всё равно, но всё равно
то там, то здесь звучит “Таганка”».

Что Ариосто или Дант!
Я человек того покроя –
я твой навеки арестант
и всё такое, всё такое» (28).

Два катрена пиррихированного 4-стопного ямба очень традиционны метрически. И важные для поэзии Рыжего остражняющие элементы здесь возникают не на уровне стиховой формы, как это было в ранее приведенных примерах, а на иных уровнях текста – композиционном и стилистическом. Таков финальный повтор эле-

мента подчеркнуто разговорного характера – «и всё такое, всё такое», который стилистически заметно контрастирует с книжными, знаменующими собой высокую классику именами Ариосто и Данте.

Традиционность метрики в этом случае работает одновременно в нескольких направлениях. Во-первых, она приближает текст к читателю, в том числе к массовому читателю. Как самая привычная, ставшая классической. Как самая демократичная, то есть знакомая в том числе тем «пацанам с района», которыми окружен лирический герой Рыжего и поэтический опыт которых может ограничиваться принудительным знакомством с золотой классикой XIX века в дошкольном и школьном возрасте. А это преимущественно хореи и ямбы. Одновременно это может прочитываться и как некий вызов поэзии конца XX века с ее активными формальными поисками в области, например, верлибров. Можно назвать это своего рода радикальным консерватизмом, особенно в контексте отсылок автора к очень книжным для конца XX века образцам поэзии вроде Дениса Давыдова, Батюшкова и – если брать во внимание более широкий круг текстов поэта – особой любви к второстепенным, если пользоваться известным определением Н. А. Некрасова, русским поэтам вроде Аполлона Григорьева или Якова Полонского. Здесь новое у Рыжего – это основательно забытое старое.

Но консерватизм этот не шаблонный, часто консервативные формы обретают баланс в использовании нехарактерных для поэзии золотого века приемов – это многочисленные анжамбеманы разных форм, о значении которых еще ничего или почти ничего не сказано. Приведем характерный пример пятистопного ямба с необычным в целом и довольно частым у Рыжего стихоразделом, разрывающим предлог со значимым словом в стихотворении «Осень»:

«Уж убран с поля начисто турнеп
и вывезены свёкла и капуста.
На фоне развернувшихся небес
шёл первый снег, и сердцу было грустно.

Я шёл за снегом, размышляя о
бог знает чём, берёзы шли за мною.
С голубизной мешалось серебро,
мешалось серебро с голубизною» (34).

Кроме того, собственно «мнимая проза» Бориса Рыжего есть радикальное остранение тех самых классических ямбов. Будь эти ямбы записаны традиционным способом, в столбик, это была бы вполне традиционная по форме по-

эзия в стиле золотой классики. Однако поэт нарушает важное правило, стирает стихораздел. И текст перестает выглядеть консервативным, приобретает остраняющий и игровой характер. Стиховая структура легко выявляется и достраивается в необходимых местах при чтении благодаря ритмической упорядоченности и системе рифм:

«В кварталах дальних и печальных, что утром серы
и пусты, где выглядят смешно и жалко сирень и прочие
цветы, есть дом шестнадцатизэтажный, у дома тополь
или клён стоит ненужный и усталый, в пустое небо
устремлён, стоит под тополем скамейка, и, лбом ут-
кнувшийся в ладонь, на ней уснул и видит море писатель
Дима Рябоконт» (33).

Все это в целом свидетельствует об особом интересе Бориса Рыжего к сочетанию двух полярных начал стиха – порядка и анархии. Или в терминах Ю. М. Лотмана – «упорядоченности и нарушения упорядоченностей» [5: 53]. Интересно при этом, что Рыжий последовательно отказывается выбирать между нормой и нарушением нормы, консерватизмом и новаторством в привычном для поэта, видимо, уже банальном понимании и стремится включить оба полюса в динамичную сбалансированную систему. Стать архаистом и новатором в одном лице. Это и магистральная тема, и вообще закон художественного мира Рыжего. Этот закон последовательно проявляется на всех уровнях текста как бы по принципу дополнительности Нильса Бора. Настойчивое и находчивое соположение в одной плоскости стиха и прозы, упорядоченности и анархии, одновременное использование, казалось бы, исключающих друг друга разных систем стихосложения (см. разбор такого примера в статье И. А. Каргашина [4]) с последовательным отказом выбирать что-то одно всегда остраняет каждый из элементов этих антитез, заставляет читателя по-новому задаваться вопросами о сущности каждого из них. Этот отказ выбирать концептуализирован в последнем стихотворении первого раздела книги, в котором дано намеренное разрушение стереотипов национальных и культурных:

«Мальчик-еврей принимает из книжек на веру
гостеприимство и русской души широту,
видит берёзы с осинами, ходит по скверу
и христианства на сердце лелеет мечту.
Следуя заданной логике, к буйству и пьянству
твёрдой рукою себя приучает, и тут –
видит берёзу с осиною в осеннем убранстве,
делает песню, и русские люди поют.
Что же касается мальчика, он исчезает.
А относительно пения – песня легко

то форму города некоего принимает,
то повисает над городом, как облако» (30).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, тексты книги «И всё такое...» в значительной степени подтверждают уже установленные закономерности метрического почерка Бориса Рыжего (доминирование силлабо-тонического стиха) и одновременно позволяют увидеть важные, ранее не привлекавшие внимания детали. Владение формами силлабо-тонического, тонического и свободного стиха, их комбинирование как в общем целом всей книги, так и в рамках полиметрических композиций отдельных стихотворений характеризуют широкий литературный кругозор автора, его поэтическую искушенность, внимание к историческому разнообразию и динамике форм русской поэзии. Заслуживает внимания обращение к таким разным, формировавшимся как альтернатива друг другу, стиховым формам именно в пределах одной поэтической книги. При этом классические размеры претерпевают заметную трансформацию: привычное звучание силлабо-тонических метров осложняется введением усечений размера и ритмических акцентов в последнем стихе строфы, активным использованием анжамбеманов, введением авангардистских элементов в графическом

оформлении текстов («мнимая проза»). Наряду с классическими консервативными формами, давно освоенными русской поэзией (4-стопными ямбами, например), есть примеры переходности стиховых форм в разных областях – от размера до системы стихосложения.

Эти особенности метрического почерка Бориса Рыжего выделяют его книгу на фоне распространенной во второй половине XX века, кажущейся почти неизбежной ситуации выбора для поэтов, какой традиции следовать – хорошо усвоенной и авторами, и широкими кругами читателей силлабо-тонике золотого века или отсылающей к элитарности модернизма тонике века серебряного. И это не просто метрическая всеядность: отказ от противопоставления в пользу взаимно дополняющих друг друга противоположностей (поэзия и проза, частые обращения к книжной культуре и сниженная лексика и т. д.) можно проследить на разных уровнях поэтики и стилистики книги. Сделанные наблюдения открывают перспективные, с нашей точки зрения, векторы в дальнейшем исследовании поэтики Бориса Рыжего, особенно его строфики, которая пока не становилась предметом специального изучения, а также явлений полиметрии, переходных метрических форм, их семантики, в том числе в текстах, не вошедших в книгу стихов «И всё такое...».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Рыжий Б. И всё такое...: Стихотворения. СПб.: Пушкинский фонд, 2000. 56 с. Далее стихотворения Б. Рыжего приводятся по этому изданию с указанием страницы в круглых скобках.
- ² Гумилев Н. С. Стихотворения и поэмы. М., 1988. С. 257.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Г а с п а р о в М. Л. Статистическое обследование русского трехударного дольника // Теория вероятностей и ее применение. 1963. Т. 8, вып. 1. С. 102–108.
2. З ы р я н о в О. В. Стиховая форма Бориса Рыжего: заметки к теме // Борис Рыжий: поэтика и художественный мир: Сб. науч. ст. и докл. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016. С. 64–79.
3. К а з а р и н Ю. Поэт Борис Рыжий. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016. 324 с.
4. К а р г а ш и н И. А. «Квадрат Б. Р.»: экспериментальная поэзия Бориса Рыжего // В кругу друзей, коллег, учеников: Сб. науч. ст. к 75-летию проф. Бориса Павловича Иванюка. Елец: Елецкий гос. ун-т им. И. А. Бунина, 2023. С. 97–102.
5. Л о т м а н Ю. М. Анализ поэтического текста: Структура стиха. Л.: Просвещение, 1972. 271 с.
6. Л о т м а н Ю. М. Пушкин. СПб.: Искусство–СПБ, 2003. 847 с.
7. Н о в и н с к а я Л. М. Введение в стиховедение: Метрика. Ритмика. Строфика. Стих и смысл: Учеб. пособие для студентов филолог. фак. вузов. Петрозаводск: КГПУ, 2003. 134 с.
8. П а р а м о н о в а Д. А. Метрическая организация текстов Б. Б. Рыжего и ее художественная роль в формировании поэтики автора // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2022. № 3 (33). С. 121–128.
9. Р у д н е в П. А. О соотношении монометрических и полиметрических конструкций в системе стихотворных размеров А. Блока // Русская советская поэзия и стиховедение. М., 1969. С. 227–243.
10. С и л ь м а н Т. Заметки о лирике. Л.: Сов. писатель. Ленингр. отд-ние, 1977. 223 с.

Поступила в редакцию 31.08.2023; принята к публикации 31.01.2024

Original article

Natalia L. Shilova, Cand. Sc. (Philology), Associated Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

natalia.l.shilova@gmail.com

Aleksandra D. Rumyantseva, Bachelor Student, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

rusa98rus@gmail.com

METRIC FEATURES OF BORIS RYZHY'S BOOK OF POEMS *AND ALL THAT...*

Abstract. Despite the widespread popularity of Boris Ryzhy's writings among scholars and readers of different generations, there has been a lack of focus on the technical aspects of his poetry, such as metrics, rhythms, strophics, and rhymes. While some preliminary remarks and initial classifications have been made in this area based on extensive textual analysis, further verification, clarification, and additions are necessary. This article highlights discrepancies found in two recent publications on Ryzhy's metrics, raises questions regarding existing data, and presents the results of an analysis of the metric-rhythmic forms used in his first collection of poems, *And All That...*, which was published during the author's lifetime in 2000. In addition to providing statistical and classificational insights, this study comments on some of the patterns identified in Boris Ryzhy's utilization of verse forms. Of particular interest are the instances of polymetric composition found in his poetry, a topic that has not been previously explored. Moreover, attention is drawn to Ryzhy's unique poetic strategies, which involve a combination of conservative metrics (such as iambic tetrameters) with various estrangement techniques, including polymetric forms, enjambements, and "imaginary prose". It is noteworthy that Ryzhy consistently navigates between conformity and deviation from norms, conservatism and experimentation in their conventional sense, in a manner that strives to integrate these seemingly opposing forces into a dynamic yet balanced system, positioning himself as both a traditionalist and a trailblazer.

Key words: Boris Ryzhy, book of poems *And All That...*, poetry studies, metrics, meter, polymetry, composition

For citation: Shilova, N. L., Rumyantseva, A. D. Metric features of Boris Ryzhy's book of poems *And All That...* *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(3):45–52. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1023

REFERENCES

1. Gasparov, M. L. Statistical investigation of Russian dolnik trimeter. *Theory of Probability and Its Applications*. 1963;8(1):102–108. (In Russ.)
2. Zyryanov, O. V. Verse form of Boris Ryzhy: notes to the issue. *Boris Ryzhy: poetics and poetic world: Collection of articles and reports*. Moscow; Ekaterinburg, 2016. P. 64–79. (In Russ.)
3. Kazarin, Yu. Boris Ryzhy the Poet. Moscow; Yekaterinburg, 2016. 324 p. (In Russ.)
4. Kargashin, I. A. "B. R. square": Boris Ryzhy's experimental poetry. *Among friends, colleagues, and students: Collection of articles dedicated to the 75th anniversary of Professor Boris Pavlovich Ivanyuk*. Yelets, 2023. P. 97–102. (In Russ.)
5. Lotman, Yu. M. Analysis of the poetic text. Leningrad, 1972. 271 p. (In Russ.)
6. Lotman, Yu. M. Pushkin. St. Petersburg, 2003. 847 p. (In Russ.)
7. Novinskaya, L. M. Introduction to poetry studies: Metrics. Rhythms. Strophic forms. Verse and meaning: Textbook for students of philology. Petrozavodsk, 2003. 134 p. (In Russ.)
8. Paramonova, D. A. The metrical organization of Boris Ryzhy's poems and its artistic role in the formation of his poetics. *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*. 2022;3(33):121–128. (In Russ.)
9. Rudnev, P. A. The correlation between monometric and polymetric constructions in Aleksandr Blok's system of poetic meters. *Russian Soviet poetry and poetry studies*. Moscow, 1969. P. 227–243. (In Russ.)
10. Silman, T. I. Notes about lyric poetry. Leningrad, 1977. 223 p. (In Russ.)

Received: 31 August 2023; accepted: 31 January 2024

НИКОЛАЙ ИОСИФОВИЧ БАРАНОВ

старший научный сотрудник
Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
baranovni@mail.ru

ЕЛЕНА ГАРРЬЕВНА ЭРГАРДТ

научный сотрудник
Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
elenaergardt@mail.ru

О ПЕРСОНАЖЕ СЕМЕН БАШКИН В РОМАНЕ Б. ЖИТКОВА «ВИКТОР ВАВИЧ»

А н н о т а ц и я . Предпринято изучение историко-биографических шифров в системе персонажей романа о революции 1905 года «Виктор Вавич» Бориса Степановича Житкова. Выдвигается гипотеза, что прототипом Семена Башкина в романе стал К. И. Чуковский. Для обоснования гипотезы был привлечен мемуарный источник – неопубликованный дневник Б. С. Житкова за 1936–1938 годы, в котором содержится указание на использование в качестве прототипа героя друга детства – К. И. Чуковского. Впервые вводятся в научный оборот оригинальные записи неопубликованного дневника Б. С. Житкова 1936–1938 годов, находящегося в собственности авторов. Проводится сравнительный анализ развития образа персонажа и портретно-биографического нарратива прототипа, в ходе которого предлагаемая гипотеза находит свое подтверждение. В результате исследования по-новому раскрывается образ другого героя романа – гимназиста Коли, который в системе внутренних взаимосвязей персонажей выступает как скрытый образ Семена Башкина в детстве, в историко-биографической проекции – отсылает к характеру детских взаимоотношений гимназистов Б. С. Житкова и К. И. Чуковского (Николая Корнейчукова), описанных К. И. Чуковским в своих воспоминаниях. Анализ образа Семена Башкина дает возможность оценить многомерность всех действующих лиц в романе «Виктор Вавич». Значение данного исследования важно как для понимания отдельных героев, так и для изучения романа в целом.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Б. С. Житков, К. И. Чуковский, роман «Виктор Вавич», советская литература, революция 1905 года, автор, герой, персонаж, прототип

Д л я ц и т и р о в а н и я : Баранов Н. И., Эргардт Е. Г. О персонаже Семен Башкин в романе Б. Житкова «Виктор Вавич» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 3. С. 53–59. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1024

ВВЕДЕНИЕ

Писателя Бориса Степановича Житкова хочется назвать «представителем литературы с е г о д н я ш н е г о д н я» [1: 128], ибо все сказанное им остро, актуально и действенно. «Вторая природа», как метко назвал литературу М. Горький, всегда была для Б. С. Житкова предметом активного изучения, буквально – полем битвы за будущее. Именно поэтому так страстно и непримиримо сражался он с фальшивым словом. Но эта непримиримость не имела ничего общего со снобизмом. Такая резкая оценочная форма была лишь следствием истинного неравнодушия к делу, настоящий профессиональ-

ный разговор, в котором он «не щадил ни друзей, ни недругов и ничьего самолюбия» [5: 314]. К слову, еще более жестко он относился к самому себе, «вечно неудовлетворенный степенью достигнутой им правды» [11: 302]. Самым важным Б. С. Житков считал «большой обыск в себе» [9: 18]. По словам Б. А. Ивантера, Б. С. Житков «никогда не остывал, и трудно было не обжечься, работая с ним» [5: 314]. Со стороны он выглядел желчным, не любящим людей человеком, чьи меткие язвительные определения не щадили даже друзей. Как известно, с К. И. Чуковским Б. С. Житков был знаком еще с детства, когда они были учениками-одноклассниками Одесской второй гимназии. К. И. Чуковский

вспоминал: «Житков казался мне самым замечательным существом на свете, и меня тянуло к нему, как магнитом» [12: 246]. Примечательно, что Житков-гимназист уже тогда отличался от сверстников обширными знаниями в различных областях, и он, «педагог по природе, жаждал учить, наставлять, объяснять, растолковывать» [12: 248]. Воспитанный родителями в атмосфере абсолютного доверия, будущий писатель очень трепетно относился к слову вообще и не терпел нарушения данного слова. Л. К. Чуковская писала, что к любому собственному обещанию «он относился торжественно» [11: 302], чего и требовал от других. Наглядной иллюстрацией предстает случай, описанный К. И. Чуковским, когда весной 1897 года он и Б. С. Житков, пятнадцатилетние мальчишки, отправились пешком в Киев: «Предварительно была составлена бумага, в которой определялись наши взаимные отношения во время всего путешествия». Один из пунктов гласил, что во всех затруднительных случаях нужно беспрекословно подчиняться Житкову, как командиру, если же это будет нарушено дважды, «дружба кончена на веки веков» [12: 257]. Действительно, именно так и закончилась их детская дружба: К. И. Чуковский из упрямства и малодушия «нарушил договор», а невозмутимый Житков жестко сдержал свое слово. Впоследствии детская ссора забылась, дороги на время разошлись, а судьбоносная встреча состоялась более чем через двадцать лет, в 1923 году, когда К. И. Чуковский, слыша какие замечательные истории Б. С. Житков рассказывает его детям, предложил приятелю стать литератором. Через несколько дней Б. С. Житков принес морскую новеллу, записанную убористым почерком в школьной тетради на половине листов, вторая пустая половина предназначалась для исправлений профессионального писателя. Но К. И. Чуковский увидел, что автор – «опытный литератор, законченный мастер с изощренной манерой письма, с безошибочным чувством стиля, с огромными языковыми ресурсами» [11: 301]. «Языковой ресурс» был результатом опыта и цепкой памяти Б. С. Житкова. «Не пишу, пока все не выстоится, т. е. не слова, а самое главное. Все остальное само приходит из обстоятельств – и слова и действия», – писал он в одном из писем [11: 301].

История развития отношений с приятелем детства была, по-видимому, глубоко осмыслена Б. С. Житковым, тревожила его, заставляла изучать природу неоднозначности, разноплановости, многомерности личности конкретного че-

ловека и человека вообще. Итогом этих размышлений явился персонаж Семен Башкин в романе «Виктор Вавич». По словам Б. Л. Пастернака, это лучшая книга о 1905 году, удивительно принадлежащая детскому писателю Б. С. Житкову, она заслуживает отдельного и особого внимания как «очень большой литературный факт» [10: 650], осознать который еще потребует значительное время, когда-то отнятое цензурой у этого произведения. Не останавливаясь, однако, на идеологических аспектах первых критических статей, отметим схожесть в оценке конкретно-предметных описаний. «Роман подавляет этой конкретностью», «от этой яркости трудно читать», – отзываясь о романе Вс. В. Лебедев [7: 174], о «мозаичности» повествования говорит и С. Герзон [4: 60–61]. Поэтому «отделенность» [7: 174] такого персонажа, как Семен Башкин, не является избирательной, но включает в себе личное отношение автора к прототипу героя.

* * *

В дневнике за 1938 год¹ [3: 70–71] есть такая запись:

«Всеволод (Вс. Лебедев. – Н. Б., Е. Э.) ругал Чука и подлецом и прохвостом». «Он, конечно, “прохвост”: т. е. эгоист, циник, пошляк, прикрывающийся общественно-настроенным деятелем и ревнителем. Человек беспринципный, т. е. по-башкински не верящий в добродетель и глубоко уверенный, что все сукины-сыны, как и он, думающие только о теплом навозе. Вопрос в том, насколько мол другие себя и других лучше обманывают в своих “принципиальностях” – но врать он готов сейчас же и кроме страха и презренья, объединенного зачастую, у него другого отношения к людям нет. Все это перемежается сентиментальными порывами уж какого-то литературного колера. В Башкине мне все же не удалось оправдать Корнейчукова. Никто, кажется, кроме Женьки Шварца, его в Башкине не узнал. А я-то писал и боялся, что больно портретно выходит и что скандально похоже»².

Персонаж Семен Башкин создается автором как *новый* биографический нарратив. Быть может, на страницах романа идет борьба с устоявшимся нарративом? Попытаемся понять, насколько Башкин «похож» на «натуру», с которой списывался. В тексте романа есть такие описания этого героя:

«сощурил глазки и скривил толстые губы» (46)³, «толстые обветренные губы» (250), «Он улыбался толстыми губами» (565), «выпятил узкую грудь» (91), «сел на кончик стула, плотно сжал свои острые колени, уложил на них пакет и начал, слегка покачиваясь» (91), «высокий человек» (312), «И зарубите на своем носу – места, кажется, хватит?» (206) (указывается на большой нос Башкина); «знакомая спина вихляется – высокая, как пальто на щетке» (423).

Большое внимание уделяется автором походке персонажа:

«хлябал враскидку широкими шагами» (49), «тараторил калошами» (49), «Башкин разбрасывал широко ноги, изгибался и все-таки задевал стулья» (90), «зашагал саженым раскидистым шагом», «зашлепал громадными калошами», «шире замахал ногами» (313).

Безусловно, и некое внешнее сходство, и пластика движений угадывается, а что же представляет из себя Семен Башкин, зачем он живет в этом романе? Впервые Башкин предстает перед читателем молодым человеком «в штатском сюртуке, с рукой на черной перевязи» (46), и с первых же слов к этой фигуре читатель невольно испытывает недоверие. Башкин в течение разговора стремительно меняется: вот он подозрителен, вот «сделал сразу серьезное и умное лицо» (46), потом «наскоро сделал хитрое лицо» и «опять сделал умное лицо» (47). Башкин объясняет «бойко, литературно» (46), отчего его рука на перевязи, а чуть позже появляется без повязки, «руки в карманах» (49). Этот герой не лжец поневоле, он испытывает *потребность* в зрителе, он одновременно и зритель, и актер своего собственного театра. Неоднократно в романе его называют «пошлый шут», «кривляка», «обезьяна», «балаганщик», который говорит «бабьим», «уличным голосом», говорит «как перед толпой», «декламирует», он и «думал словами, как будто произносил речь перед толпой». В такие минуты Башкин *обладает* чужим вниманием, кратковременной, но все-таки властью. Он завидует людям, «которые имеют право судить и карать», тому, кто будто «пророк и знает истину» (50). «Люди с правами его злили – за собой он не чувствовал этих прав» (55), при этом отчаянно желал их иметь. Однако в своем *бесправном* положении Башкин находит и приятную для себя отдушину – «у таких людей (у людей с правами. – Н. Б., Е. Э.) это не от высшего» (50), «обыкновенное туполюбие. Раздутая в чванство бездарность» (55). Башкина внезапно осеняет: «Для лакеев нет великих людей», потому что «они-то одни их и знают по-настоящему» (57), и записывает в специальную тетрадь: «Великим людям досадно, что лакеи их отлично знают» (57).

От описания внешности героя автор переходит к его мыслям, запечатленным в дневнике, создавая типаж человека своего времени. В этой же тетради появляются «Тезисы, по которым жить» (94). Первый значился – «1. Н. В.» – не врать, второй «2. С. и С.» – спокойствие и смелость (любопытно, что при этом он не ре-

шился написать слова полностью, «а вдруг кто увидит?» (94)). «Ему казалось, что вот пришла судьба и дала ему белый лист: что тут напишешь, то и твое» (94). В этот момент *всё* было в его руках, «он жадно думал, чего бы еще пожелать» (95). Эта забавная сцена с «тезисами» – наивно-детская, как ожидание волшебства, некоего чуда, веры в свое могущество, весьма показательна. Чистые, искренние желания, детскость и ребячество живут в Башкине одновременно с детской же трусостью, духовной *невзрослостью*, что приводит к трагической нелепости – Башкина арестовывают, а его тезисы, про которые он «не сразу даже вспомнил, что значили эти “С. и С.”», в полиции расшифровывают так: Н. В. – «немедленное восстание», а С. и С. – «свержение и социализм» (192). Башкин становится агентом по фамилии Эс-Эсов, получив хрестоматийные 30 рублей.

О «страхе и презрении» писал Б. С. Житков в своем дневнике. Смешавшись, эти чувства раскрываются в персонаже романа через показное, театральное, он отворачивается к зеркалу, «стараясь удержать выражение лица», «грустное, доброе» (57). Даже в тюремной камере он *любит* угол, в котором пуговицей от пальто поставил крест. «Это значило, что на пятый день он *должен* (курсив наш. – Н. Б., Е. Э.) умереть от голода» и «слезы *удовлетворенной* (курсив наш. – Н. Б., Е. Э.) обиды тепло подступали к горлу» (134)). «Гордый труп» (134) – именно такой в этот момент представляется Башкину его роль, роль мученика.

Роман «Виктор Вавич» – «масштабная историческая фреска» [2: 619], в которой все изображенные герои прописаны острой, тонкой кистью. Околоточный надзиратель Виктор Вавич – номинально главный герой, а по существу, главными по очереди оказываются все персонажи, выходящие на авансцену спектакля «*О чужих интересах*» [2: 617] и *борьбе «за неведомо чье светлое будущее»* [2: 618]. Двойственность, тройственность, многоликость присуща чуть ли не каждому герою этого романа. Для них характерна театральность, пусть не такая утрированная, уродливая балаганность, которой наделен Семен Башкин. Виктор Вавич – вольноопер (то есть вольноопределяющийся, добровольно поступивший на службу и пользующийся определенными льготами) второго разряда. Появляется на страницах романа как актер, в образе: щеголяет в пустом дворе, затянутый ремешком, в начищенных ботфортах, с образцово вычищенной винтовкой; печатает учебным ша-

гом и при этом лицо у него делается «лихим и преданным. Как будто начальство смотрело, а он нравился» (11). Приехав в город для устройства на службу околоточного надзирателя, Вавич примеряет на себя роль городского. Сначала несмело: «не знал: пятиться к двери задом или повернуться по-военному, и боком пошел к двери» (128). Получив форму полицейского, Вавич примеряет ее – и происходит перерождение. «Он уж боком глаза видел, как кто-то чужой копошится в зеркале», «Чужая, не его тень» (148) стоит на стене. Виктору становится жутко, и, чтобы уменьшить тень, он решительно шагает к ней и «на ходу» видит, «как в зеркале в шкафу прошел квартальный» (148). Он смотрит на себя со стороны, как на чужого, неизвестного человека, но уже утром перед зеркалом с удовольствием «репетирует» нужные жесты. «Теперь самое главное – усмешку судьбе». «Он откидывался назад и поднимал руку, слегка растопырив пальцы. Вынул шашку, нахмурился, на цыпочках наклонился вперед – подойди» (149). И уже в этой новой роли Вавич орет швейцару: «Колпак скинь, сволочь!», «Ка-ак стоишь? Рвань!» (150), думает про свое приказание извозчику: «Очень, очень натурально вышло» (170) – так актер оценивает свою игру.

Вообще, герои романа Б. С. Житкова часто смотрят на себя в зеркало, лицедействуют, позерствуют: выстраивают «желаемый», «красивый» образ себя, одновременно проецируя попытку автора разглядеть в человеке скрытое, потаенное, стыдное: и полицеймейстерша Варвара Андреевна играет роль, скосившись в зеркало «широким глазом» (469); и Таня Ржевская в платье цвета «неведомого огня» (503) не может оторваться от зеркала – «воткнулся глаз в глаз» (503); и Надя Тиктина – «товарищ Валя» в поисках укромного места для революционных журналов вспоминает себя 12-летней, когда она, распустив волосы и украсив платье розой, лежит, словно мертвая, поглядывая в зеркало трюмо, ей «и гордо, и жалостно» (31). Так ли далеко ее «актерство» от Башкинского кривляния, когда она представляет себя Жанной д'Арк, ведущей рабочих на «святой и правый бой» (82), когда думает, «пусть ее хватают – она отдает себя», а «она смотрит “гордо и смело”» (82). В мечтах она чувствует «восхищенные взгляды, как тогда девочкой, когда умирала перед бабушкиным трюмо». Как много в этом детского – желания заглянуть в будущее и актерского – желания посмотреть со стороны. Надя надевает белый воротничок – «пусть арестовывают, это будет оттенять ее: де-

вушка и жандармы» (82). Кто же отражается в зеркале – студентка-социалистка или ребенок-актриса? Или, к примеру, чем лучше «гордого трупа» Башкина Филипп Васильев, который «от злобы, от зависти, *назло* (курсив наш. – Н. Б., Е. Э.) умрет» (223). Быть может, не только Башкин, но и другие персонажи «обманывают в своих “принципиальностях”»^{4?}

Для Б. С. Житкова, нетерпимого к нарушению слова, к предательству, изучение «человека беспринципного» (unprincipled homo) – крайне необходимо, жизненно важно. Этот вопрос мучителен для него прежде всего как для человека, а как писатель он пытается через фигуру Башкина прийти к пониманию и прощению. «Главное, надо любить того человека, про которого пишешь», – делится Б. С. Житков с Л. К. Чуковской [11: 301]. Он *видит* ребенка в Семене Башкине, когда тот болеет у Тиктиных дома:

«какие светлые добрые глаза – показалось Наденьке. Совсем детские, беспомощные» (250); «Башкин повернулся на бок, положил сложенные руки под щеку, подогнул коленки – они остро торчали под пижамным одеялом» (250); «он покорно, по-детски, лежал с поднятыми бровями» (251),

когда дает себя одеть и укутать шарфом, когда, «перегнувшись через перила, лег животом и поехал вниз» (275) или «забарабанил губами как дети» (276).

Запуганный Башкин по-детски сообщает квартирной хозяйке: «Меня хотят убить разбойники» (556), растерянный Башкин, как ребенок, подкидывает шапку и вертит «в носу длинным пальцем» (565). Незрелость или непосредственность?

В этой связи любопытно появление такого персонажа, как гимназист Коля, ученик Башкина. Вначале аморфного, гипотетического, когда Башкин, получив на чужое имя, «до востребования» открытки «Альбом красавиц – парижский жанр», пишет на конверте «Отобрано у Коли, 27/II» (56). После фигура Коли обретает индивидуальность, отчасти напоминает самого Башкина: гимназист ведет себя, «как мальчик из книжки» (309) – молча моется под ледяной водой, сидит прямо, аккуратно шагает в гимназию и мечтает: «Если так вот все делать, и двоек никогда не будет, все пойдет, как в книжке» (309), но, вспомнив о «письменном ответе» по арифметике, сворачивает в парк и отцепляет с околыша фуражки гимназический герб. «Какое кому дело, просто мальчик!» (311). Коля решает сидеть под дождем на скамейке до окончания уроков и думает, как Башкин в тюрьме: «И чем

хуже, чем мучительнее сидеть, тем лучше» (311). Автор будто представляет Семена Башкина *в зародыше*, в начале своего развития (примечательно, что гимназиста зовут Колей). Еще более интересна сцена встречи Башкина со своим учеником. Он успокаивает Колю и предлагает объяснить арифметику, на недоумение ученика отвечает: «Что, я не имею права любить? <...> Все делают пакости и все имеют право! Пра-во! Любить!» (313–314). В лице Коли Башкин оправдывает самого себя, но после, раздираемый противоречивыми чувствами, учиняет гимназисту настоящий допрос, моделируя собственную ситуацию – допытывается у Коли, «доносил ли на товарищей». Он пугает мальчика резкой сменой поведения: то раздражался, то говорил «довольным голосом» (315), то «шаловливо трепал Колин затылок», то «возбужденным тонким голосом выкрикивал» (315). Башкин «новыми, чужими глазами въедался» в Колю, казался ему «огромным червем» (315), Коля «взглянул в глаза Башкину и совсем, совсем не узнал, кто это» (316), а лицо учителя «становилось все яростней и страшнее; казалось, что копится, копится и сейчас самое ужасное, *последнее* (курсив наш. – Н. Б., Е. Э.) вырвется оттуда» (316). Буквально Башкин *терзает лицо*, становится ужасным червем, гидрой, мифическим, абсолютным злом. Он будто одну за другой снимает маски, и последнее, страшное и есть то, *что* он из себя представляет. Во время допроса Башкин играет с Колей «*в самого себя*», одновременно отстраняется от своей персоны, жестоко наказывает и тут же прощает другого.

Личная, внутренняя история Башкина – весьма яркий пример. Автор по-человечески пытается понять побуждающие мотивы, но «оправдать» в Башкине реальное лицо, по его словам, «все же не удалось»⁵, поэтому жизнь персонажа прерывается. Писатель «убирает» Башкина в самой высшей точке его развития, словно боясь *характерного* попятного хода. Более того, неожиданна и бессмысленна, в отличие от ухода Семена Башкина, смерть «главного героя», который не был готов ни к своей смерти, ни к своей жизни. (К слову, вспомним рассуждения социалиста Саньки Тиктина: «Оттого и знают, как жить надо», потому что смерть «между ними ходит» (556)). Как ни странно, именно расхлябанный, нелепый Башкин проходит в романе «*по восходящей*». Он *хочет* верить в то, что он «хороший человек» в начале, когда театрально удерживает в зеркале «грустное, доброе» (57) выражение лица, и потом, когда выходит «Высочайший манифест», «Конституция», Башкин ликует: «Я,

я всех свободней!» (488), он чувствует, что с него снята вина, ему не надо больше доносить: «никаких городских, никаких охранных, никаких жандармов». «Ух, я теперь буду жить!» – восклицает он, словно жизнь может начаться с *чистого* листа. В подтверждение этой мысли – его реплика «А этот мальчик, Коля, замечательный, я приведу, к вам приведу» (488). Башкин-Коля оправдан и помилован, ведь он называл себя «самый, самый ужасный человек “Хуже Иуды”» (255). Библейский сюжет о тридцати сребрениках с житейской прямоотой обращен к читателю романа – ротмистр Рейендорф выдает агенту Эс-Эсову конверт, где «*красным* (курсив наш. – Н. Б., Е. Э.) карандашом широко было написано: «“тридцать рублей”» (207). В этом эпизоде уже заложен выход Башкина со сцены: «это на побег» (208), – думает он. Прощаясь с Колей, Башкин говорит: «Я сейчас уезжаю. Может быть, навсегда, навеки, как покойник. Насовсем!» (564). И *красным* карандашом Семен Башкин пишет свое имя на обернутой бумагой «железной книге» – бомбе в переплете от Библии, отводя подозрение от Саньки Тиктина. Башкин бросает бомбу в полицейского Грачека, известного своей жестокостью. «Шесть человек было убито», «Ротмистр Рейендорф отказался в кровавых кусках опознать Башкина» (613). Искупление совершается. Буквально *красным* цветом прочерчен путь Башкина в романе «Виктор Вавич». Однако, обратим внимание, как взыскательный к слову Б. С. Житков описывает «смерть» Башкина – «*отказался опознать*». Что это? Воскрешение покаявшегося или триумф вечного зла: башкины исправимы или башкины будут всегда?

Всего несколько строк дневника о приятеле детства и его художественной проекции, а какая борьба и боль за этот персонаж в романе, захватившем Б. С. Житкова «неотвратимо» [2: 619]. В романе «Виктор Вавич» у героев нет ответа, «для чего жить», есть вопрос, «за что и как умереть». «За самое главное, за дорогое» (51), – говорит Подгорный, «пусть из земли поднимется... из крови дух к небу. И от меня, от нас к другим – как ветер по земле, по времени» (225), – говорит Санька Тиктин. Б. С. Житков и сам стремился жить и писать «пронзительно», «на смерть» [6: 504]. В период создания романа он довольно часто писал Л. К. Чуковской (работа над произведением длилась более пяти лет, завершилась в 1934 году, а с 1927 по 1931 год писатель общался в письмах с Л. К. Чуковской). Она вспоминает, что Б. С. Житков «любил читать вслух свои новые вещи» [11: 299], проверяя, насколько воспри-

имчив к тексту слушатель, задавая вопрос, писатель становился требовательным экзаменатором, не прощающим «фальши, полужнаительства, приблизительности, уклончивости» [11: 300], а ответ от слушателя должен был быть «искренним, прямым и в то же время обоснованным, точным» [11: 300], иначе «сарказмы и разоблачения так и сыпались на вашу голову». Но и к себе Б. С. Житков относился критически.

«А про свое писанье я вот почему думаю, что не то. <...> Все не в самую точку, не туда, где самая-то жизнь в каждом человеке бьется». «Я написал одну главу на днях. Потом мучился – показалась сентиментальной. Стал подозревать всё. И все показалось сентиментальным и хорошо обвороченным в конфетные бумажки. Захотелось все бросить. Потом стал упрекать себя в малодушии: плохо, так еще не конец, дальше пиши – лучше. Доведи до конца, а потом пересмотри и переделай» [6: 504],

– писал он Л. К. Чуковской о работе над «Виктором Вавичем». Отчасти роман стал памятником «охватывавших Бориса Житкова страстей» [2: 618]. Любой художественный текст можно воспринимать как выражение субъективности автора, но истинный художественный текст не тождествен ей, свободен и существует автономно, в чем, собственно, и есть смысл и культурная ценность художественного произведения. «То, что говорит текст, важнее того, что хотел сказать

автор» [8: 217]. Благодаря или вопреки прототипу Семен Башкин, как и другие персонажи, занял свое место в масштабном мозаичном панно романа «Виктор Вавич», в «распахнутом пространстве» «летописи народной жизни» [13: 162, 166].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании оригинальных записей дневника Б. С. Житкова подтверждается, что прототипом Семена Башкина в романе был К. И. Чуковский. Но, учитывая двойную портретно-психологическую проекцию прототипа в системе персонажей: учитель Башкин – гимназист Коля, и с этой же позиции в художественной биографии персонажа (Башкин – учитель по профессии), начинается новый, принципиально отличный от прототипа, биографический нарратив героя. Это значит – «расширение» персонажа Башкина до типажа одного из «героев нашего времени», в проекции историко-биографической и мемуарного плана романа – персонажа, представляющего «наше поколение». И только в этом контексте, из которого автор не изымает и себя, работают те «обвинительные» и «оправдательные» смыслы об интеллигенции и революции, отцах и детях, личности и социуме, политике и этике, жизни и смерти, подвиге и предательстве, мечте и действительности, которые находим в полифоническом романе Бориса Житкова.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дневник Житкова Б. С. 1936–1938 годы. Архив авторов.

² Там же. Л. 6 об.

³ Житков Б. Виктор Вавич. М.: Независимая газета, 1999. 628 с. Далее цитируется по этому изданию с указанием в круглых скобках страниц.

⁴ Дневник Житкова Б. С. 1936–1938 годы. Архив авторов. Л. 6 об.

⁵ Там же.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев К. К. Борис Житков – автор научно-художественной книги // Жизнь и творчество Б. С. Житкова. М.: Детгиз, 1955. С. 126–160.
2. Арьев А. Ю. Долгая зима в городе N // Житков Б. Виктор Вавич. М.: Независимая газета, 1999. С. 615–622.
3. Баранов Н. И., Эргардт Е. Г. Житков – писатель-педагог (По материалам дневника 1936 года) // Теория и практика регионоведения. Труды I Междунар. науч.-практ. конф. Т. 1. Кн. первая. СПб.: Скрипториум, 2018. С. 70–91.
4. Герзон С. Среди книг. Житков Б. Виктор Вавич. Кн. 1 // Художественная литература. 1934. № 6. С. 60–61.
5. Ивантер Б. А. Борис Житков // Жизнь и творчество Б. С. Житкова. М.: Детгиз, 1955. С. 312–320.
6. Житков Б. С. Письмо Л. К. Чуковской. 6 февраля 1927 // Жизнь и творчество Б. С. Житкова. М.: Детгиз, 1955. С. 503–505.
7. Лебедев В. С. О Викторе Вавиче Бориса Житкова и по поводу // Звезда. 1933. № 2-3. С. 172–177.
8. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Academia-Центр, Медиум, 1995. 416 с.
9. Смирнова В. В. Мысли Бориса Житкова о литературе, воспитании и детской книге // Жизнь и творчество Б. С. Житкова. М.: Детгиз, 1955. С. 14–41.
10. Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. М., 1997. 912 с.
11. Чуковская Л. К. Экзамен // Жизнь и творчество Б. С. Житкова. М.: Детгиз, 1955. С. 294–302.
12. Чуковский К. И. Детство // Жизнь и творчество Б. С. Житкова. М.: Детгиз, 1955. С. 245–265.

13. Шубинский В. И. «Последний русский роман». О кн. Бориса Житкова «Виктор Вавич» // Октябрь. 2001. № 2. С. 162–166.

Поступила в редакцию 20.07.2023; принята к публикации 31.01.2024

Original article

Nikolai I. Baranov, Senior Researcher, Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russian Federation) baranovni@mail.ru

Elena G. Ergardt, Research Associate, Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russian Federation) elenaergardt@mail.ru

EXPLORING THE CHARACTER OF SEMYON BASHKIN IN BORIS ZHITKOV'S NOVEL *VIKTOR VAVICH*

Abstract. This article explores historical and biographical ciphers present in the character system of Boris Stepanovich Zhitkov's novel *Viktor Vavich*, which revolves around the Russian Revolution of 1905. The main focus is on the character of Semyon Bashkin, with the hypothesis proposing that his prototype was Korney Ivanovich Chukovsky. Memoir sources, particularly Zhitkov's unpublished diary from 1936–1938, were consulted to support this claim. This diary indicates Chukovsky, the author's childhood friend, as the inspiration for the character. The original entries from Zhitkov's diary, now in the possession of the researchers, are introduced into scholarly discourse for the first time. The hypothesis is validated through a comparative analysis of the character development and the biographical narrative and portrayal of Chukovsky. Additionally, the study sheds new light on another character in the novel, the gymnasium student Kolya, revealing him as a childhood representation of Semyon Bashkin in the system of internal relations between the characters and from the historical and biographical perspective – referring us to the gymnasium relationship between Zhitkov and Chukovsky (Nikolay Korneychukov) as depicted in Chukovsky's memoirs. The in-depth analysis of the character of Semyon Bashkin allows for a multidimensional assessment of all characters in *Viktor Vavich*, enhancing understanding of individual characters and the novel as a whole.

Key words: B. S. Zhitkov, K. I. Chukovsky, novel *Viktor Vavich*, Soviet literature, 1905 Russian Revolution, author, hero, character, prototype

For citation: Baranov, N. I., Ergardt, E. G. Exploring the character of Semyon Bashkin in Boris Zhitkov's novel *Viktor Vavich*. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(3):53–59. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1024

REFERENCES

1. Andreev, K. K. Boris Zhitkov – the author of a science-based fiction book. *The life and work of B. S. Zhitkov*. Moscow, 1955. P. 126–160. (In Russ.)
2. Aryev, A. Yu. Long winter in the N-city. *Zhitkov, B. S. Viktor Vavich*. Moscow, 1999. P. 615–622. (In Russ.)
3. Baranov, N. I., Ergardt, E. G. Zhitkov – writer and teacher. (Based on the materials of the 1936 diary). *Theory and practice of regional studies. Proceedings of the I International research and practice conference*. St. Petersburg, 2018. Vol. 1. Book 1. P. 70–91. (In Russ.)
4. Gerzon, S. Among the books. Zhitkov B. *Viktor Vavich*. Book 1. *Hudozhestvennaya literatura*. 1934;6:60–61. (In Russ.)
5. Ivanter, B. A. Boris Zhitkov. *The life and work of B. S. Zhitkov*. Moscow, 1955. P. 312–320. (In Russ.)
6. Zhitkov, B. S. A letter to L. K. Chukovskaya. 6 February 1927. *The life and work of B. S. Zhitkov*. Moscow, 1955. P. 503–505. (In Russ.)
7. Lebedev, V. V. Exploring Boris Zhitkov's novel *Viktor Vavich*. *Zvezda*. 1933;2-3:172–177. (In Russ.)
8. Ricoeur, P. The conflict of interpretations. *Essays on hermeneutics*. Moscow, 1995. 416 p. (In Russ.)
9. Smirnova, V. V. Boris Zhitkov's thoughts on literature, education, and children's books. *The life and work of B. S. Zhitkov*. Moscow, 1955. P. 14–41. (In Russ.)
10. Chukovskaya, L. K. Notes about Anna Akhmatova. Vol. 2. Moscow, 1997. 912 p. (In Russ.)
11. Chukovskaya, L. K. Exam. *The life and work of B. S. Zhitkov*. Moscow, 1955. P. 294–302. (In Russ.)
12. Chukovsky, K. I. Childhood. *The life and work of B. S. Zhitkov*. Moscow, 1955. P. 245–265. (In Russ.)
13. Shubinsky, V. I. “The last Russian novel”. About the novel *Viktor Vavich* by Boris Zhitkov. *Oktyabr*. 2001;2:162–166. (In Russ.)

Received: 20 July 2023; accepted: 31 January 2024

Научная статья

Литературы народов мира

DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1025

EDN: GIIYEM

УДК 821.511.111

АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВНА МИЗОНОВА

аспирант сектора фольклористики и литературоведения
(с фонограммархивом) Института языка, литературы
и истории
Федеральное государственное бюджетное учреждение на-
уки Федеральный исследовательский центр «Карельский
научный центр Российской академии наук»
(Петрозаводск, Российская Федерация)
mizonova@yandex.ru

СПЕЦИФИКА ОБРАЗА ГЕРОЯ ФИНСКОЙ ПОДРОСТКОВОЙ АНТИУТОПИИ

Аннотация. Рассматривается художественный образ главной героини популярного романа финской писательницы Эмми Итяранта «Дневник чайного мастера» (Teemestarin kirja, 2012 год) в контексте характеристики типичного героя молодежной антиутопии. Роман, написанный с расчетом на зарубежную аудиторию, переведен на двадцать языков; в Финляндии он позиционируется как литература young adult, в России анонсировался как экологическая антиутопия. В статье анализируются локальные особенности финской подростковой антиутопии. При помощи сравнительно-сопоставительного метода было выявлено, что в романе Э. Итяранта нет героя-бунтаря, поскольку проблема человечества не в несовершенстве политической системы, но в нежелании и неумении взаимодействовать с природой, которую человек использует как источник ресурсов. Финский локальный вариант антиутопии отличают стремление главного героя к познанию истины через обретение истории и оптимистичный финал, поскольку экологическая катастрофа оказывается обратимым процессом.

Ключевые слова: финская литература, Эмми Итяранта, антиутопия, young adult, литературный герой

Для цитирования: Мизонова А. Н. Специфика образа героя финской подростковой антиутопии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 3. С. 60–66. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1025

ВВЕДЕНИЕ

В XXI веке на фоне различных экономических, экологических и других проблем масштаба страны и всего мира антиутопия стала популярным жанром художественной литературы. К. С. Киктева в статье, посвященной методическому потенциалу антиутопий, выделяет черты, которые сближают читателей-подростков из России с героями американских художественных произведений young adult: ощущение нестабильности окружающего мира, необходимость пройти отбор или испытание, организованные взрослыми, «высокотехнологичные» миры [5: 77–78]. При этом романы и повести, написанные для юношества, привлекают внимание взрослой читательской аудитории, что объясняется не только стилистической простотой и захватывающим сюжетом произведений, но и психологическими особенностями наших современников [9].

В последние годы вышло несколько фундаментальных трудов, посвященных изучению антиутопии. В 2022 году была издана коллективная монография «The Palgrave Handbook of Utopian and Dystopian Literatures» («Справочник

Пэлгрэйва по утопической и антиутопической литературе»), в которой рассматриваются жанровые вопросы в синхронии и диахронии, формы реализации, меняющиеся в зависимости от реципиента и канала передачи информации, а также политическая и идеологическая подоплека, природные и культурные пространства и локальные варианты антиутопий [17]. В сборнике статей 2020 года финские литературоведы исследовали апокалиптические мотивы, экологическую тему и лингвистические особенности англоязычных антиутопий [13]. Российские литературоведы, занимающиеся проблемами антиутопии, В. В. Жилинка (Костенкова), Д. С. Солобуто, С. Г. Шишкина, Л. М. Юрьева и др., интересуются не только становлением жанра в XX веке, но и изменениями тематики и системы образов персонажей в начале XXI века [3], [7], [10], [11].

Финские ученые обратились к изучению антиутопии в начале XXI века. В 2017 году вышел сборник статей, в котором рассматриваются социальные аспекты, темы экологии и изменения климата, традиция изображения катастроф

и чрезвычайных ситуаций, а также жанровое разнообразие финской антиутопии. С. Исомаа и Т. Лахтинен отмечают следующие особенности: как правило, действие происходит в Финляндии; в социальной дистопии поднимаются гендерные вопросы; писатели часто обращаются к теме актуальных социально-политических угроз, приводящих к утрате чувства безопасности, которое является ценностью финского общества [14: 11–12]. Й. Райпола в своем исследовании выявляет отсутствие в финской антиутопии конвенциональных жанровых особенностей и отмечает, что человек может быть показан не как герой, возвышающийся над окружающим миром природы, а как уничтожающий себя вид животных, который своим поведением лишил себя какого-либо выбора в будущем [18: 103].

Тема экологии для финской культуры очень важна: по мнению финских исследователей Т. Лахтинена, С. Грюнтал и В.-М. Вярри, экологический кризис начала XXI века не только повлиял на темы детской и молодежной литературы, экологические вопросы приняты во внимание и в государственном образовательном стандарте [16: 51, 53]. При этом отличительной чертой финских экологических антиутопий и экотриллеров, по словам Т. Лахтинена, является

«переосмысление национальной идентичности в глобализирующемся мире, где границы между государствами или нейтральная внешняя политика уже не могут защитить от технологических рисков и проблем окружающей среды» [15: 80].

Темы, поднимаемые литературой для детей и подростков, показывают, что все большую долю в формировании идентичности занимает личная и коллективная ответственность за окружающую среду и действия в этой области [16: 52]. Л. М. Юрьева отмечает, что идеи Е. И. Замятина перешли позднее в экологическую литературу: «Природа человека неразрывно связана с самой природой» [11: 76].

РОМАН «ДНЕВНИК ЧАЙНОГО МАСТЕРА»

По словам С. Исомаа и Т. Лахтинена, популярность постапокалиптических антиутопий для подростков в мировом масштабе привела к тому, что многие финские писатели в наши дни нацелены на зарубежную читательскую аудиторию [14: 12]. Эмми Итяранта (род. в 1976) – одна из таких авторов. Ее дебютный роман «Teemestarin kirjа» (в переводе Е. В. Богданова «Дневник чайного мастера»)¹ издан на финском языке в 2012 году, а в 2014-м вышел на английском языке в США, Великобритании и Австралии. Еще в 2011 году, до публикации, «Дневник чайного мастера» был объявлен победителем

конкурса научно-популярных и фантастических романов издательства «Geos», а после публикации в Финляндии был отмечен премиями «Kalevi Jäntti» («Калеви Янтти») и «Nuori Aleksis» («Молодой Алексис»). В дальнейшем оригинал и его переводы были номинированы на несколько литературных премий в разных странах. После выхода финноязычного варианта роман был переведен на восемь языков; издание англоязычной версии, возможно, привлекло внимание к «Дневнику чайного мастера», и в настоящее время изданы переводы более чем на 20 языках. В 2022 году в Финляндии по роману был снят фильм «Хранитель воды» («Vedenvartija»), что дает возможность прогнозировать очередной всплеск интереса к оригинальному произведению.

На книжном рынке «Дневник чайного мастера» традиционно аннотируется как экологическая антиутопия, показывающая жизнь человечества после экологической катастрофы в условиях ограниченного запаса пресной воды, распределение которой контролируется военными.

Литературный жанр антиутопии начал формироваться в Финляндии в 1990-е годы, при этом отдельные произведения появлялись уже в 20-е и особенно в 70–80-е годы XX века [14: 10–11]. Х. Самола² отмечает, что жанр антиутопии занял свое место в финской литературе на рубеже XX–XXI веков, а в последние десятилетия завоевал признание в молодежной среде [19: 10, 35]. Экологическая катастрофа, тоталитарный режим, пандемия становятся популярными темами young adult литературы в целом, а в Финляндии жанр «Дневника чайного мастера» уточняется именно как антиутопия (а точнее, дистопия) для молодежи [19: 30]. Поскольку наша работа посвящена не вопросам жанра, будем считать материал исследования примером подростковой антиутопии, не вдаваясь в дискуссию о терминологии. Подростковая антиутопия привлекает внимание и российских литературоведов: И. В. Игнатова, Е. В. Лекаревич, П. В. Бобровская выделяют типичные сюжеты, мотивы и образ героя, однако объектом их интереса являются англоязычные произведения [1], [4], [6].

Э. Итяранта изначально была нацелена на широкую читательскую аудиторию за пределами родной Финляндии и писала дебютный роман одновременно на двух языках, финском и английском³. Но при этом в «Дневнике чайного мастера» прослеживаются черты, позволяющие именно финскому школьнику или студенту [12: 31] ассоциировать себя с героем романа: имена многих героев – это окказионализмы, созданные по законам фонотактики финского языка и моделям существующих онимов (Noria

(ср. *Norja*), *Sanja* (ср. *Senja*, *Tinja*, *Tarja*), *Lian* (ср. *Lia*), *Niiramo* (ср. *Niitamo*)); Нория сдает *ylioppilaskirjoitus* (аналог ЕГЭ); используются реальные онимы (*Kaitio*) и топонимы (*Kuusamo*, *Kuolajärvi* – рус. Куолоярви). Представляется интересным проанализировать, как герой такого своеобразного в плане предполагаемой читательской аудитории романа коррелируется с каноническим образом героя подростковой антиутопии.

«ДНЕВНИК ЧАЙНОГО МАСТЕРА» КАК АНТИУТОПИЯ YOUNG ADULT

Сопоставив архетипичные [11: 73–76], частотные признаки антиутопии начала XXI века⁴ и типичные черты жанра подростковой антиутопии [6: 139–141], можно выделить следующие характеристики романа «Дневник чайного мастера»:

1) Действие происходит в огромном государстве *Skandinavian Unioni* («Скандинавская уния») после глобальной экологической катастрофы. В результате изменения климата и таяния ледников многие города затопило и соленая вода попала в реки, а после нефтяных войн произошло заражение пресной воды на территории бывших Швеции и Норвегии. Из-за этого на Земле сократились запасы пресной воды, населению в основном выдают опресненную морскую воду. Стоит отметить, что в романе Э. Итяранта экологическая катастрофа оказывается в итоге обратимой. В конце повествования Нория, выйдя из дома, впервые ощущает холод и видит иней – это значит, что началось восстановление природы, которое было предсказано отдельными учеными. «Сегодня утром мир выглядит таким, каким мы его оставили, но я все же не узнаю его, открыв дверь. Не только цвет, но и запах, и тишина – все стало другим» (246).

2) Одним из последствий катастрофы был приход к власти Нового Киана, оккупировавшего Скандинавскую унию. Именно военные осуществляют контроль над водой: устанавливают месячную норму и распределяют воду населению, выдают разрешения на ремонт водопровода, расследуют «аквапреступления» и карают за них. Кроме того, «леса находятся под усиленной охраной, куда доступ гражданским запрещен – это же касалось полей и нескольких оставшихся озер с пресной водой» (79), а в город с некоторых пор пускают только при предъявлении паспорта и наличии веской причины. То есть произошло становление тоталитарного государства, агрессия которого выражается не только в ведении войны, но и в том, что она направлена на аборигенов, чья жизнь полна лишений. Тоталитаризму в архетипичной антиутопии, по словам Л. М. Юрьевой, «противопоставляется любовь и природа (то, что естественно)» [11: 75]. И если для американ-

ских подростковых дистопий характерна тема любви, то в романе Э. Итяранта естественным является природа, а точнее – вода.

3) Некоторая идеологичность лексики (к примеру, *vesitarkastaja* – ‘акваинспектор’, *vesirikos* – ‘аквапреступление’, *vesipartio* – ‘аквапатруль’) в сочетании с темой власти военных создает картину тоталитарного государства.

4) В том числе и на лексическом уровне вводятся элементы фантастики как способ создания образа будущего или непохожего на наш мира. В романе встречаются следующие группы окказионализмов: а) средства передвижения – *helipyörä* ‘солнцевел’ (*heli* < *Helios* + колесо, ср. *polkupyörä* ‘велосипед’ букв. Тропа + колесо), *helivaunu* ‘солнцекар’ (*heli* < *Helios* + *устар.* автомобиль); б) бытовые и технические приспособления – *aurinkopoltin* ‘горелка’ (солнце + горелка), *kuylmälaite* ‘холодильник’ (холод + приспособление, ср. *jääkaappi* ‘холодильник’ букв. лед + шкаф), *hyönteishuppu* ‘сетка’ (насекомое + капюшон, ср. *hytтыshattu* ‘накомарник’ букв. комар + шапка, *kärpäshuppu* ‘накомарник для лошадей’ букв. муха + капюшон), *vesileili* ‘бутылка’ (‘бурдюк’ вода + туюс), *roihulyhty* ‘фонарь’ (пламя + фонарь), *roihukärpänen* ‘огневка’ (пламя + муха, ср. *kiiltomato* ‘светлячок’ сверкание + червяк); в) род занятий – *vesitarkastaja* ‘акваинспектор’ (вода + наблюдатель), *muoviseppä* ‘пластиковых дел мастер’ (пластик + кузнец, ср. *puuseppä* ‘столяр’ букв. дерево + кузнец); г) топонимы *Uusi Pietari* ‘Новый Петербург’, *Mos Qua* ‘Мос-Ква’, *Xinjing* ‘Синджинь’ (*Xinjiang* ‘Синьцзян’ + *Beijing* ‘Пекин’).

5) В романе прослеживается внеисторичность действия как характерная черта антиутопии вообще. После глобальной катастрофы начинается новая эра, в которую была уничтожена историческая и культурная память народа (бумажные книги были заменены на «трансляторные книги, которые кроились и перекраивались, а потом стало возможным удалить из памяти мира все, что угодно, одним простым нажатием кнопки» (242)). Произошло деление на *entismaailma* ‘прежний мир’ и *nykymaailma* ‘нынешний мир’, в котором естественно не интересоваться прошлым (как говорит подруга главной героини, «Что толку от книги, где нет ни Сумрачного века, ни неомира!» (68)). При этом временная перспектива героя подростковой антиутопии расширяется, то есть герой обретает историю: Нория с подругой исследуют свалку и находят артефакты прежнего мира, они смогли прослушать найденные ими CD-диски и узнать о причинах глобальной катастрофы и об изменениях, произошедших в мире; Нория читает бумажные книги из библиотеки матери, в которых расска-

зывается о прежнем мире; от отца Нория получает во время обряда посвящения дневники, которые вели чайные мастера их рода на протяжении многих поколений.

6) Расширение места действия как способ расширения возможностей героя: отец Нории приводит ее к источнику, спрятанному в пещерах на вершине горы недалеко от деревни; мать Нории организует для дочери возможность выехать в университетский город; Нория и Санья готовят к поездке в далекие Утраченные земли.

7) Эпизод похода к источнику, являющийся отправным моментом развития сюжета, можно рассматривать как момент инициации, так как тайну рода чайных мастеров отец передает дочери в день ее совершеннолетия.

8) В романе происходит характерное для подростковой антиутопии понижение статуса взрослого. В прологе первое упоминание о родителях – мысли Нории о том, что она разрушила надежды отца, а мать так и не увидела, как ее дочь стала чайным мастером. Затем читатель узнает, что матери Нории пришлось переехать из-за работы в другой город, а отец девушки умирает, и кульминационное событие своей жизни Нория пережила одна.

9) Обязательный компонент антиутопии – бунтующий герой. Как отмечает В. В. Жилинка, бунт может проявляться в форме внутреннего протеста против системы, а не только в форме активного действия [3: 2]. Учитывая, что бунтарем может быть не только одиночка, но «коллектив единомышленников, состоящий в оппозиции к существующему строю» [10: 217], семью чайного мастера можно было бы интерпретировать как пассивного коллективного бунтаря, чье противостояние власти состоит в утаивании горного источника, хранении бумажных книг с информацией о прежнем мире и желании исследовать водные ресурсы запретных Утраченных земель, то есть в сохранении и передаче традиций и знаний о воде, ведь

«у воды есть разум и память, что она помнит все, что когда-либо случилось в мире – с той самой эпохи, когда человека еще не было и до этого мгновения, оставляющего свой след в ее памяти» (90).

Это запретное истинное знание противопоставляется утилитарному знанию Саньи, антагониста главного героя: «Я думаю не о них (людях прежнего мира. – А. М.), а об их устройствах» (28).

Однако в «Дневнике чайного мастера» происходит типичное для подростковой антиутопии понижение статуса родителей, а акция протеста против оккупации Киана (самосожжение троих молодых людей, о котором рассказы-

вают жители деревни) единичная и проходная для сюжета в целом, поэтому оснований для становления «множественного», «коллективного» героя и тем более поляризации системы персонажей, характерной для «новой» антиутопии конца XX – начала XXI века, нет⁵.

Таким образом, для молодежной антиутопии характерен герой-бунтарь, или герой-воин в типологии героя подростковой литературы П. В. Бобровской [1: 19], который, в отличие от героя взрослой антиутопии, не согласен «потерпеть поражение и снова вернуться к коллективному... (он. – А. М.) все-таки одерживает эту победу, даже если это стоит ему жизни» [6: 140]. Нория действительно умирает. Но при этом цель Нории – выяснить истинные причины глобальной катастрофы, а не выступить против правящего режима и сделать воду общественным достоянием. Хотя в образе Нории отмечаются «внутреннее сопротивление, активность души», характерные, по словам А. Н. Воробьевой, для персонажей современной литературы [2: 258], цель ее несвойственна типу «героя-борца». Норию нельзя однозначно причислить к обычному для young adult антиутопии типу «героя-жертвы», о котором пишет, в частности, В. В. Жилинка [3: 2], [8: 288]. Ее можно назвать жертвой как человека, пострадавшего от неудачи, но не как совершившего самопожертвование («аквапатруль нагрянул в дом в тот день, когда они должны были отправиться в дорогу» (251)).

Оппозиция «свой – чужой» выражена в романе не столько в противопоставлении главного героя коллективу или властям (жителям деревни и военным), сколько в необходимости выбора главной героиней одного из вариантов «мы». «Нам хочется обеспечить тебе безопасную жизнь, но у нас разное мнение о том, какой она должна быть», – объясняют Нории родители (75). Таким образом, Нория поставлена перед выбором способа получения знания – остаться с отцом хранить традиции чайных мастеров или уехать с матерью в университетский город исследовать возможные запасы пресной воды в Утраченных землях.

У читателя создается впечатление, что Нория выбирает путь чайного мастера, оставшись в деревне и пройдя обряд посвящения. Но уже после смерти отца, получив поддельное удостоверение личности для поездки к матери, она снова оказывается перед выбором:

«Да, я могу послушаться маму и поехать в Синджинь или послушаться отца и остаться здесь, стать навсегда хранителем сокровенного источника. Или же я могу поступить по своей воле и выбрать свой путь, не продиктованный ни одним из родителей. Сначала все эти возможности казались мне одинаковыми, но потом одна

из них начала брать верх над другими, склоняя меня в свою сторону» (173–174).

В результате главная героиня пошла своим путем, организовав собственную экспедицию в Утраченные земли. То есть Нориа приходит к осознанию себя как личности, что характерно для подростковой литературы, но при этом ее образ – не типичный для антиутопии бунтарь, идущий против системы.

При кажущемся соблюдении канона подростковой антиутопии можно отметить и другие нетипичные черты:

а) расширение места действия в романе – мнимое. Подготовку переезда к матери в Синджинь Нориа использовала как отвлекающий маневр. Поездка Нории и Саньи в Утраченные земли не состоялась, и Нориа пишет рассказ о произошедшем, находясь в заточении в собственном доме, то есть расширение пространства главного героя происходит только на ментальном уровне;

б) понижение статуса родителей неоднозначно. Хотя исследования матери финансируют военные, она не переходит на их сторону, а только пользуется возможностью исследовать водные запасы Утраченных земель: «Я не на их стороне. Но хочу, чтобы они поверили, что это так» (47). То есть Нориа, принимаясь за поиски записей экспедиции Янсена и подготавливая свою, идет путем матери, а оставшись в деревне с отцом, продолжает семейную традицию чайных мастеров. И хотя мать не может вернуться из-за прерванного железнодорожного сообщения во время беспорядков, она организует для Нории возможность выезда в Синджинь по поддельному удостоверению личности. Таким образом, нельзя утверждать, что родители главной героини являются ее антиподами или бросили ее в какой-то момент на произвол судьбы;

в) альтруизм Нории, делившейся водой с жителями деревни, оказывается по большей части вынужденным:

«Я и без слов понимала, что если не предложить воду ему [Юкара, который поймал девушек у входа в пещеру с источником] и его семье, то в пещере окажутся военные еще до того, как я приду сюда в следующий раз – если такой раз вообще представится» (178).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги исследования, можно сделать следующие выводы:

1) Роман Эмми Итяранта «Дневник чайного мастера» является локальным финским вариантом канонической подростковой антиутопии.

2) Для финской антиутопии действительно характерно рассматривать экологическую катастрофу как общую ответственность человечества, политические институты которого оказываются несостоятельными в выполнении своей задачи – обеспечении безопасности граждан. Несмотря на контроль и исследование водных ресурсов, человечество не в состоянии ни предупредить, ни нивелировать последствия экологической катастрофы, человек может только пережить период разрушения, как и все остальное живое на планете, и именно способность природы к возобновлению дает надежду на будущее.

3) Деятельность главной героини романа Нории направлена не столько на бунт против системы и отказ от игры по правилам правящего режима, сколько на познание себя как личности и осознание мира, в котором она живет.

4) Образ Нории не только нельзя отнести к типу героя-воина, но она даже не является типичным героем подростковой антиутопии, по крайней мере в типологии англоязычной литературы. Это утверждение косвенно подтверждает А. Хелле в исследовании «Дневника чайного мастера» с позиций эмпирической экокритики: «Если произведение интерпретировать как молодежную литературу, как это делают некоторые читатели, возможно, смерть молодого главного героя противоречит ожиданиям» [12: 36].

5) Для главной героини и ее ближайшего окружения в постапокалиптическом мире проблемой оказывается не только отсутствие ресурсов, но закрытость истинного знания о своем мире.

Поиск знания, желание обрести историю, а главное, обратимость экологической катастрофы – отличия финской экологической антиутопии, герой которой не борец, но искатель истины, дающей надежду.

Возможно, желание выяснить истину, свою природу, познать окружающий мир, при этом не идя открыто против системы, является инвариантом социально-политической темы, которая в финской антиутопии реализуется через страх потери безопасности при невозможности контроля социумом экологического развития, но ответ на этот вопрос требует обращения к более масштабному материалу исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Itäranta E. Teemestarin kirja [Электронная книга]. Helsinki: Teos, 2012. При ссылке на роман в круглых скобках указаны страницы по изданию: Итяранта Э. Дневник чайного мастера / Пер. с фин. Е. Богданова. М.: Текст, 2017. 256 с.

- ² Одна из первых финских литературоведов, которые начали изучать жанр антиутопии в литературе Финляндии в рамках исследовательского проекта университета Тампере «Synkistyvät tulevaisuudenkuvat: Dystooppinen fiktio nykykirjallisuudessa» (Мрачные картины будущего: Антиутопия в современной литературе) 2015–2019 гг.
- ³ О работе над романом Э. Итяранта рассказывала в апреле 2021 года на писательской пресс-конференции, организованной кафедрой финно-угорской филологии СПбГУ и центром FILI.
- ⁴ Костенкова В. В. Антиутопия начала XXI века в динамике жанровых трансформаций: Дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2019. С. 40–41.
- ⁵ О «новой антиутопии» см.: Воробьева А. Н. Русская антиутопия XX – начала XXI веков в контексте мировой антиутопии: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2009. С. 9–10.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бобровская П. В. Подростковая литература постсоветского периода // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2022. № 1. С. 16–20 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/philolog/2022/01/2022-01-04.pdf> (дата обращения 08.01.2023).
2. Воробьева А. Н. Новая парадигма персонажных типов в современной литературе // Модернизация культуры: идеи и парадигмы культурных изменений: Материалы Междунар. науч.-практ. конф., Самара, 23–25 мая 2013 года / Под ред. С. В. Соловьевой, В. И. Ионесова. Т. 1. Самара: Самарский гос. ин-т культуры, 2013. С. 256–259 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24139999> (дата обращения 08.06.2023).
3. Жилинка В. В. Эволюция классической системы персонажей в антиутопии А. Старобинец «Живущий» // Научный журнал КубГАУ. 2015. № 112 (08). С. 1–10 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ej.kubagro.ru/2015/08/pdf/62.pdf> (дата обращения 08.01.2023).
4. Игнатова И. В. Отличительные черты молодежной антиутопии как жанра художественной литературы (на примере трилогии С. Коллинз «The Hunger Games») // Российский гуманитарный журнал. 2015. № 6. С. 440–451.
5. Киктева К. С. Методический потенциал англоязычных антиутопий young adult // Вестник МГПУ. Серия: Педагогика и психология. 2020. № 3 (53). С. 76–84. DOI: 10.25688/2076-9121.2020.53.3.07
6. Лекаревич Е. В. Масскульт для подростков: жанр антиутопии // Детские чтения. 2016. № 1 (9). С. 135–151.
7. Солобута Д. С. Антиутопия: эволюция и особенности жанра // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 3 (858). С. 142–149.
8. Черняева Ю. Г. Подростковые антиутопии как новая веха жанра // Культурные тренды современной России: от национальных истоков к культурным инновациям: Сб. материалов X Всерос. науч.-практ. конф. студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых (Белгород, 28 апреля 2022 года). Т. 2. Белгород, 2022. С. 284–288.
9. Шипилова Ю. В., Грунь А. В. Антиутопия: феномен популярности в XXI веке // Евразийское Научное Объединение. 2021. № 3-5 (73). С. 456–459.
10. Шишкина С. Г. Истоки и трансформации жанра литературной антиутопии в XX веке. Иваново, 2009. 230 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://mkl.isuct.ru/e-lib/sites/default/files/inol3102009.pdf> (дата обращения 08.01.2023).
11. Юрьева Л. М. Русская антиутопия в контексте мировой литературы. М.: ИМЛИ РАН, 2005. 320 с.
12. Helle A. “Kuitenkin siellä synkässä maailmassa näkyu myös toivoa”. Emmi Itärannan Teemestarin kirjan lukeminen empiirisen ekokritiikin näkökulmasta // Avain. 2023. Vol. 20, No 2. S. 24–41. DOI: 10.30665/av.124802
13. Isomaa S., Korppu J., Teittinen J. New perspectives on dystopian fiction in literature and other media. Cambridge Scholars Publishing, 2020. 245 p.
14. Isomaa S., Lahtinen T. Kotimaisen nykydystopian monet muodot / (Toim.) S. Isomaa, T. Lahtinen // Pakkovaltiosta ekodystopiaan: Kotimainen nykydystopia. Joutsen: Erikoisjulkaisuja 2. Kotimaisen kirjallisuudentutkimuksen vuosikirja. 2017. S. 7–16 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.doria.fi/handle/10024/143750> (дата обращения 20.06.2023).
15. Lahtinen T. Tarina suuresta vedenpaisumuksesta. Risto Isomäen Sarasvatin hiekkaa ilmastofiktiona / (Toim.) S. Isomaa, T. Lahtinen // Pakkovaltiosta ekodystopiaan: Kotimainen nykydystopia. Joutsen: Erikoisjulkaisuja 2. Kotimaisen kirjallisuudentutkimuksen vuosikirja. 2017. S. 73–87 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.doria.fi/handle/10024/143750> (дата обращения 20.06.2023).
16. Lahtinen T., Grüntal S., Värri V.-M. Kirjallisuus ja lukeminen ympäristökasvatuksessa // Joutsen. Kotimaisen kirjallisuudentutkimuksen vuosikirja. 2022. S. 51–66.
17. Marks P., Vieira F., Wagner-Lawlor D. A. Introduction // The Palgrave handbook of utopian and dystopian literatures. Switzerland, 2022. P. 1–21.
18. Raipola J. Miksi Hotel Sapiens on olemassa? Leena Krohnin romaani postapokalyptisen fiktion lajikonventioiden valossa / (Toim.) S. Isomaa, T. Lahtinen // Pakkovaltiosta ekodystopiaan: Kotimainen nykydystopia. Joutsen: Erikoisjulkaisuja 2. Kotimaisen kirjallisuudentutkimuksen vuosikirja. 2017. S. 88–105 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.doria.fi/handle/10024/143750> (дата обращения 20.06.2023).
19. Samola H. Siniparran bordelli. Dystopian ja sadun lajiyhdistelmät romaaneissa Berenikes hâr, Huorasatu ja Auringon ydin. Tampere: Tampere University Press, 2016. 281 s.

Aleksandra N. Mizonova, Postgraduate Student, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)
 mizonova@yandex.ru

SPECIFIC CHARACTERISTICS OF THE MAIN CHARACTER IN FINNISH YOUNG ADULT DYSTOPIAN LITERATURE

Abstract. The article examines the artistic representation of the protagonist in the popular novel *Memory of Water* (Teemestarin kirja, 2012) by Finnish author Emmi Itäranta in the context of characterizing a typical hero in young adult dystopian literature. It is worth noting that the novel, tailored for an international readership, has been translated into 20 languages, being categorized as young adult fiction in Finland and an environmental dystopia in Russia. The study assesses the distinctive elements of Finnish young adult dystopian subgenre. Through a comparative analysis, it was revealed that Itäranta's novel lacks a rebellious hero, as the problem of mankind lies not in the flaws of the political system, but in the unwillingness and inability to interact with nature and use its resources sustainably. The Finnish iteration of dystopia is characterized by the protagonist's pursuit of truth through unraveling history and an optimistic ending showing the reversibility of the ecological catastrophe.

Keywords: Finnish literature, Emmi Itäranta, dystopia, young adult, literary character

For citation: Mizonova, A. N. Specific characteristics of the main character in Finnish young adult dystopian literature. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(3):60–66. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1025

REFERENCES

- Bobrovskaya, P. V. Young-adult literature of the post-Soviet period. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*. 2022;1:16–20. Available at: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/phylog/2022/01/2022-01-04.pdf> (accessed 08.01.2023). (In Russ.)
- Vorobyeva, A. N. New paradigm of character types in modern literature. *Modernization of culture: ideas and paradigms of cultural change: Proceedings of the International research and practice conference, Samara, May 23–25, 2013*. Samara, 2013. P. 256–259. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24139999> (accessed 08.06.2023). (In Russ.)
- Zhilinka, V. V. Evolution of the classical system of characters in the dystopia *Living* by Anna Starobinets. *Scientific Journal of KubSAU*. 2015;112(08):1–10. (In Russ.)
- Ignatova, I. V. Specific features of young adult anti-utopia as a genre of fiction (on the material of S. Collins's trilogy "The Hunger Games"). *The Liberal Arts in Russia*. 2015;6:440–451. (In Russ.)
- Kikteva, K. S. Educational value of English-language young adult dystopias. *MCU Journal of Pedagogy and Psychology*. 2020;3(53):76–84. DOI: 10.25688/2076-9121.2020.53.3.07 (In Russ.)
- Lekarevich, E. V. Mass culture for teenagers: the genre of dystopia. *Children's Readings*. 2016;1(9):135–151. (In Russ.)
- Solobuto, D. S. Dystopia: evolution and specific features of the genre. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*. 2022;3(858):142–149. (In Russ.)
- Chernyaeva, Yu. G. Teenage dystopias as a new milestone of the genre. *Cultural trends of modern Russia: from national origins to cultural innovations: Proceedings of the X All-Russian research and practice conference of students, undergraduates, graduate students and young researchers (Belgorod, 28 April 2022)*. Vol. 2. Belgorod, 2022. P. 284–288. (In Russ.)
- Shipilova, Yu. V., Grun, A. V. Anti-utopia: the phenomenon of popularity in the XXI century. *Eurasian Scientific Association*. 2021;3-5(73):456–459. (In Russ.)
- Shishkina, S. G. Origins and transformations of the literary dystopia genre in the twentieth century. Ivanovo, 2009. 230 p. Available at: <https://mkl.isuct.ru/e-lib/sites/default/files/ino13102009.pdf> (accessed 08.01.2023). (In Russ.)
- Yuryeva, L. M. Russian dystopia in the context of world literature. Moscow, 2005. 320 p. (In Russ.)
- Helle, A. "Kuitenkin siellä synkässä maailmassa näkyy myös toivoa". Emmi Itäranta Teemestarin kirjan lukeminen empiirisen ekokritiikin näkökulmasta. *Avain*. 2023;20(2):24–41. DOI: 10.30665/av.124802
- Isomaa, S., Korpua, J., Teittinen, J. New perspectives on dystopian fiction in literature and other media. Cambridge Scholars Publishing, 2020. 245 p.
- Isomaa, S., Lahtinen, T. Kotimaisen nykydystopian monet muodot. *Joutsen: Erikoisjulkaisuja 2*. 2017:7–16. Available at: <http://www.doria.fi/handle/10024/143750> (accessed 20.06.2023).
- Lahtinen, T. Tarina suuresta vedenpaisumuksesta. Risto Isomäen Sarasvatin hiekkaa ilmastofiktiona. *Joutsen: Erikoisjulkaisuja 2*. 2017:73–87. Available at: <http://www.doria.fi/handle/10024/143750> (accessed 20.06.2023).
- Lahtinen, T., Grüntal, S., Värri, V.-M. Kirjallisuus ja lukeminen ympäristökasvatuksessa. *Joutsen*. 2022:51–66.
- Marks, P., Vieira, F., Wagner-Lawlor, D. A. Introduction. *The Palgrave handbook of utopian and dystopian literatures*. Switzerland, 2022. P. 1–21.
- Raipola, J. Miksi Hotel Sapiens on olemassa? Leena Krohnin romaani postapokalyptisen fiktion lajikonventioiden valossa. *Joutsen: Erikoisjulkaisuja 2*. 2017:88–105. Available at: <http://www.doria.fi/handle/10024/143750> (accessed 20.06.2023).
- Samola, H. Siniparran bordelli. Dystopian ja sadun lajiyhdistelmät romaaneissa Berenikes hår, Huorasatu ja Auringon ydin. Tampere, 2016. 281 s.

Received: 10 August 2023; accepted: 31 January 2024

ИОЛАНТА ВЛАДИМИРОВНА СУХОЦКАЯ

магистрант Института филологии
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
iolantius@gmail.com

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА ЛОЙТЕР

доктор филологических наук, профессор, независимый
исследователь
(Петрозаводск, Российская Федерация)
sofia5@sampo.ru

КАРЕЛЬСКАЯ НАРОДНАЯ СКАЗКА «ЦАРЬ ДАВИД»: К ВОПРОСУ О ЖАНРОВОЙ ТРАДИЦИОННОСТИ И ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация. Впервые анализируется карельская народная сказка «Царь Давид», записанная в 1939 году в Сегежском районе Карелии на карельском языке. Исследуется русский перевод сказки «Царь Давид»: структура, представляющая собой сложную контаминацию трех сюжетов (300А, 301А и 551), основные герои и их функции, традиционные формулы, троекратность действия, предметы, свойственные карельскому быту. Таким образом, изучен редкий для северной Карелии пример оригинальной сказки с переработанными и дополненными современными исполнителем реалиями. Сопоставления с русской сказкой позволяют определить этнические черты, взаимовлияния разных культур, что подтверждает миграцию мотивов, но в то же время удается подчеркнуть уникальность сказки «Царь Давид». Исследование базируется на документах Научного архива Карельского научного центра РАН. В работе использованы методы целостной интерпретации, структурного, компонентного и компаративного анализа, позволяющие сделать выводы о глубоком знакомстве рассказчицы с фольклорной традицией.

Ключевые слова: карельская народная сказка, сюжет, мотив, национальные особенности, волшебная сказка, контаминация, традиционные формулы, указатель сюжетов, Научный архив КарНЦ РАН, К. И. Ананина

Благодарности. Исследование проведено в рамках реализации Программы поддержки НИОКР студентов, аспирантов и лиц, имеющих ученую степень, финансируемой Правительством Республики Карелия.

Для цитирования: Сухоцкая И. В., Лойтер С. М. Карельская народная сказка «Царь Давид»: к вопросу о жанровой традиционности и идентичности // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 3. С. 67–75. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1026

ВВЕДЕНИЕ

В науке укоренилось убеждение в том, что народное творчество, народная словесность Карелии – ее главное духовное и художественное наследие, а Карелия (бывшая Олонецкая губерния) – уникальный регион, народная культура которого отражает взаимодействие нескольких этнических языковых традиций. Действительно, трудно назвать другое место в России, где бы на небольшой территории в столь концентрированном виде существовало столько памятников народной культуры такого уровня и масштаба, как русская былина и руны, составившие «Калевалу», русские, карельские, вепские причитания и сказки [7: 660]. Богатство материала позволяет говорить о Карелии «не только как стране былин, но и стране сказок» (М. К. Азадовский) [1: 24]. Отметим, что карельская сказка в ее фундамен-

тальных изданиях была изучена раньше, уже в 60-е годы XX века. Так, в 1965 году была опубликована монография сказковеда, ставшего впоследствии известным ученым-фольклористом, Унелмы Семеновны Конкка (1921–2011) «Карельская сатирическая сказка», основой которой стала диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. В 1974 году было защищено кандидатское исследование Н. Ф. Онегиной «Русско-карельские фольклорные связи (Поэтика волшебной сказки)»¹.

Важным событием в истории изучения карельской сказки стал выход в 1963 году первого тома двухтомного академического издания «Карельские народные сказки», которое было подготовлено У. С. Конкка². Спустя четыре года в ленинградском отделении издательства «Наука» увидел свет второй том – «Карельские народ-

ные сказки: южная Карелия». Над изданием работали У. С. Конкка и А. С. Тупицына³. Материалом для двухтомника стали сказки, находящиеся в архиве Карельского филиала АН СССР (сейчас Карельский научный центр Российской академии наук)⁴. Каждый текст в обоих томах «Карельских народных сказок» представлен на карельском и русском языках и сопровождается краткими примечаниями, в которых приведены особенности сюжета и его обозначение в «Указателе сказочных сюжетов по системе Аарне» [2]. В первый том были отобраны 80 сказок, записанных в северной Карелии. Во второй том вошел 91 текст, зафиксированный на территории южной Карелии.

Во вступительной статье к первому тому «О собирании и некоторых особенностях карельских сказок» У. С. Конкка описала историю сказковедения в Карелии, охарактеризовала три вида карельских сказок: волшебные, сказки о животных и бытовые сказки. Подробнее она остановилась на волшебных сказках. Отдельно выделила ряд особенностей семиперсонажной схемы и акцентировала внимание на уникальных героях карельской волшебной сказки: Сюоятар, Тухкимус, лесная старуха, старая вдова. Так в сборнике соединился теоретический материал и тексты.

Несмотря на очевидное научное внимание к региональному фольклору, карельские сказки редко становятся объектом исследований в последнее время. Отдельным сказочным сюжетам посвящена статья Т. Ю. Хэмлет «Карельская народная сказка “Девять золотых сыновей”» [17]. В работах Е. В. Каракина и Т. В. Пашковой «Синантропные насекомые в карельской народной традиции» [6] и Л. И. Ивановой «Особенности фольклорной традиции карельского Сегозерья в XIX–XXI вв.» [5] сказочные сюжеты рассматриваются частично. Более подробно исследуются русские сказки Карелии (см., напр.: А. С. Лызлова «Художественное своеобразие сказок про Ерша, записанных в Карелии») [8].

Материалом для данной статьи стал текст, представленный в первом томе «Карельских народных сказок» под номером 39, – сказка «*Čar' Davida*» («Царь Давид»). Она привлекла наше внимание необычным названием и большим объемом. Сказка «Царь Давид» была записана в 1939 году от жительницы села Кимасозеро Тикшинского с/с Сегежского района К. И. Ананиной, которой на тот момент был 61 год⁵. Запись сказки принадлежит собирательнице П. Куйкка, которая записала от К. И. Ананиной три волшебные сказки. В «Сюжетно-географическом каталогизированном указателе карельских сказок архива КарНЦ РАН по Северной Карелии», опубликованном в послесловии к сборнику «Карельские народные сказки.

Репертуар Марии Ивановны Михеевой» (2010), отсутствует упоминание К. И. Ананиной, но встречается упоминание А. И. Ананиной из села Кимасозеро, которой в 1939 году был 61 год⁶. Архивные данные КарНЦ РАН позволяют сделать вывод о том, что, вероятно, в издании 2010 года была допущена опечатка. Из научного же архива КарНЦ мы получили о текстах сведения, которых нет в сборниках сказок. Варианты сказки «Царь Давид» были обнаружены в Кемском районе в 1939 году от рассказчицы Е. Т. Фадеевой, 50 лет (малограмотная, знает 10–15 сказок, название «*Tuhkimus*» (Тухкимус), записал А. Г. Данилов)⁷, Калевальском (название «Царь и три сына», записана от известной сказительницы и рунопевца М. А. Ремшу)⁸ районе, находящихся недалеко от места записи, и, кроме того, в Пряжинском (название «*Ванху сцари да колме пойсуа*», записана от С. И. Иванова, 79 лет, записала Белова)⁹ и Олонецком («*Taatto da kolme vellesty*», записана в 1936 году от П. С. Галактионова, 9 лет, сказку услышал от сестры, которая знала ее от стариков, записала Галактионова)¹⁰ районах, относящихся к югу республики. Иными словами, в сборнике зафиксировано существование пяти вариантов текста, распространенных в разных частях Карелии (512), но ни в одном из них не встречается имя Давид, не во всех текстах представлена сложная контаминация, часть вариантов отличается небольшим объемом.

Сказка «Царь Давид» получила следующий комментарий У. С. Конкка:

«Публикуемый вариант представляет довольно редкий в северной Карелии случай развернутого повествования с контаминацией нескольких сюжетов. В сказке строго выдержана троекратность действия, хорошо сохранился диалог героя с лесной старухой-дарительницей и змеем. Формулы-обращения в таком оформлении характерны для северокарельских сказок на соответствующие сюжеты» (512).

Исследователь выделяет такую особенность: развернутое повествование и контаминацию трех сюжетов. Кроме того, У. С. Конкка обращает внимание на строгую троекратность действия и диалоги с дарителем и вредителем. Реплики героев при этом представляют собой традиционные карельские варианты.

В зачине рассказывается история царя Давида, долголетие которого обеспечивает живая вода:

«*Oli ennen čar' Davida. Hiän kävi saharnoissa muašša nuoristumah, šieilä elävyä vettä juomah*» (Был раньше царь Давид. Он ходил в сахарную землю омолаживаться, туда живую воду пить¹¹) (245 (256)).

Однако царь перестал уезжать из дома в связи с рождением детей. Два старших царевича, увидев, что отец состарился, один за другим

отправляются в путь. Спустя некоторое время Николай-царевич, младший из трех сыновей Давида, едет искать своих братьев и живую воду для отца. Получая воду, он бесчестит цареву дочь. После этого борется со змеем и его женой, освобождая трех девушек – дочерей змея. Затем спасает братьев из плена девушки, заманивавшей путников к себе. Когда Николай-царевич засыпает, братья сбрасывают его в море. Главного героя спасает царева дочь, которую он, в свою очередь, освобождает от трехголового, шестиголового и девятиголового змеев. Незнанный Николай-царевич возвращается домой. За ним приплывает царева дочь с двумя сыновьями, он уплывает.

КОНТАМИНАЦИЯ СЮЖЕТОВ

Еще У. С. Конкка в своей статье назвала сюжеты, обозначенные в указателе сказочных сюжетов Аарне – Андреева 1929 года и образующие сказку «Давид»: 300А, 301А и 551 [2]. Обращение к подобному изданию – свидетельство того, что карельская сказка сравнивается с русской. Одним из преобладающих сюжетов сказки «Царь Давид» оказывается «551 – Молодильные яблоки». Сюжет «Молодильные яблоки» широко распространен в русской и мировой традиции, встречается в том числе и международном указателе сюжетов Аарне – Томпсона – Утера (ATU) под следующим заглавием: «551 Water of Life (previously The Sons on a Quest for a Wonderful Remedy for their Father)» (Живая вода, ранее – сыновья в поисках чудесного средства для своего отца¹²) [18: 320]. Именно он служит основой сказки. Однако в «Царе Давиде» отсутствует странник, роль дарителя играют старухи – родственницы отца Николая-царевича. Братья сбрасывают младшего в море, но не забирают живую воду, оставляя ее герою. Кроме того, в карельской сказке присутствует мотив мести приплывшей царевны и детей Николая-царевича братьям, совершившим предательство. Два сына главного героя отрубают пальцы дядям, подобная жестокость могла отражать время, когда была записана сказка, – 1939 год.

Интересно замечание Е. М. Мелетинского:

«В русских вариантах сюжета о живой воде встречается интересный вставной эпизод о том, как старшие братья попадают к “демонической” девице Дуне или “Ирине-мягкой перине”, которая сбрасывает их в погреб, а младший брат освобождает старших. Этот эпизод подчеркивает благородство младшего, его заботу о семейных интересах, контрастирующие с эгоизмом и предательством старших братьев» [9: 122].

В сказке «Царь Давид» подобный вставной эпизод тоже имеет свое место и реализуется так: старшие братья попадают в плен к безымянной девушке, называющей себя дочерью царя, из подвала которой их спасает Николай-царевич. В тек-

сте уточнено количество путников, пострадавших от обмана: «niitä on jo šata kolmekymmentä mieštä» (их там уже сто тридцать человек) (251 (262)). Главный герой получает от девушки подписку с обещанием больше так не поступать. Это вкрапление появилось в фольклорном тексте как реакция на изменившуюся реальность и стало «не только проявлением индивидуальных склонностей отдельных сказочников, но и характерной чертой современной волшебной сказки как таковой» [11: 22]. Изменение течения жизни не могло не повлиять на сказку. С другой стороны, как отмечает Э. В. Померанцева, рассматривая русскую сказку: «новая действительность <...> не создает новых фольклорных сюжетов и образов» [12: 203]. Действительно, получение Николаем-царевичем подписки от девушки никак не влияет ни на ход событий, ни на героев. Этот элемент может быть связан с распространением деловой речи, изначально несвойственной сказке.

Еще одним современным вкраплением стало упоминание девятого этажа. Чтобы добыть живую воду, Николай-царевич проникает в царский терем, куда попадает с помощью волшебного помощника. Горница царевой дочери и бутылки с живой и мертвой водой находятся на девятом этаже. Подобное упоминание многоэтажного здания в тексте сказки также не влияет на сюжет и может быть заменено на другое число. Тем не менее выбор цифры девять не случаен: она представляет собой утроение числа три – важнейшего сказочного атрибута.

Другой сюжет, встречающийся в «Царе Давиде», обозначен как «301А, В – Три царства: золотое, серебряное и медное». Он является распространенным у многих народов и находит свое отражение в международном указателе Аарне – Томпсона – Утера под номером 301 «The Three Stolen Princesses» (Три похищенные принцессы) [18: 176]. Однако реализация этого сюжета отличается от указанного в СУС. Николай-царевич видит распутье:

«yhteh stolppah on kirjutettu, jotta elävyä vettä, toiseh, jotta zmejan kera pellošša toruamah, a kolmanteh, jotta neičyöñ kera muate» (на одном столбе написано, что за живой водой ехать, на другом, что со змеем в поле биться, а на третьем, что с девушкой спать) (245 (256)).

В сказке «Царь Давид» отсутствует исчезновение царевны. Победив змея, герой попадает под землю в медный, серебряный и золотой дворцы. В этих дворцах его начинают называть Микола-царевич или просто Микола (вариант имени Николай). После этого происходит сражение с женой змея и победа с помощью советов дочери старухи. С третьей царевной, живущей

в золотом дворце, главный герой обменивается кольцами. Николай-царевич спасает трех царевен в трех дворцах и сам поднимается наверх. В тексте строго соблюдается принцип троекратности. Предательства братьев, описанного в СУС, не происходит, потому что они еще не спасены.

В сказке «Царь Давид», таким образом, нашли отражение три царства, борьба с женой змея и освобождение царевны. Е. М. Мелетинский прокомментировал так присутствие этих мотивов:

«В русской сказке о трех царствах герой может быть чудесного происхождения, но чаще это младший сын Иван-царевич. Если сказка включает мотив братьев, она по композиции уподобляется сказке о поисках живой воды для больного отца» [9: 122–123].

В анализируемом тексте происходит контаминация этих сюжетов в один, в котором в качестве зачина оказывается нехватка живой воды для старого отца, а посещение трех царств является частью победы над змеем, следованием Николаем-царевичем пути, который он выбрал на распутье.

Мотив предательства братьев, как мы уже писали, находит свое место в «Царе Давиде». Э. В. Померанцева, характеризуя этот мотив в русской сказочной традиции, отмечает: «...самый напряженный момент в сказках о трех царствах – измена братьев или спутников героя, обрекающая его на гибель» [12: 62]. В сказке «Царь Давид» братья сами не убивают Николая-царевича, но сбрасывают его в море:

«A emmä tapa, – šanou toini velli, – šitokka kiät puuhu kiini ta lykäkää mereh. Šinne hiän iče kuolou» (Не будем убивать, – говорит другой брат, – а привяжем его к бревну и бросим в море. Там он сам умрет) (252 (263)).

Соответственно, этот мотив полностью реализован в карельской сказке.

Третий сюжет сказки определен У. С. Конкка как «300А – Победитель змея (освобождение царевны)». В «Царе Давиде» он воплощен следующим образом. Братья, освобожденные из плена Николаем-царевичем, выбрасывают героя в море. Приплыв на берег, он узнает, что цареву дочь хотят отдать на съедение трехголовому змею. Старая вдова помогает Николаю-царевичу, и он побеждает трехголового, шестиголового и девятиголового змеев. Данный сюжет находит соответствие в международном указателе сюжетов Аарне – Томпсона – Утера и представлен под заглавием «300 The Dragon-Slayer» (Дракоборец) [18: 174].

Интересна природа змеев в сказке. Они выходят из моря и являются *вредителями*. Перед выходом змеев море «Alkau meri lainehtie. Kerran tuli vetenä, toizen lumena, kolmannen tulena» (Первый раз всколыхнулось водой, второй раз снегом, в третий раз огнем) (252 (264)). По мне-

нию В. Я. Проппа, «водная природа змея исконно присуща ему» [14: 258]. Появление змеев из моря логично их природе, связанной с этой стихией. Такая связь с водой находит отражение в античной Греции, в частности, в образе Гидры (Лернейского змея). В сказке встречается упоминание огня, объясненное В. Я. Проппом так: во многих культурах происходит перенос змея из воды на небо, где он получает связь с миром мертвых. В тот момент «огненным становится и озеро, огненным становится и сам змей» [14: 267]. Однако упоминание снега в связи со змеем не является частотным. Подобная деталь может быть объяснена географическим положением Карелии, где зима начинается в октябре – ноябре и заканчивается в апреле. Упоминание моря характерно для сказочной традиции в целом, поскольку «водоем является областью потусторонней и хтонической» [10: 21], это враждебный главному герою мир.

Волнение моря характерно для появления антагониста. В. Е. Добровольская, описывая предметные реалии русской волшебной сказки, уточняет:

«С изменением погоды связано прежде всего появление змея (СУС-300А и СУС-301), приближение которого сопровождается волной, ветром (вариант: ураганом)...» [4: 87].

Образ змея в карельской сказке традиционен и схож с русским вариантом.

Таким образом, карельская сказка «Царь Давид» объединяет в себе три сюжета, создающих непростое переплетение, для которого характерно присутствие нескольких персонажей, являющихся царевыми дочерьми. Более того, контаминация сюжетов, скорее всего, повлияла и на то, что в сказке не упоминается передача живой воды от Николая-царевича отцу. Изначальное задание, нехватка, не восполняется героем. Н. М. Ведерникова, характеризуя объединение сюжетов в русской сказке, подводит итог: «Контаминация – сложный художественный прием, владеть которым могут лишь сказочники-мастера с большим репертуаром» [3: 27]. Значит, можно сделать вывод, что К. И. Ананина – опытная рассказчица, знающая фольклорную традицию.

Объемная сказка «Царь Давид» состоит не только из традиционных сюжетов, К. И. Ананина добавляет в текст необычные мотивы, органично переплетая их. Так, появление героя на острове обычно не присутствует ни в одном из трех приведенных сюжетов, однако сложная структура сказки позволяет включить это путешествие в текст. Остров традиционно ассоциируется с чем-то желанным, связан с недостачей. В сказке «Царь Давид» Николай-царевич,

перепрыгнув через море с помощью волшебного помощника – лошади, попадает на остров, где «heinä kultani kašvau, okšat puissa kultaset» (золотая трава растет, ветки на деревьях золотые) (248 (259)). Упоминание золота в связи с тридцатым государством в русской сказке (в карельском тексте оно не называется) определено В. Я. Проппом как типичное представление иного царства [14: 285]. Но этот остров не становится целью пути главного героя. Переночевав, Николай-царевич с лошадей снова перепрыгивают через море и достигают своей цели – попадают на остров, где хранится живая вода. Царство, в котором оказывается герой, обнесено стеклянной стеной, внутри ее расположен царский дворец с колодезем. В тексте сказки нет указания на его островной характер, но оно точно не находится ни под водой, ни под землей. В этом царстве не упоминается золото, лишь отмечено обилие царского стола, что в реалиях времени, когда сказка была записана, оказывается более ценным. Иными словами, в «Царе Давиде» островной характер заповедного носит место, не играющее такую важную роль в развитии сюжета, а царство с живой водой изображено менее традиционно.

Кроме того, в тексте сказки встречается мотив прощания с луной и солнцем. После победы над змеем и перед сражением с женой змея Николай-царевич обменивается кольцами и получает совет от царевны, живущей в золотом дворце. Она подсказывает герою, что победить старуху можно, попросив попрощаться с луной и солнцем. Этот мотив глубоко мифологичен. Одним из самых эмоциональных эпизодов «Слова о полку Игореве», известного памятника древнерусской литературы, является плач Ярославны, в котором героиня обращается к ветру – «О вѣтре вѣтрило!», Днепру – «О Днепре Словутицю!» и солнцу – «Свѣтлое и тресвѣтлое слынце!»¹³. Подобная просьба не свойственна фольклорной сказке и скорее связана с традицией песенной. В отличие от сказки литературной, например, в «Сказке о мертвой царевне и о семи богатырях» А. С. Пушкина королевич Елисей обращается с просьбой к солнцу, месяцу, ветру:

«Ветер, ветер! Ты могуч,
Ты гоняешь стаи туч,
Ты волнуешь сине море,
Всюду веешь на просторе»¹⁴.

Вероятно, сказительнице была знакома пушкинская сказка.

В «Царе Давиде» присутствует мотив искания в голове, который встречается во многих карельских и русских сказках¹⁵. Ищет в голове Николая-царевича его невеста, после чего герой засыпает, а братья решают бросить его в море: «Käšköy

Mikola piätä eččie moržiemellah, šiihi ni uinuou bohaterskoih uneh» (Микола велит невесте поискать в голове, тут и засыпает богатырским сном) (251 (263)). Следующее появление мотива в тексте предшествует борьбе со змеем, выходящим из моря, чтобы забрать царевну. Трижды герой просит царскую дочь поискать у него в голове, после чего побеждает трехголового, шестиголового и девятиголового змея. Эта просьба может быть связана с проблемой педикулеза, распространенного тогда в северных регионах.

В 1967 году румынский ученый Н. Рошияну проанализировал материал сказок разных народов и пришел к выводу о том, что в сказочных текстах «особое место занимают общие места в высочайшей степени стереотипные, которые часто приобретают характер стабильных словесных формул» [16: 9]. Ученый выделил инициальные, медиальные и финальные формулы. Фольклорист И. А. Разумова продолжила разработку темы и определила три важнейших признака loci communes: стабильность, устойчивость и единство заключенного смысла [15: 17].

Карельская сказка «Царь Давид» избобилует формулами. Так, текст начинается простой инициальной формулой «был раньше» – одной из самых распространенных в фольклоре. В русской сказке наиболее частотным вариантом являются «живало-бывало», «жил-был», «жили-были» [16: 33]. К медиальным в сказке «Царь Давид» относится распространенная в русских волшебных сказках формула «долго ли, коротко ли», характеризующая путь, в нашем случае – путь старшего брата. К формулам, встречающимся в тексте сказки неоднократно, относится несовершенная и совершенная формы одних глаголов: девушка, желая заманить старших братьев в подвал, «кормит-поит» героев, а «накормила-напоила» Николая-царевича тетка-дарительница. Герой три раза посещает дарительниц, три раза обращается к избушке: «Избушка-избушка, повернись-остановись, путнику заночевать, озябшему обогреться, уставшему отдохнуть». В русской сказке распространен вариант «Избушка-избушка, повернись к нам передом, к лесу задом; нам в тебя лезти, хлеба-соли ести» [16: 121]. В избе трижды тетки говорят герою: «Хух-хух, пришла-таки русская кровь, чтобы мне поесть-попить». На острове лошадь ест «золотую траву, серебряную мураву». Перед сражением со змеем Николай-царевич видит поле, на котором «черным-черно народу полегло». После победы над змеем царь устраивает «пиры-балы». Финальная формула сказки – «да и сказка кончилась». В ней не раскрывается присутствие рассказчика, но и «Царь Давид», в свою очередь, заканчивается не царским пиром, а отъездом главного героя.

Многочисленные инициальные, медиальные и финальные формулы в сказке «Царь Давид», являющиеся вариантами традиционных формул волшебных сказок, подтверждают то, что сказчица владела сказочным языком.

ПРЕДМЕТЫ

В тексте сказки «Царь Давид» встречаются предметы, соответствующие реалиям местного быта и представляющие собой карельские варианты русских вещей. Так, старшие братья Николая-царевича по очереди попадают в погреб к девушке, в котором уже находятся другие путники. Они говорят Ивану-царевичу: «Ohoh, ruutuit ni šie tänne, tiälä šuat kyllähti märkyä kagrua šuvvä» (Ох-ох, попался и ты, вдоволь сырого овса наешься) (246 (256)). Овес относится к традиционным злакам, выращиваемым в Карелии, поэтому его упоминание можно отнести к культурным вкраплениям в сказку.

К предметным реалиям относятся три, шесть и девять куделей (волокно для прядения) шерсти, которые Николай-царевич получает от вдовы: «Niän ottau hivou miekkah, luöy ne kaikki kuožalit roikki...» (Он наточил своей меч, одним ударом рассек все те кудели...) (252 (263)). Число куделей соответствует количеству голов змея, с которым герою предстоит сразиться. Перед боем Николай-царевич мечом рассекает шерсть, причем ход подготовки к бою служит предсказанием будущего сражения: в третий раз герой не смог рассечь все девять куделей одним ударом. Подобное произошло и при битве со змеем. Упоминание куделей встречается и в другом тексте сборника «Карельские народные сказки» – «Rosvo-kliimon starina» (Сказке о воре Клиймо) (404).

Превращение покоев в золотое яичко с помощью шелкового платка несвойственно русской сказке, это особенность карельского текста. Подобная трансформация встречается в сказке трижды и связана с подземным миром и его царевнами. При этом в русских сказках сюжета 301 встречается упоминание яйца как содержащего внутри дворец или царство, однако превращение дворца в яйцо с помощью дополнительно предмета не происходит.

В конце сказки Николай-царевич, вернувшись домой, просит солдат купить «gokosinua kolme värččie, kolme šieklua ta kolmet luarottimet» (три рогожих куля, три решета и три пары лаптей) (255 (266)). Эти предметы помогают герою прийти во дворец незнанным и увидеть отца с матерью, поскольку он одет в рогожу, на голове у него находится решето, а на ногах – лапти. Такой выбор предметов должен помочь главному герою, с одной стороны, тайно проникнуть домой и, с другой стороны, вы-

полнить функцию скомороха: «...lähettih čuarih päyttelöroäh» (...идут к царю представлять [скоморошить]) (255 (266)).

Таким образом, целый ряд предметных реалий карельской сказки отличается от русских, но выполняет те же функции. Однако в тексте присутствуют и уникальные предметы – превращенные в золотое яйцо покои.

ОБРАЗЫ ЦАРЯ ДАВИДА И ТУХКИМУСА

Необычно уже само название сказки «Царь Давид». Имя Давид не является исконно карельским. Оно библейского, древнееврейского происхождения, означает «любимый», «любимец». Царь Давид является известным библейским правителем. Библейская энциклопедия описывает его так:

«Всегда преданный Богу и покровительствуемый Богом, Давид привел вверенное ему царство в самое цветущее состояние, утвердил его единство, расширил его пределы, от Египта до Ливана, и от Евфрата до Средиземного моря, оградил его безопасность от внешних врагов, возвысил внутреннее его благоустройство и пр.»¹⁶.

По мнению Э. В. Померанцевой, как правило, «образ царя в сказке не несет в себе исторических черт, не выражает истинного отношения народа к царю и царской власти» [12: 60]. И в данном случае упоминание Давида как исторической персоны, послужившей названием сказки, не связано с ситуацией в государстве. В тексте сказки царь Давид едет в сахарную землю, а сахарная земля в сознании народа и конкретной рассказчицы олицетворяет дальнюю сторону, обетованную землю. Использование данного имени говорит о знании рассказчицей христианской традиции, знакомстве с Библией. Кстати, имя Давида упоминается в сказке всего трижды – в зачине, установлении родства с дарительницами и концовке¹⁷.

Главным героем сказки выступает Николай-царевич. После победы над змеем, когда он попадает в подземный мир, в тексте начинает преобладать имя Микола-царевич или Микола. Он Тухкимус, младший брат:

«Nikolai-čarejevič še oli pahin poika tuatolla ta muamolla. Häntä ei šuvaittu koissa, Tuhkimus-Tähkimyš oli, kiukuanperissä tuhkien kera» (Николай-царевич, тот самый плохой сын у отца и матери. Его дома не любили, потому что был Тухкимус-Тяхкимус, на печи в золе сидел) (246 (257)).

Этимология имени связана с карельским словом tukha – зола. Как правило, герой изображается лежащим на печи. Этимологически образ близок русскому Ивану Запечнику, относящемуся к типу «иронического удачника», описанному Е. М. Мелетинским [9: 194]. Однако функции запечника и дурачка не соответствуют функциям главного героя сказки «Царь Давид». Согласно общей классификации В. Я. Проппа,

Николай-царевич в этой сказке представляет собой тип героя-искателя, потому что он отправляется «избыть чужую беду» [13: 204]. Примечательно, что старшего брата зовут Иван-царевич, но главным героем является не он. Упоминание имени Ивана встречается в начале сказки, именно он первым едет на поиски живой воды и попадает в плен. После этого Иван упоминается просто как брат, по своей функции.

Препятствия, мешающие восполнению недостачи, главный герой способен преодолеть лишь при помощи других персонажей. Рассмотрим сказку «Царь Давид» в рамках семиперсонажной схемы В. Я. Проппа. Так, *дарителями* служат три старухи-родственницы Николая-царевича и старая вдова, которая «играет ту же роль, что и бабушка-задворенка в русских сказках, но в сюжетах о невинно гонимых ей принадлежит особое место <...> эти два образа в карельских сказках разграничены» (27). Несмотря на общую функцию данных образов, обращение героя к дарителям кардинально отличается.

Встреча главного героя со старухами-дарителями начинается ругательной фразой:

«Oho šie, huora-kurva, – šanou Nikolai-čarejevič, – šöisit matkamiehen šittöneh-kusineh, hikineh, väkineh» (Ох ты, б..., курва; – говорит Николай-царевич, – готова съесть путника с г.... с потом и силой; лучше бы накормила-напоила путника, попарила бы в бане, так самой было бы лучше мягкое есть) (247 (258)).

Дарители отличаются и тем, что старухи-родственницы с большим носом отмечают запах Николая-царевича традиционной репликой о русском духе. Живут родственницы в домах, которые на петушиной пятке вертятся, описание этих изб – карельский вариант мотива избушки на курьих ножках. Эти героини связаны с Бабой-ягой, однако важной особенностью служит наличие у дарительниц мужей и брата: «Итак, яга снабжена всеми признаками материнства. Но вместе с тем она не знает брачной жизни. Она всегда старуха, причём старуха безмужняя...» [14: 200].

Встреча главного героя со старой вдовой начинается просьбой: «Anna, akkazen, šuvvâ ta ota elämäh» (Накорми меня, бабушка, и возьми к себе жить) (251 (263)). Знакомство персонажей не сопровождается указанием

на чуждость главного героя. Более того, царь приглашает дарительницу на пир и с ее помощью узнает о Николае-царевиче. У. С. Конкка отмечает, что в обращении к родственницам герой обычно использует сниженную лексику и ругательства. В приведенном тексте к старой вдове герой обращается, используя слово «бабушка», несмотря на отсутствие прямых родственных связей, в отличие от сестер своего отца Давида (263). Таким образом, в данном тексте старая вдова не связана с миром мертвых, а старухи-родственницы представляют собой традиционный образ Яги, воплощенный в трех личностях.

В качестве *волшебного помощника* в сказке выступает говорящая лошадь, которую главному герою дает третья старуха-родственница. Особенностью этого персонажа служит описание ее шерстинок: золотой, серебряной и третьей, цвета которой «kolmannel ei ni sviettu» (и назвать нельзя) (246 (257)). Это вкрапление выражает необычный характер помощника: золото и серебро – редкие металлы, но еще более редкое то, что невозможно определить.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Царь Давид» представляет собой редкий для северной Карелии пример сказки сложной структуры и большого объема. По целому ряду признаков она нехарактерна для карельской сказочной традиции, так как «наиболее распространены и самобытны у карел такие сюжеты, в центре которых стоит не мужчина-герой (как, например, в русских сказках), а женщина-героиня» (19). В анализируемом тексте контаминируются три традиционных сюжета русской волшебной сказки, обилие утроений, ряд дополнительных мотивов и вставных эпизодов, которые в фольклоре, по мнению В. Я. Проппа, являются «признаком большой древности» [13: 226]. Несомненно, что сложные контаминации возникли в карельской традиции под влиянием соседствующей русской традиции. Тем не менее сказка «Царь Давид» – оригинальная карельская сказка с целым рядом мотивов, трансформированных, переработанных и дополненных современными сказочными реалиями, что позволяет говорить о миграции мировых мотивов и взаимовлиянии разных этнических культур.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Этапы истории изучения сказок в Карелии освещены, например, в статьях А. С. Лызловой «Об истории сказковедения в Карелии: деятельность Н. Ф. Онегиной» и Э. А. Степановой «Александра Степановна Степанова (к 80-летию со дня рождения)».

² Карельские народные сказки / Сост. У. С. Конкка; Общ. ред. В. Я. Евсеева; Ред. А. А. Беляков и Г. Н. Макаров. М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. 530 с. Далее цитируется по этому изданию с указанием в круглых скобках страницы.

³ Карельские народные сказки: Южная Карелия / Изд. подгот. У. С. Конкка, А. С. Тупицына; Общ. ред. В. Я. Евсеева; Ред. А. А. Беляков и Г. Н. Макаров. Л.: Наука, 1967. 522 с.

- ⁴ Научный архив Карельского научного центра РАН (НА КарНЦ РАН): фольклорный фонд / Ф. № 1, оп. 2.
- ⁵ НА КарНЦ РАН. Ф. № 1, оп. 2, колл. 50, ед. хр. 1.
- ⁶ Карельские народные сказки. Репертуар Марии Ивановны Михеевой / Сост. Н. Ф. Онегина. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2010. С. 627.
- ⁷ НА КарНЦ РАН. Ф. № 1, оп. 2, колл. 9, ед. хр. 37 (13).
- ⁸ НА КарНЦ РАН. Ф. № 1, оп. 2, колл. 19, ед. хр. 86.
- ⁹ НА КарНЦ РАН. Ф. № 1, оп. 2, колл. 134, ед. хр. 20.
- ¹⁰ НА КарНЦ РАН. Ф. № 1, оп. 2, колл. 114, ед. хр. 5.
- ¹¹ Перевод с карельского языка выполнила У. С. Конкка.
- ¹² Перевод с английского авторов статьи, если не указано иное.
- ¹³ Слово о полку Игореве // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4. XII в. СПб.: Наука, 1997. С. 264.
- ¹⁴ Пушкин А. С. Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях // Полное собрание сочинений: В 17 т. Т. 3, кн. 1. М.: Воскресенье, 1995. С. 554.
- ¹⁵ Оборот «riäššä eššie» используется как синоним выражения «riätä eššie» (букв. ‘голову искать’), что, согласно шеститомному словарю карельского языка «Karjalan kielen sanakirja», означает ‘искать и убивать вшей’. Со временем значение фраземы развилось и стало означать также поглаживание и перебирание волос вообще (в целях релаксации). За комментарий благодарим Н. А. Пеллинен, к. филол. наук, младшего научного сотрудника Сектора языкознания ИЯЛИ КарНЦ РАН.
- ¹⁶ Библейская энциклопедия / Никифор (Бажанов). М.: Локид-Пресс: РИПОЛ классик, 2005. С. 138.
- ¹⁷ В рамках данного исследования не было получено окончательного ответа на вопрос о том, почему в сказке присутствует образ Давида. Эта тема требует дальнейшего изучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азадовский М. К. Русские сказки в Карелии: старые записи. Петрозаводск: Государственное изд-во Карело-Финской ССР, 1947. 246 с.
2. Андреев Н. П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л.: Издание Гос. рус. геогр. о-ва, 1929. 118 с.
3. Ведерникова Н. М. Русская народная сказка. М.: Наука, 1975. 133 с.
4. Добровольская В. Е. Предметные реалии русской волшебной сказки. М.: Гос. республ. центр рус. фольклора, 2009. 224 с.
5. Иванова Л. И. Особенности фольклорной традиции карельского Сегозерья в XIX–XXI вв. // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. Серия: Эпосоведение. 2018. № 2 (10). DOI: 10.25587/SVFU.2018.10.14553 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-folklornoy-traditsii-karelskogo-segozerya-v-xix-xxi-vv> (дата обращения 01.12.2023).
6. Каракин Е. В., Пашкова Т. В. Синантропные насекомые в карельской народной традиции // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 8. С. 64–69. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.694
7. Лойтер С. М. Русский фольклор Карелии // Народы Карелии: историко-этнографические очерки / Российская академия наук, Карельский научный центр, Институт языка, литературы и истории; Отв. ред. И. Ю. Винокурова [и др.]. Петрозаводск: Периодика, 2019. С. 660–669.
8. Лызлова А. С. Художественное своеобразие сказок про Ерша, записанных в Карелии // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20, № 2. С. 67–88. DOI: 10.15393/j9.art.2022.10982 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennoe-svoeobrazie-skazok-pro-ersha-zapisannyh-v-karelii> (дата обращения 18.10.2023).
9. Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки: происхождение образа. М.; СПб.: Академия Исследований Культуры, Традиция, 2005. 240 с.
10. Неклюдов С. Ю. Тезисы о сказке // Новый филологический вестник. 2020. № 3 (54). DOI: 10.24411/2072-9316-2020-00063 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tezisy-o-skazke> (дата обращения 10.10.2023).
11. Померанцева Э. В. Русская народная сказка. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. 132 с.
12. Померанцева Э. В. Судьбы русской сказки. М.: Наука, 1965. 220 с.
13. Пропп В. Я. Русская сказка: Собрание трудов. М.: Лабиринт, 2000. 415 с.
14. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки / [Вступ. ст. В. И. Ереминой]. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1986. 370 с.
15. Разумова И. А. Стилистическая обрядность русской волшебной сказки. Петрозаводск: Карелия, 1991. 153 с.
16. Рошиану Н. Традиционные формулы сказки. М.: Наука, 1974. 218 с.
17. Хэмлет Т. Ю. Карельская народная сказка «Девять золотых сыновей» // Финно-угорский мир. 2015. № 2 (23) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/karelskaya-narodnaya-skazka-devyat-zolotykh-synovey> (дата обращения 11.10.2023).
18. Uther H. - J. The types of international folktales: A classification and bibliography: Based on the system of Antti Aarne and Stith Thompson. Animal tales, tales of magic, religious tales, and realistic tales, with an introduction. Part I. Helsinki: Suomalainen tiedeakatemia, academia scientiarum fennica, 2004. 661 p.

Original article

Iolanta V. Sukhotskaya, Master Student, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
iolantius@gmail.com
Sofia M. Loiter, Dr. Sc. (Philology), Professor, Independent Researcher (Petrozavodsk, Russian Federation)
sofia5@sampo.ru

KARELIAN FOLK FAIRY TALE “KING DAVID”: EXPLORING CONVENTIONALITY AND IDENTITY OF THE GENRE

Abstract. This paper presents the first-of-its-kind analysis of the Karelian folk fairy tale “King David”, which was first recorded in 1939 in the Segezha district of the Republic of Karelia in the Karelian language. The study explores the Russian version of the tale, focusing on its structure, which is a complex blending of three different plots (300A, 301A, and 551), the roles and functions of the main characters, traditional storytelling formulas, the triplet structure of the narrative, and objects specific to Karelian everyday culture. This research sheds light on a unique fairy tale from northern Karelia that blends traditional elements with contemporary realities processed and added by the narrator. By comparing the tale with Russian fairy tales, the study identifies ethnic characteristics and cultural influences, highlighting both the migration of motifs and the distinctiveness of the folk tale “King David”. The analysis draws on archival materials from the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences. Employing such methods as holistic interpretation, structural analysis, component analysis, and comparative analysis, the study concludes that the narrator exhibits a profound understanding of folklore traditions.

Keywords: Karelian folk fairy tale, plot, motif, national peculiarities, magic fairy tale, contaminations, traditional formulas, folk tale index, KarRC RAS Scientific Archives, K. I. Ananina

Acknowledgements. The presented research was conducted as part of the R&D Support Program for Undergraduate Students, Postgraduate Students, and Academic Degree Holders, funded by the Government of the Republic of Karelia.

For citation: Sukhotskaia, I. V., Loiter, S. M. Karelian folk fairy tale “King David”: exploring conventionality and identity of the genre. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(3):67–75. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1026

REFERENCES

- Azadovsky, M. K. Russian fairy tales in Karelia: old records. Petrozavodsk, 1947. 246 p. (In Russ.)
- Andreev, N. P. Fairy tales index based on Antti Aarne’s classification system. Leningrad, 1929. 118 p. (In Russ.)
- Vedernikova, N. M. Russian folk tales. Moscow, 1975. 133 p. (In Russ.)
- Dobrovolskaya, V. E. Object realities of the Russian magic fairy tale. Moscow, 2009. 224 p. (In Russ.)
- Ivanova, L. I. Features of the folklore tradition of Karelian Segozero in the 19th–21st centuries. *Vestnik of North-Eastern Federal University. Series: Epic Studies*. 2018;2(10). DOI: 10.25587/SVFU.2018.10.14553. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-folklornoy-traditsii-karelskogo-segozerya-v-xix-xxi-vv> (accessed 01.12.2023). (In Russ.)
- Karakin, E. V., Pashkova, T. V. Synanthropic insects in Karelian folk tradition. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(8):64–69. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.694 (In Russ.)
- Loiter, S. M. Russian folklore of Karelia. *The peoples of Karelia: historical and ethnographic essays*. Petrozavodsk, 2019. P. 660–669. (In Russ.)
- Lyzlova, A. S. Artistic originality of tales about Yersh (Ruff) recorded in Karelia. *The Problems of Historical Poetics*. 2022;20(2):67–88. DOI: 10.15393/j9.art.2022.10982. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennoe-svoeobrazie-skazok-pro-ersha-zapisannyh-v-karelii> (accessed 18.10.2023). (In Russ.)
- Meletinsky, E. M. The hero of a magic fairy tale: the origin of the image. Moscow; St. Petersburg, 2005. 240 p. (In Russ.)
- Neklyudov, S. Yu. Folktales: some theses. *New Philological Bulletin*. 2020;3(54). DOI: 10.24411/2072-9316-2020-00063. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tezisy-o-skazke> (accessed 10.10.2023). (In Russ.)
- Pomerantseva, E. V. Russian folk tales. Moscow, 1963. 132 p. (In Russ.)
- Pomerantseva, E. V. The fates of Russian folk tale. Moscow, 1965. 220 p. (In Russ.)
- Propp, V. Ya. Russian folk tales: Collected works. Moscow, 2000. 415 p. (In Russ.)
- Propp, V. Ya. The historical roots of fairy tales. Leningrad, 1986. 370 p. (In Russ.)
- Razumova, I. A. Stylistic ritualization of Russian magic fairy tales. Petrozavodsk, 1991. 153 p. (In Russ.)
- Roshianu, N. Traditional formulas of fairy tales. Moscow, 1974. 218 p. (In Russ.)
- Hamlet, T. Yu. Karelian fairy tale “Nine Gold Sons”. *Finno-Ugric World*. 2015;2(23). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/karelskaya-narodnaya-skazka-devyat-zolotyh-synovey> (accessed 11.10.2023). (In Russ.)
- Uther, H.-J. The types of international folktales: A classification and bibliography: Based on the system of Antti Aarne and Stith Thompson. Animal tales, tales of magic, religious tales, and realistic tales, with an introduction. Part I. Helsinki, 2004. 661 p.

Received: 10 October 2023; accepted: 12 February 2024

ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА МАРКОВА

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного

Российский государственный университет имени А. Н. Косыгина

(Москва, Российская Федерация)

профессор кафедры романских и славянских языков

Экономический университет

(Братислава, Словакия)

ORCID 0000-0001-6620-1567; elena-m-m@mail.ru

БИЛИНГВАЛЬНОЕ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОЕ ГНЕЗДО В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ И ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

А н н о т а ц и я . Рассматривается этимологическое гнездо как объединение слов, восходящих к общему этимону, и лингводидактическая ценность подобной группировки при изучении близкородственного языка. На материале двух языков – русского и чешского – раскрывается сущность подобного объединения лексики, причины семантических изменений входящих в него лексем и его роль в изучении русского языка в инославянской аудитории. Актуальность темы обеспечена значимостью исследования систематизации лексики русского языка с целью ее наиболее эффективной презентации в иностранной аудитории. Научная новизна связана с описанием возможностей этимологического гнезда, включающего лексемы родного и изучаемого языков, при преподавании РКИ. Автор приходит к выводу, что такая группировка лексики (дополнительно к тематической, лексико-семантической, синонимической, омонимической группам, антонимическим парам и т. п.) имеет и собственно лингвистическое, и большое методическое, воспитательное, мотивирующее значение: помогает не только закреплению слов в долговременной памяти, лучшему пониманию языковой системы, но и способствует интересу к изучению языка, осознанию славянского единства, языковой и культурной общности славян.

К л ю ч е в ы е с л о в а : этимологическое гнездо, билингвальный аспект, славянские языки, русский язык как иностранный

Д л я ц и т и р о в а н и я : Маркова Е. М. Билингвальное этимологическое гнездо в лингвистическом и лингводидактическом аспектах // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 3. С. 76–82. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1027

ВВЕДЕНИЕ

Одним из ведущих принципов при обучении русскому языку как иностранному является принцип системности. Все, что предьявляется системно, способствует лучшему усвоению и запоминанию. Поэтому при планировании учебного процесса, при написании учебников преподаватели стремятся найти основания для систематизации лексики и грамматики в процессе ее презентации. Этот методический принцип отражает и реальную связь языковых единиц, которые образуют систему языка. С принципом систематизации связаны и другие основополагающие принципы: принцип минимизации лексико-грамматического материала, принцип взаимосвязанного обучения, принцип ситуативно-тематического и концентрического расположения

изучаемого языкового материала, принцип «от простого к сложному» и др.

Лексика русского языка с целью ее овладения иностранцами может быть систематизирована по разным основаниям: на основе синонимических и антонимических отношений (в составе синонимических рядов и антонимических пар), в виде внутриязыковых и межъязыковых омонимов и паронимов, в составе тематических и лексико-семантических групп, словообразовательных гнезд, синтагматических рядов [14], [15], [16], [17] и др. Языковой материал любого учебника по РКИ прежде всего группируется в соответствии с ситуативно-тематическим принципом, то есть дается вокруг определенных тем и ситуаций, связанных с ней, например, тем «Моя семья», «Мой день», «Магазин»,

«Транспорт», «Увлечения» и т. п. Это ведущее основание группировки лексического материала, так как оно отражает коммуникативные потребности изучающих иностранный язык, нацелено на лексическое обеспечение возможности говорить на ту или иную тему. Чем больше связей с другими лексическими единицами устанавливается при овладении какой-либо лексемой, тем большей мнемонической силой оно обладает, тем более прочно ее положение в памяти учащегося и тем больше вероятность ее использования в речи. Выражаясь образным языком, разнообразные связи лексемы с другими словами языковой системы при изучении иностранного языка подобны корневой системе растения: чем она разветвленнее, тем прочнее растение, подобно этому, чем больше связей (тематических, синтагматических, синонимических, антонимических, словообразовательных и пр.) имеет лексема в сознании учащегося, тем прочнее ее положение в его памяти. Важное значение при изучении близкородственного языка имеют этимологические связи слов, их группировка в рамках гнезда с этимологически общим корнем [8], [9]. Системный характер лексики, организации словарного состава языка обусловил необходимость не только исследования отдельных групп слов (тематических, лексико-семантических, словообразовательных, этимологических), но и их лингводидактического использования.

ЭТИМОЛОГИЧЕСКОЕ ГНЕЗДО В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ И ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

Для начала следует определиться в различиях между словообразовательным и этимологическим гнездом ввиду близости этих понятий, так как основанием группировки лексики и в том, и в другом случае является родство слов, общность корневой морфемы. В отличие от словообразовательного гнезда, в состав которого входят слова с одним корнем с точки зрения синхронного состояния языка, этимологическое гнездо – группа слов, восходящих к общему этимону, то есть этимологически общему корню. Этимон – первичное значение лексемы, сема, являющаяся общей для всех однокоренных слов и семантически их объединяющая в рамках этимологического словообразовательного гнезда [1: 19]. Этимологическое гнездо включает в себя «все генетически связанные слова, независимо от степени прозрачности этих связей на современном уровне» [3: 24]. Состав его выявляется при обращении к истории языков, этимологии лексических единиц, родственным языкам.

Конечно, овладевая русским языком как иностранным, учащиеся прежде всего изучают его

современное состояние, поэтому вопросы истории языка, его этимологии крайне редко освещаются на занятиях РКИ, да это и не нужно, исходя из главной, коммуникативной, цели его изучения. Однако методика обучения русскому языку как инославянскому характеризуется прежде всего особой лингводидактической группировкой лексического материала [9]. При изучении русского языка в славянской аудитории группировка лексики в виде этимологических гнезд (наряду с другими, вышеперечисленными) имеет большое положительное значение для закрепления лексем в памяти учащихся. Речь в данном случае идет не о полном этимологическом гнезде, включающем лексемы, восходящие к общему праславянскому корню во всех славянских языках, что имеет прежде всего типологическое значение. При лингводидактическом описании лексики важность представляет частичное, билингвальное, этимологическое гнездо, в составе которого оказываются лексемы изучаемого и родного языков с общим корнем. Группировка лексики изучаемого (русского) и родного славянского языка в виде этимологических гнезд имеет не только собственно лингвистическое, но и большое методическое, воспитательное, мотивирующее значение. Такая группировка не только помогает закреплению слов в долговременной памяти, обеспечивает крепость их «корневой системы», но и помогает осознанию славянского единства, общности нашей истории, ощущению неразрывной связи славянских языков и культур, чувству славянской идентичности.

При изучении лексической системы мы исходим из установки, что те знания и представления о мире, которые выявляются на синхронном срезе языка, сформированы в разные периоды его существования. «Историческая память» [12: 26] требует учитывать культурно-историческую мотивацию особенностей семантики языковых единиц. Динамический подход позволяет проследить эволюцию слова и в концептуальном смысле, выявить актуальную «специфическую реакцию носителей языка на внеязыковую действительность» [6: 36], понять то, как по мере когнитивного усложнения мира и его познания развивается содержание и структура языковых форм. Поэтому постижение разнообразных трансформаций значения общего корня в двух (родном и изучаемом) языках дает возможность расширения лингвистического кругозора учащихся, формирования их лингвистической компетенции.

Рассматривая лексику русского языка в зеркале родного (славянского) языка, можно нагляднее представить картину перемещений, сдвигов, семантических переносов, утрат, характеризующих процесс языкового развития, ведь «то, что ис-

чезает в одном языке, может уцелеть в другом, и недостающие звенья в традиции одного языка дополняются указаниями, взятыми из другого» [10: 20–21]. Этимологическое гнездо позволяет продемонстрировать историческую связь слов, необходимую при изучении лексики родственного языка.

Если говорить о вопросах исторического развития слов, то следует заметить, что В. В. Виноградов справедливо считал слова близкородственных языков, восходящих к общему этимону, к «разветвлениям одного слова», его «историческими вариациями» [4: 119], М. М. Покровский также называл их «вариациями значений слова» [11: 36]. Поэтому билингвальное этимологическое гнездо представляет собой, по сути, словообразовательное гнездо, но в рамках двух языков. Такое объединение слов, восходящих к общему источнику, дает возможность еще и проследить логику, траекторию семантического движения слова, выявить не только лексические, но и смысловые связи, что активизирует сознательные стороны познавательного процесса, помогает сознательному усвоению лексики.

Конечно, внимание к этимологическим связям слов изучаемого и родного языков при преподавании русского языка как инославянского требует соответствующей компетентности преподавателя или автора учебника, хорошего знания истории языка, исторической лексикологии и семасиологии, понимания причин семантических изменений праславянских корней в разных славянских языках. Речь идет не о том, чтобы выносить эти знания в аудиторию (здесь нужно руководствоваться «системой айсберга», в соответствии с которой только одна седьмая знаний преподавателя эксплицируется учащимся), но о понимании преподавателем внутренних языковых связей родного и изучаемого языков, закономерностей их развития, их дифференциации.

ПРИЧИНЫ СЕМАНТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ ЭТИМОЛОГИЧЕСКИ ОБЩИХ СЛОВ

Если говорить о причинах семантических изменений этимологически общих слов, то они обусловлены не только экстралингвистическими причинами, но и собственно лингвистическими. Зачастую на семантическое развитие слова влияет целый комплекс причин. Лингвистические (языковые) факторы выражаются в действии внутренних законов развития языка, в «давлении системы». Среди внутриязыковых факторов семантических изменений можно назвать, в частности, способность слова к варьированию в процессе речи, а также тенденцию к семантическому или стилистическому расподоблению синонимов. Изменение отдельного языкового факта также

ведет к перестройке лексико-семантических отношений целой части лексики. Так, появление или утрата одного из синонимов влияет на семантическую характеристику других членов синонимического ряда.

Фактором, ведущим к семантическому «дроблению» лексемы, является и синкретичный характер этимона, отсутствие четко ограниченного объема, «диффузность» понятия, в состав которого может входить несколько признаков, недостаточно «расчлененных» между собой. Синкретизм первичного значения общеславянских лексем является отражением «синкретизма мироощущения» древних славян. По мере развития общества и языка «происходит неуклонное дробление смысла древней синкреты-корня» [7: 26]. При этом у носителей разных языков может проявиться различное направление семантического движения общей праславянской лексемы.

Вслед за М. М. Покровским необходимо выделить и такую причину семантических изменений лексем, как контекст употребления. Как известно, синтагматические связи, присущие слову, входят в характеристику его семантики. «Преимущественное употребление слова в каких-то устойчивых контекстах может вести к постепенному смещению его первоначального значения» [13: 55]. М. Бреаль назвал это «семантическим заражением». В таком случае «промежуточным звеном» [2: 204], объясняющим направление семантического развития слова, является словосочетание. Поэтому столь важно изучать словосочетания, а не отдельные слова: они не только определяют значение слова, но и дают представление о его функционировании, помогают вывести в речь.

Однако «языковые» и «внеязыковые» факторы семантических сдвигов трудно представить себе в «чистом» виде [13: 56], они всегда взаимосвязаны и взаимообусловлены. К тому же указанные два фактора – внутренний и внешний – объясняют далеко не все факты изменений в языке. «Язык существует в человеке, для человека и реализуется через человека» [5: 85], на этом основан современный антропоцентрический подход к рассмотрению языковых фактов и языковой эволюции. Поэтому для понимания устройства и функционирования языка первостепенное значение имеет учет соотношения трех элементов: внеязыковой действительности, языковых факторов и самого человека с его мышлением и психологией. По мнению В. Г. Гака, «именно человек оказывается решающим фактором в варьировании и эволюции средств номинации в целом» [5: 85]. Психологический фактор является определяющим в развитии разного рода переносных значений, коннотативных сдвигов

и переосмыслений, основанных на ассоциациях, возникающих в сознании человека.

Семантические варианты единиц двух родственных языков, входящих в состав этимологического гнезда, отражают действие вышеперечисленных факторов, их объединение помогает восстановить утраченные связи между словами близкородственных языков, предъявить их как элементы одной словообразовательной системы, соединить в сознании учащихся.

АНАЛИЗ БИЛИНГВАЛЬНЫХ ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ ГНЕЗД НА РУССКО-ЧЕШСКОМ МАТЕРИАЛЕ

Лингводидактическая ценность того или иного этимологического гнезда определяется функциональной востребованностью входящих в него элементов, их активностью в речи, включенностью в лексические минимумы. Материал для описания этимологических гнезд был извлечен из авторитетных этимологических словарей, таких как «Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд» (Под ред. О. Н. Трубачева. М., (вых. с 1974 г.)); Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. (2-е изд. М., 1986); Этимологический словарь русского языка (Под ред. Н. М. Шанского. М., (вых. с 1963)); Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. (М., 1993); Machek V. Etymologický slovník jazyka českého, 2-é vyd. (Praha, 1968); Holub J., Kopečný F. Etymologický slovník jazyka českého (Praha, 1952) и др.

Иллюстрацией может служить этимологическое гнездо с корнем *-ruch-/-rychl-*, взятое в билингвальной, русско-чешской, проекции. В него входят такие лексемы, как рус. *рыхлость, рыхлый, рыхлить, разрыхлитель*, (разг.) *рухлядь, рушить, нарушить, разрушить, разруха, рухнуть* / чеш. *ruch* ‘движение’, *rychlost* ‘скорость; движение; быстрота, спешка’, *rychlík* ‘скорый поезд’, *rychlě* ‘быстро’, *ruchadlo* ‘плуг’¹, *výrušit* ‘побеспокоить’, *vzrušit* ‘возбудить’ (книж.), *roucho* ‘облачение, наряд, мантия’², *rouška* ‘стерильная ткань, марля, маска’³. Все они восходят к праслав. **ruch-* ‘движение’ (которое бытовало в древнерусском языке: *рухъ* ‘движение’⁴, а также сохранилось в современном чешском) от глагола *рухати* ‘двигать, трогать’⁵. Наглядно билингвальное этимологическое гнездо может быть представлено в таком виде:

рыхлый рыхлость рыхлить разрыхлитель
рушить разрушить разруха нарушить нарушение рухнуть
рухлядь
*ruch
ruch rychlost rychlík rychlě
ruchadlo výrušit rucho vrušit
roucho rouška

Первичное значение деривата *рыхлость* (от праслав. **rychlъ* ‘быстрый’, рус. *рыхлый*, чеш. *rychlý*) раскололось на две семемы: ‘рассыпчатость, неплотность’ (в русском языке) и ‘скорость; движение; быстрота, спешка’ (в чешском)⁶. С современной семантикой рус. *рыхлость, рыхлый* соотносится однокоренное чеш. *ruchadlo* ‘плуг’ – ‘орудие для рыхления земли’⁷. С движением связана семантика глагола *нарушить* – ‘привести в движение’, существительного *разруха* – ‘нарушение, беспорядок’. Значение глагола *рухнуть* ‘упасть, разрушаясь, распадаясь на части’ содержит не только сему ‘двигаться вниз’, но и сему ‘распадаться на части’.

Эта связь прослеживается и в семантической эволюции принадлежащего к тому же этимологическому гнезду слова *рухлядь*, в настоящее время означающего ‘пришедшие в ветхость вещи, одежда, старье’ (то есть разрушенные, потерявшие новизну). Значение ‘ткань, одежда’ у данного корня также древнее: еще в X веке впервые упоминается в славянских землях ‘исподнее платье’ – *рухо* ‘грубая одежда, тканная из конских волос или козьей шерсти’⁸. По всей видимости, являясь дериватом от глагола *rušit* (рус. *рушить*), имеет мотивацию, связанную с обработкой ткани, которую рвали, рушили (в современных южнославянских языках *рухо* известно в значении ‘одежда’)⁹. Чеш. *rouška*, суффиксальное производное от *roucho* ‘нижняя одежда, рубашка’, вначале было термином и обозначало ‘стерильную ткань, применяемую при инъекциях, для предохранения от радиоактивного заражения’, ‘марлю’¹⁰, но в условиях пандемии коронавируса стало активно употребительным словом в значении ‘медицинская маска’.

Мнемически закрепить лексемы изучаемого языка и акцентировать внимание на их специфической семантике и особенностях функционирования можно при помощи синтагматических скреп, демонстрирующих сочетаемостные возможности лексем:

рыхлить землю, рыхлый слой, разрыхлитель теста
 рушить / разрушить дом, отношения, связи, семью
 нарушить перемирие, закон, границу и т. п.

В рамках одного этимологического гнезда в двух языках может наблюдаться семантическая дифференциация по шкале «хороший – плохой», то есть энантиосемия, часто возникающая в результате дробления семантически синкретичного корня, вербализующего недифференцированное понятие. Так, корень *год-* обнаруживает не только «положительную» семантику, но и «отрицательную». Изначально слово *год* имело обобщенную семантику ‘время’,

причем чаще всего с дополнительным «положительным» оттенком: ‘удачное, счастливое, благоприятное время’, сохранившимся в таких дериватах, как *годный, угодный, пригодный, пригожий, угодить (кому)* ‘сделать что-либо в соответствии с желанием’, *годиться / пригодиться*, а также в чешских лексемах *hodný* ‘хороший, достойный’, *pohoda* – ‘хорошая, прекрасная погода’¹¹. «Положительный» характер мотивемы прослеживается и в чешском устаревшем *hod*, сохранившемся в некоторых устойчивых сочетаниях, например: *Voží hod* ‘Рождество’, форме мн. ч. – *hody* – наименовании пира, праздничного времени¹². Значения русских производных *непогода* ‘плохая погода’, *распогодилось* ‘прояснилось’ – об улучшении погоды), *погожий* ‘хороший день’), пословица *ждать у моря погоды* (букв. ‘ждать хорошей погоды’ – о бесполезных ожиданиях чего-л.) свидетельствуют, что и слово *погода* первоначально обозначало ‘хорошую погоду’. Современное рус. *погода* ‘состояние атмосферы’ обладает нейтральной семантикой, а в чешском языке широко употребительны «нейтральные» производные *hodina* в значении ‘час’ и *hodinky* – ‘часы’.

Русскому языку известно аналогичное чешскому производное *година*, которое в настоящее время используется в «отрицательном» значении, транслируемом контекстами: *тяжелая година, суровая година, година испытаний*, имеющими «высокую» стилистическую окраску. Отрицательную семантику имеет и глагол *угодить (во что)* в значении ‘попасть во что-то плохое, вляпаться’: *угодить в грязь, в неприятную ситуацию* и т. п. Однако исторически русскому *година* было присуще нейтральное значение ‘час’, как и его чешскому корреляту. Так, со старым значением слова *година* ‘час’ мы встречаемся в стихотворении А. С. Пушкина «Брожу ли я вдоль улиц шумных...»: «День каждый, каждую годину привык я думой провождать».

В целом данное этимологическое гнездо можно представить в таком виде:

<i>годный</i>	<i>угодный</i>	<i>пригодный</i>	<i>пригожий (+)</i>
<i>годиться / пригодиться</i>		<i>угодить (кому) (+)</i>	
<i>непогода</i>		<i>распогодилось</i>	<i>погожий (+)</i>
<i>година</i>	<i>угодить (во что) (-)</i>		
<i>погода (нейтр.)</i>			
*god			
	<i>hodina</i>	<i>hodinky (нейтр.)</i>	
<i>hodný</i>	<i>pohoda</i>	<i>Voží hod</i>	<i>hody (+)</i>

На разных аксиологических полюсах оказались и дериваты общеславянского корня **-trav-*, которому изначально была свойственна сема ‘пища, продукты’, что подтверждается значением древнерусского *трава* – ‘то, что употреблял

в пищу скот’ от *травить* – ‘потреблять даваемую пищу’ (дальнейшее развитие значения связано с метонимическим переносом: ‘пища для скота’ → ‘пища в виде растений’ → (соврем.) ‘растение’)¹³. Первичная семантика этого корня отмечается у их чешских соответствий, например чеш. *strava, potrava* ‘пища’, *potraviny* ‘продукты’, *trávit* ‘переваривать’ и (перен.) ‘проводить время’, *trávení* ‘пищеварение’¹⁴. Противоположная семантика рус. *травить / отравить, отрава* ‘яд, отравленная еда’, а также чеш. *otrava* ‘отравление’, чеш. *otrušik* ‘мышьяк’ в данном случае связана с «отрицательным» значением префикса *o-*.

<i>травить / отравить</i>			<i>отрава (-)</i>
			<i>трава (нейтр.)</i>
*trav			
<i>strava</i>	<i>potrava</i>	<i>potraviny (нейтр.)</i>	
	<i>otrava</i>	<i>otrušik (-)</i>	

Этимологическое гнездо двух языков может включать в себя и фонетические варианты общего корня, оно позволяет продемонстрировать их родство и семантическую выводимость. Так, к общеславянской основе **mog-tь* восходят рус. *мочь / смочь, помочь, занемочь* ‘заболеть’, *мощный* ‘сильный’, *мощь* ‘сила’, *немошь* ‘бессилие’, *помощь, помощник*, а также чеш. *tos* ‘сила’, *netos* ‘болезнь’, *byt netocen* ‘болеть’, *netosnú* ‘больной’, *netosnice* ‘больница’, *rotos* ‘помощь’¹⁵ с чередованиями согласных в общем корне, обусловленными различной судьбой праславянских сочетаний согласных в разных группах славянских языков. Группировка дериватов родного и изучаемого языков в составе общего этимологического гнезда дает возможность объединить их в сознании и памяти учащихся.

<i>мочь / смочь</i>	<i>помочь</i>	<i>занемочь</i>	
<i>мощный</i>	<i>мощь</i>	<i>немошь</i>	
	<i>помощь</i>	<i>помощник</i>	
*mog-tь			
	<i>tos</i>	<i>rotos</i>	
<i>netos</i>	<i>byt netocen</i>	<i>netosnú</i>	<i>netosnice</i>

Этимологическое гнездо дает возможность рассмотреть и другие группы слов, например межъязыковые омонимы – слова двух языков, имеющие схожее звучание, но разное значение как следствие семантических изменений, о которых речь шла выше. Из приведенных выше гнезд к ним относятся: рус. *рыхлость* ‘рассыпчатость’ и чеш. *rychlost* ‘скорость’; рус. *годный* ‘подходящий для чего-л.’ и чеш. *hodný* ‘хороший, достойный’; рус. *погода* (нейтр.) и чеш. *pohoda* – ‘хорошая, прекрасная погода’; рус. *год* ‘365 дней’ и чеш. *Voží hod* ‘Рождество’, рус. *годы* (мн. число от *год*) и чеш. *hody* – ‘пир, праздничное время’; рус. *година* ‘трудное, тяжелое время’ и чеш. *hodina* ‘час’; рус. *травить* ‘давать

яд' и чеш. *trávit* 'переваривать'; рус. *отрава* 'яд' и чеш. *otrava* 'отравление'.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Группировка лексики близкородственных изучаемого и родного языков в виде этимологических гнезд дополнительно к другим лексическим группам дает возможность увидеть изучаемую лексику в новом фокусе: в фокусе ее родственных связей с лексикой родного языка, общности их истории, дифференциации семантики. Систематизированная таким образом лексика

является мнемической опорой для ее запоминания, помогает ее лучшему усвоению, а также пониманию структурного своеобразия изучаемого языка в сравнении с родным. К тому же такой взгляд на общий лексический фонд двух славянских языков перекидывает мостик от собственно лингвистических сопоставительных исследований к решению практических задач преподавания русского языка в славянском коммуникативном пространстве, к повышению эффективности обучения русскому языку в инославянской аудитории.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Příruční slovník jazyka českého. Т. 1–9. Praha, 1935–1957.
- ² Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost. Praha, 2003.
- ³ Machek V. Etymologický slovník jazyka českého. 2-é vyd. Praha, 1968.
- ⁴ Срезневский И. В. Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1958.
- ⁵ Machek V. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Příruční slovník jazyka českého. Т. 1–9. Praha, 1935–1957.
- ⁸ Нидерле Л. Быт и культура древних славян / Авториз. изд. с введ. и доп. автора и предисл. акад. Н. П. Кондакова. Прага: Пламя, 1924. С. 143.
- ⁹ Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. М., 1993.
- ¹⁰ Machek V. Etymologický slovník jazyka českého...
- ¹¹ Velký česko-ruský slovník (Pod ved. L. Kopecského, J. Filipce a O. Lešky). Praha: Leda, 2005.
- ¹² Там же.
- ¹³ Срезневский И. В. Материалы для словаря древнерусского языка...
- ¹⁴ Velký česko-ruský slovník...
- ¹⁵ Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аркадьева Т. Г. Этимологические связи слов и закономерности их изменения. Л., 1988. 82 с.
2. Будагов Р. А. Сравнительно-семасиологические исследования. Романские языки. 2-е изд. М., 2004. 300 с.
3. Варбот Ж. Ж. История славянского этимологического гнезда в праславянском языке // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов: Доклады российской делегации. М., 1993. С. 23–35.
4. Виноградов В. В. Проблемы морфематической структуры слова и явления омонимии в славянских языках // Славянское языкознание: VI Межд. съезд славистов. (Прага, август 1968 г.): Доклады советской делегации. М., 1968. С. 53–119.
5. Гак В. Г. Логические основы развития значений слов в родственных языках // Сравнительно-историческое и общее языкознание. М., 2004. С. 84–91.
6. Гак В. Г. Русская динамическая картина мира // Русский язык сегодня. М., 2000. С. 36–45.
7. Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб., 2000. 326 с.
8. Маркова Е. М. Русский язык как инославянский: лингвистические и лингводидактические основания выделения и описания // Руски језик као инословенски. Русский язык как инославянский VII (2015). Современное изучение русского языка и русской культуры в инославянской среде. Белград: Общество славистов Сербии, 2015. С. 61–71.
9. Маркова Е. М., Квапил Р. Особенности обучения русскому языку в близкородственной словацкой среде // Русистика. 2021. Т. 19, № 2. С. 191–207. DOI: 10.22363/2618-8163-2021-19-2
10. Покровский М. М. О методах семасиологии // Покровский М. М. Избранные работы по языкознанию. М., 1959. С. 17–33.
11. Покровский М. М. Соображения по поводу изменения значений слов // Покровский М. М. Избранные работы по языкознанию. М., 1959. С. 36–60.
12. Трубачев О. Н. Славянская филология и сравнительность. От съезда к съезду // Славянское языкознание: XII Междунар. съезд славистов. М., 1998. С. 3–33.
13. Шмелев Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка. М., 2003. 243 с.
14. Brones J. K lingvodidaktických typologií cizojazyčného lexika. Brno, 1982. 145 s.
15. Havlová E. Poznámky k ruským homonimům // Příspěvky k aktuálním otázkám jazykovědné rusistiky. Brno, 1999. S. 83–89.
16. Markova E. M. Особенности группировки лексики в курсе русского языка как инославянского // Acta Rossica Tyrnaviensis II: Zborník štúdií Katedry rusistiky Filozofickej fakulty Univerzity sv. Cyrila a Metoda v Trnave. Brno: Tribun EU, 2016. С. 124–131.

17. Rozkocová L. Problematika asociací a osvojování blízse příbuzného jazyka // *Československá rusistika*. 1977. № 3. S. 119–127.

Поступила в редакцию 05.02.2024; принята к публикации 01.03.2024

Original article

Elena M. Markova, Dr. Sc. (Philology), Professor, Kosygin State University of Russia (Moscow, Russian Federation), Professor, University of Economics (Bratislava, Slovakia)
ORCID 0000-0001-6620-1567; elena-m-m@mail.ru

BILINGUAL ETYMOLOGICAL NEST IN THE LINGUISTIC AND LINGUODIDACTIC ASPECTS

Abstract. This article explores an etymological nest combining lexemes derived from a common etymon, and assesses the linguodidactic potential of such grouping for studying a closely related language. Through the analysis of the Russian and Czech languages, the nature of this vocabulary cluster, the factors contributing to semantic changes within its lexical components, and its role in teaching Russian to foreign Slavic learners are examined. The timeliness of this study is underscored by the importance of investigating the systematization of the Russian lexicon to ensure its optimal presentation to non-native speakers. The research novelty lies in evaluating the potential of the etymological nest comprising lexemes from both the native and studied languages for teaching Russian as a foreign language. The author concludes that such lexical grouping, alongside thematic, lexical-semantic, synonymic, homonymic, and antonymic groupings, carries linguistic as well as pedagogical, methodological, and motivational value. It not only aids in reinforcing long-term vocabulary retention and enhancing understanding of the language system, but also fosters a deeper engagement with language learning, an appreciation of Slavic commonalities, and a sense of linguistic and cultural kinship among Slavic peoples.

Key words: etymological nest, bilingual aspect, Slavic languages, Russian as a foreign language

For citation: Markova, E. M. Bilingual etymological nest in the linguistic and linguodidactic aspects. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(3):76–82. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1027

REFERENCES

1. Arkadyeva, T. G. Etymological connections of words and patterns of their change. Leningrad, 1988. 82 p. (In Russ.)
2. Budagov, R. A. Comparative semasiological studies. Romance languages. Moscow, 2004. 300 p. (In Russ.)
3. Varbot, Zh. Zh. History of the Slavic etymological nest in the Proto-Slavic language. *Slavic linguistics. XI International Congress of Slavists*. Moscow, 1993. P. 23–35. (In Russ.)
4. Vinogradov, V. V. Problems of the morphematic structure of words and the phenomenon of homonymy in Slavic languages. *Slavic linguistics. VI International Congress of Slavists*. Moscow, 1968. P. 53–119. (In Russ.)
5. Gak, V. G. Logical foundations of the development of word meanings in related languages. *Comparative historical and general linguistics*. Moscow, 2004. P. 84–91. (In Russ.)
6. Gak, V. G. Russian dynamic picture of the world. *Russian language today*. Moscow, 2000. P. 36–45. (In Russ.)
7. Kolesov, V. V. Ancient Rus: heritage in the word. Human world. St. Petersburg, 2000. 326 p. (In Russ.)
8. Markova, E. M. Russian language as a foreign Slavic language: linguistic and linguodidactic bases for isolation and description. *Ruski jezik kao inoslovenski. Russian language as a Slavic language VII (2015). Modern study of the Russian language and Russian culture in a non-Slavic environment*. Belgrade, 2015. P. 61–71. (In Russ.)
9. Markova, E. M., Kvapil, R. Teaching Russian in a closely related Slovak environment. *Russian Language Studies*. 2021;19(2):191–207. DOI: 10.22363/2618-8163-2021-19-2 (In Russ.)
10. Pokrovsky, M. M. On the methods of semasiology. *Pokrovsky, M. M. Selected works on linguistics*. Moscow, 1959. P. 17–33. (In Russ.)
11. Pokrovsky, M. M. Some considerations on the changing of word meanings. *Pokrovsky, M. M. Selected works on linguistics*. Moscow, 1959. P. 36–60. (In Russ.)
12. Trubachev, O. N. Slavic philology and comparativeness. From congress to congress. *Slavic linguistics. XII International Congress of Slavists*. Moscow, 1998. P. 3–33. (In Russ.)
13. Shmelev, D. N. Essays on the semasiology of the Russian language. Moscow, 2003. 243 p. (In Russ.)
14. Bronec, J. K lingvodidakyické typologii cizojazyčného lexika. Brno, 1982. 145 s.
15. Havlová, E. Poznámky k ruským homonimům. *Příspěvky k aktuálním otázkám jazykovědné rusistiky*. Brno, 1999. S. 83–89.
16. Markova, E. M. Features of vocabulary grouping in the course of Russian as a foreign Slavic language. *Acta Rossica Tyrnaviensis II: Zborník štúdií Katedry rusistiky Filozofickej fakulty Univerzity sv. Cyrila a Metoda v Trnave*. Brno, 2016. P. 124–131. (In Russ.)
17. Rozkocová, L. Problematika asociací a osvojování blízse příbuzného jazyka. *Československá rusistika*. 1977;3:119–127.

Received: 5 February 2024; accepted: 1 March 2024

ТАТЬЯНА ИГОРЕВНА ПОПОВА

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания филологического факультета Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-8131-2158; t.popova@spbu.ru

ВНУТРЕННЯЯ РЕЧЬ В КОМПОЗИЦИОННОЙ СТРУКТУРЕ РОМАНА КСЕНИИ БУКШИ «АДВЕНТ»

А н н о т а ц и я . Внутренняя речь – неотъемлемая часть структурно-смысловой композиции произведений Ксении Букши. Актуальность предпринятого исследования определяется рассмотрением способов организации речевой структуры романа «Адвент» как отражения общей тенденции современной литературы к реализации нарративной стратегии идентичности, с одной стороны, и как формы реализации индивидуального авторского стиля автора, с другой. Цель статьи – выявить роль внутренней речи в композиционной структуре романа К. Букши «Адвент» и описать соотношение субъектной сферы повествователя и субъектной сферы персонажа. Используются методы лингвистического анализа текста, контекстуального и концептуального анализа. В результате исследования выделены три субъектных сферы романа: субъектная сфера недиегетического повествователя – субъектная сфера героя (Костя) – субъектная сфера героини (Аня). Все истории разворачиваются в хронотопе героев. Контраст между внешней и внутренней жизнью героев составляет основной композиционный прием, помогающий интерпретировать смысловую структуру романа. Хронотоп героев связан с их внутренним миром и представлен в тексте внутренней речью, которая обращена к прошлому, ассоциативно связанному с настоящим. Сюжетно обращение к этим историям связано с «собираем смеха из прошлого», содержательно-концептуально – с попыткой определить себя, свое я, самоидентификацией героев, которые потеряли гармоническую связь с окружающим миром и друг с другом, ощущение ценности жизни. Смысловая функция внутренней речи героев – раскрытие процесса психологического изменения героев от депрессии, раздражения к обретению спокойствия и радости, причем у Кости это происходит путем размышления, а у Ани – путем чувствования. Формы изображения чужой речи – внутренняя речь, несобственно-прямая речь, прямая речь – имеют в романе смыслобразующую функцию: преодоление депрессии передается выходом во внешнюю речь, в диалог.

К л ю ч е в ы е с л о в а : внутренняя речь персонажа, речь повествователя, композиционная структура романа, Ксения Букша, «Адвент»

Д л я ц и т и р о в а н и я : Попова Т. И. Внутренняя речь в композиционной структуре романа Ксении Букши «Адвент» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 3. С. 83–90. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1028

ВВЕДЕНИЕ

Внутренняя речь персонажа как одна из форм передачи чужой речи в художественном произведении давно привлекает внимание исследователей. В художественном тексте понятие чужой речи (речи персонажа) рассматривается в соотношении с речью повествователя (рассказчика) и входит в основной круг проблем нарратологии [14]. Введение точки зрения (фокуса) персонажа как равноправного композиционного элемента романа впервые отмечено М. М. Бахтиным [2] в отношении поэтики романов Ф. М. Достоевского. В настоящее время композиционный

полифонизм (многоголосие) признается ведущим принципом построения романа XX века.

«Композиционный полифонизм как ведущий принцип построения романной прозы XX столетия представляет собой систему внутритекстовых высказываний, или дискурсивных актов, персонажей, выступающих в качестве непосредственных инстанций повествования и наделенных различными точками зрения на изображенные события, а также соответствующий способ распределения и изложения повествуемых событий, фактов и ситуаций как на локальных повествовательных отрезках, так и применительно ко всему произведению в целом» [12: 27–28].

Роль внутренней речи в композиционном построении современного романа возрастает. Центральным содержанием произведений направления новый реализм (новая социальность, новая искренность) становится «беспокойная, мятущаяся, дисгармонично проявляющая себя душа современного русского человека» [5: 101]. Основной проблематикой современного художественного произведения и современного медиапространства является проблема самоидентичности [3], [4], [5]. Ссылаясь на книгу Николин Тиммер «Вы тоже чувствуете это?» [15], О. С. Иссерс определяет «новую искренность» как рефлексию по поводу собственной идентичности, главным вопросом становится вопрос не о том, что такое человек, а вопрос «Что значит быть мной?» [4: 218]. «Потеря личностной целостности и попытки ее преодоления» – одна из главных тем творчества К. Букши [9: 199]. Эта попытка базируется на «личном событийном опыте» и реализуется в романе как «мысленное квазирассказывание многочисленных историй моего пребывания в мире», в число которых входят и истории «иных жизней, сопричастных моей, и нереализованные мною возможности» [11: 88]. Проблема понимания себя через другого –

«основополагающая для ситуации искусства XX века в целом, она в романе приобретает первостепенное значение. Без решения этой проблемы роман невозможен, более того, можно полагать, что роман является едва ли не основным орудием понимания, которое выработала культура в ситуации нарастающего обособления личности, – недаром роман возникает или получает новое развитие именно в те моменты истории культуры, когда происходит проблематизация традиционных способов понимания личности, когда распадаются формы единства человека и мира, личности и общества, происходит отчуждение личности от общества [13: 92].

Романы К. Букши пронизаны чужой речью, чужая речь – неотъемлемая часть структурно-смысловой композиции ее произведений. Писателя отличает интерес к экспериментам со способами включения чужой речи в структуру романа. Как говорит сама К. Букша в интервью журналу «Знамя»:

«Я не знаю, что такое “чернуха”. Для меня нет этого понятия. Есть желание людей сказать какую-то правду – пусть очень жесткую или очень грустную. Другое дело, что социальностью вообще-то дело не исчерпывается. Гораздо важнее смена форм, способов писать. Социальное тут – лишь маленькая часть общих трендов. Например, важно открытие на новом уровне эмоционального, бессознательного, психотерапевтического в писании. Я не фанат эмоций и “новой искренности” в литературе, но невозможно не видеть, что нынешний их подъем – очень велик»¹.

Таким образом, актуальность предпринятого исследования определяется рассмотрением способов организации речевой структуры романа К. Букши «Адвент» как отражения общей тенденции современной литературы к реализации нарративной стратегии идентичности, с одной стороны, и как формы реализации индивидуального авторского стиля автора, с другой.

Литературоведы отмечают некоторые общие черты индивидуального стиля К. Букши, в первую очередь – сложно структурированную субъектную организацию ее произведений. Так, например, роман «Завод “Свобода”» представляет собой записи интервью со свидетелями истории жизни завода в стиле вербати-ми [1: 133], а сборник рассказов «Открывается внутрь» рассматривается как «единый нарратив, фрагментарная, нелинейно изложенная история о поиске травмированным сознанием новой идентичности» [9: 199]. При этом чужая речь у К. Букши всегда жестко вплетена в композиционную структуру романа. Наблюдается повторяемость приемов включения чужой речи в роман и экспериментальный подход к использованию этих приемов. Роман «Адвент» К. Букши еще не был объектом анализа с точки зрения приемов включения чужой речи в ткань романа.

Цель статьи – выявить роль внутренней речи в композиционной структуре романа К. Букши «Адвент» и описать соотношение субъектной сферы повествователя и субъектной сферы персонажа. Используются методы лингвистического анализа текста, контекстуального и концептуального анализа.

ИССЛЕДОВАНИЕ ВНУТРЕННЕЙ РЕЧИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Внутренняя речь достаточно хорошо изучена со структурной, стилистической, коммуникативной точек зрения. Так, в докторской диссертации Ю. М. Сергеевой (2009)² выделены основные формы внутренней речи (внутренний монолог, внутренний диалог и простое внутреннее реплицирование), описаны пять основных типов адресата интраперсонального общения (второе я индивидуума – либо рациональное, либо эмоциональное начало его личности; отсутствующий собеседник; потенциальный собеседник; воображаемый собеседник; наадресат); представлены типы внутренней речи с точки зрения семантики: диктемы-повествования, диктемы-описания, диктемы-рассуждения; рассмотрены также функции внутренней речи в художественном тексте: психологические, сюжетно-композиционные и речехарактеризующие. Однако материалом исследования в этой диссертации является не целый текст, а текстовые фрагменты.

И. В. Артюшков в своей докторской диссертации (2004)³ рассматривает внутреннюю речь как сложное, многоплановое явление, изучая его в психологическом, психолингвистическом, литературоведческом и лингвистическом аспектах. Особое внимание он уделяет разграничению смежных текстовых категорий, таких как несобственно-прямая речь, внутренний монолог, поток сознания. Основываясь на работах психолингвистов, он приходит к выводу, что внутренняя речь и поток сознания представляют собой способы изображения разных стадий речемыслительной деятельности персонажей:

«С помощью художественного “потока сознания” изображается психически нерасчлененный поток сознания и подсознания как начальная стадия речемыслительной деятельности, а с помощью художественной внутренней речи – внутреннее говорение как заключительная стадия естественной ВР (внутренней речи. – Т. П.)»⁴.

Идея различения разных стадий речемыслительной деятельности как художественного приема находит свое развитие в исследованиях верлибра. Так, например, в поэзии Егора Летова исследователи находят отражение довербального и вербального этапов развертывания внутренней речи, что проявляется в система сбоев и ошибок, в основе которых лежит неправильное грамматическое расщепление исходного смыслового сгустка, внутреннего слова [10: 276]. Исследование верлибра для нас особенно интересно, так как внутренняя речь в романе «Адвент» имеет форму верлибра.

Исследователи проявляют интерес к композиционно-синтаксическому взаимодействию внешней и внутренней речи. Здесь можно назвать статью И. А. Мартыановой, посвященную выявлению способов взаимодействия внешней и внутренней речи персонажей в романе И. С. Тургенева «Отцы и дети». Автор приходит к выводу, что эти формы обусловлены динамикой взаимоотношений персонажей и наиболее сложно представлены в диалогах, построенных на диссонансе или унисоне внешней и внутренней речи героев [7].

Перспективным представляется подход к изучению внутренней речи как способа организации художественного дискурса, когда внутренняя речь становится структурным и смысловым элементом композиции романа. Так, в статье С. Ю. Лавровой и Л. А. Ермаковой исследуется роль внутренней речи персонажа в романе Кадзуо Исигуро «Остаток дня». Авторы доказали, что внутренняя речь персонажа коррелирует с проспекцией и ретроспекцией текста, выступая основной формой повествования [6].

Сравнивая хронотопы двух уровней – хронотоп реальной жизни персонажа в координатах (шесть дней путешествия по Англии) и хронотоп воспоминаний дворецкого, исследователи выявляют дискурсивные слова, связующие данные повествования, а также отмечают преобразование содержательно-фактуальной информации хронотопа реальной жизни в содержательно-концептуальную в хронотопе внутренней речи персонажа. Данное наблюдение позволяет им выявить концептуальный и коммуникативный аспекты в организующей роли внутренней речи персонажа художественного дискурса [6: 102].

Таким образом, фокус исследований внутренней речи персонажа смещается в настоящее время с изучения ее форм и типов на изучение внутренней речи как элемента композиции художественного произведения.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Роман К. Букши «Адвент» включает три субъектных сферы: субъектная сфера недиегетического повествователя (повествование от 3-го лица, не принадлежит миру текста) – субъектная сфера героя (Костя) – субъектная сфера героини (Аня). Субъектная сфера дочери Стеши (6 лет) включается в субъектную сферу повествователя. Все три субъектные сферы представлены отдельными текстовыми фрагментами, имеют свое четкое структурное место. В романе 15 глав без названий, которые строятся по одному принципу: глава графически делится на хронотоп повествователя и хронотоп персонажа тремя звездочками. Начинается глава с хронотопа повествователя (хронотоп 1), рассказывающего о повседневной жизни молодой семьи в ожидании Рождества, хронотоп определен четырьмя неделями Адвента и местом – квартира и Санкт-Петербург, пространство, ограниченное дорогой в детский сад и обратно и пешей доступностью – Фонтанка, Васильевский остров, автобус, на котором Аня каждый день отвозит Стешу в детский сад. Хронотоп 1 связан с рутинной повторяемостью событий повседневной жизни, для него типичны маркеры повседневности и повторяемости *как обычно, как всегда*:

«Костя, скрючившись, *как обычно* (здесь и далее курсив наш. – Т. П.), на матрасе, покрывал листы принтерной бумаги ровными иксами и почти бесхвостыми игреками» (5)⁵.

«Стеша больше любила стоять, а не сидеть, потому что места им *обычно* уступали там, откуда Стеша не могла видеть мир в окне. Здесь, стиснутые толпой, они *обычно* и проезжали четыре длинные питерские остановки (через Мариинку и площадь Труда на Благовещенский мост, оттуда на Кадетскую линию)» (25).

Актуальные события субъектной речи повествователя связаны с описанием подготовки семьи к Рождеству (украшение дома, покупка елки, пение рождественских псалмов), жизнью ТСЖ (собрание ТСЖ, сброс снега с крыши), болезнью Стеши (приход доктора). В хронотопе повествователя нет никакой истории, которую стоило бы рассказать. Все истории разворачиваются в хронотопе героев. Контраст между внешней и внутренней жизнью героев и составляет основной композиционный прием, помогающий интерпретировать смысловую структуру романа. Хронотоп героев (хронотоп 2) связан с их внутренним миром и представлен в тексте внутренней речью, которая обращена к прошлому, ассоциативно связанному с настоящим. Каждый фрагмент внутренней речи посвящен друзьям, случайным знакомым, однокурсникам из прошлого, их жизненным историям. Хронотоп героев охватывает разные временные планы (детство – юность), разные топосы (семья – поселок – Петергоф – Украина). Сюжетно обращение к этим историям связано с «собираем смеха из прошлого», содержательно-концептуально – с попыткой определить себя, свое я, самоидентификацией героев, которые потеряли гармоническую связь с окружающим миром и друг с другом, ощущение ценности жизни.

Внутренняя речь в романе отделена от речи повествователя графически тремя звездочками и оформленной лесенкой. В каждой главе речь повествователя и внутренняя речь героев занимают равное место (по 8–10 страниц). В каждой из глав внутренняя речь героев чередуется. Главы 1, 3, 5, 7, 9, 11, 13, 15 включают внутреннюю речь Кости, а главы 2, 4, 6, 8, 10, 12, 14 – внутреннюю речь Ани. В основном это монологическая внутренняя речь, обращенная к самому себе (Аня), и диалогическая внутренняя речь (разговор с мысленным собеседником у Кости).

Смысловая функция внутренней речи героев – раскрытие процесса психологического изменения героев от депрессии, раздражения к обретению спокойствия и радости, причем у Кости это происходит путем размышления, а у Ани – путем чувствования. Данные линии постижения своего я в мире заданы в первой главе романа в хронотопе повествователя (диалог между героями):

«– Может, тебе поможет, если ты опять будешь что-нибудь собирать? – сказала Аня.

Это был давний диалог, реплики в нём были редкими, раз в несколько дней, но Костя понял.

– Смех? – пожал плечами он.

Раньше Костя всё время что-нибудь коллекционировал: то винные этикетки, то люки (фотографировал, когда ездил на международные конференции), но чаще

всего – что-нибудь нематериальное, например, ошибки и описки.

– Анекдоты?

– Нет, сам смех. Вот эти две дамы смеялись, их смех – экспонат коллекции.

– Мне кажется, вокруг нас мало кто смеётся.

– Можно из прошлого всякий смех вспомнить, – сказал Костя уже нехотя. На самом деле ему не хотелось ничего собирать, а про смех он предложил так просто.

– Да какая разница, что. *Главное, чтобы ты не думал без конца эти мысли.*

– Да я и не без конца, – сказал Костя. – Я только иногда. *Ты же тоже говорила, что думаешь про что-то, про что не хочешь думать.*

– *Не совсем,* – возразила Аня. – Я говорила только, что я чувствую, как будто я в тупике. *Чувствую, а не думаю»* (11–12).

Основная функция внутренней речи Кости – осмысление себя на фоне других, при этом Костя ощущает свою отстраненность, занимает позицию наблюдателя как по отношению к себе, так и другим, он не умеет выражать чувства, но остро их ощущает. Из речи повествователя читатель узнает, что у Кости была «такая привычка: мысленно останавливаться на всём происходящем ещё раз, а лучше даже несколько раз, а попутно вспоминать то, что происходило когда-то» (46). Главными точками его воспоминаний становятся описание моментов самоидентификации, которые произошли в прошлом на фоне какого-то случая. Так, Костя размышляет о своей неспособности выразить чувства:

«Костя частенько думал о том как бы ему сказать Маше *о своём чувстве* но тут он справедливо прозрел системную ошибку *нельзя говорить целому человеку о чувстве к его частям* Костя чувствовал, что если говорить честно он отделял Машу от её тела, от частей её тела её природу – от неё самой *он не мог сказать о своём чувстве»* (22).

Он фиксирует свою неспособность разделить общие чувства со всеми:

«и только Костя нет ни тогда, ни сейчас он не смеялся тогда и сейчас не смеётся и никто этого не видел, не замечал» (23)

Во всех ситуациях он остается наблюдателем:

«ну а Костя как всегда смотрел на это со стороны Костя вообще всегда смотрел на всё со стороны а сам предпочитал, чтобы на него никто не смотрел ни со стороны, ни вообще» (56).

Главными экзистенциальными темами размышлений Кости являются жизнь и смерть, переживание травматического опыта, связанного с са-

моубийством близких (отца, Веро). Тема смерти, «устранение реальности», «существование материи», чувство вины «перед всей материей, которая сопровождает человека на всем его пути» – главные темы внутренних монологов Кости, в этих внутренних монологах появляется я говорящего:

«так какая разница, что я такое
 “есть я или нет”
 ничего не изменится, буду ли я в Канаде или там,
 где сейчас Веро
 всё равно то, что на самом деле есть “я”,
 единственно ценное, – это мои работы или то, что
 можно помнить
 когда нет этого, то нет и меня,
 даже если материя продолжает существовать
 и, может быть, это лучше всего – избавиться
 от здешних тревог, от вины перед всей материей
 от вины, которая сопровождает
 человека на всём его пути
 и которую он тащит и копит, как мусор,
 и нет места, где бы он мог избавиться
 или во что-то новое переработать эту тяжесть» (60).

Размышляя о возможности-невозможности предотвратить самоубийство отца, Костя думает о цикличности жизни, обеспечивающей вечное движение, и о свободе-несвободе. Свобода у него идет в одном ряду со смертью:

«просто выход был бы в том, чтобы всё время
 длить струйку
 чтобы не кончался шампунь, горячая вода
 и все были бы дома
 но сбой – и всё пошло не так
 кончился вечный цикл, годовой круг
 прыжок в сторону – наступила *свобода, смерть*»
 (95).

К 13-й главе Костя преодолевает свое состояние депрессии, выход из депрессии описывается в хронотопе рассказчика. Выходу из депрессии дает толчок выход на крышу, куда его позвал управдом сбрасывать снег:

«Он чувствовал холод и усталость, и ему как будто кто-то говорил ласково и строго: “Тебе холодно, ты устал”. Тревога Кости разошлась, но откуда-то возникло другое, давно не испытанное им *чувство трепета, робости, покорности и покоя*. Внутри *разжались железные тиски*. *Растворился ужас последних недель*, стоявший в нем замёрзшим столбом. Костя стоял, дышал, смотрел и мёрз. Всё вокруг превращалось в некую *спокойную и счастливую страну, налитую густым минорным воздухом*. Костя даже знал от Ани, что это *симинор, небесный*. Это была *страна не без неба, страна с непустым множеством небес*. Верх стал центром тяжести, и потому Костя *спокойно, свободно* стоял у края крыши; пустота рядом *не была тяжёлой, не тянула вниз*, да и не была она пустотой, а лишь самой дальней от неба частью неба, самой далёкой, разреженной, почти незаметной голубиной, скорее серебристой, чем голубой, но всё же и в ней были частицы неба, которое Костя

здесь, близко к нему, ощущал густым и насыщенным» (230–231).

Интересен прием, используемый К. Букшей: выход из депрессии передается с внешней точки зрения в речи повествователя. Начиная с главы 13 объем внутренней речи героя сокращается, она уже занимает три-четыре страницы, и заканчивается роман описанием состояния Кости в хронотопе повествователя – герой обретает способность чувствовать радость, близость с семьей, любовь:

«“Я лежал в глубинах ночи смертной, ты стал моим солнцем. Ты дал мне свет, жизнь, радость. О солнце веры, как прекрасны твои лучи!” – Костя увидел, как изменилось лицо Ани (по нему проходил свет огоньков с ёлки – жёлтый-красный-синий-зелёный). “Я смотрю на тебя с радостью и не могу отвести взгляда”, – Аня смотрела на Костю, Нина – на то, как Стеша и Серёга танцевали, неуклюже, как два робота, а Костя смотрел на всё происходящее, на всё на это, но не из себя, а из той синевы, которая теперь установилась в нём вместо прежней тоски и ужаса. “О, если бы мой разум был бездной, а душа моя – бескрайним морем, тогда бы я смог объять тебя!”» (285–286).

Таким образом, формы изображения чужой речи – внутренняя речь, несобственно-прямая речь, прямая речь – имеют в романе смыслообразующую функцию: выход из депрессии передается выходом во внешнюю речь, в диалог.

Героиня романа Аня, как уже было сказано, не мыслит, а чувствует. Ее внутренняя речь носит часто не характер размышлений (хотя и они, конечно, есть), а характер картинок-воспоминаний о своих подругах, историй случайных-неслучайных отношений, выхода из этих отношений, истории женского соперничества, детской травли. Рефлексия героини передается несобственно-прямой речью в хронотопе повествователя. Для несобственно-прямой речи Ани характерны размышления над ролью ритуалов, повторяемости, цикличности, которые ее раздражают:

«Аня огляделась. Мимо, покачиваясь, проплывали тёмные заснеженные фонари. Ритуал дня продолжался и без Стеши: сейчас Аня приедет домой, заварит кофе, сядет работать, сделает часть работы, пообедает, затем начнёт смеркаться, затем ещё часть работы и прогулка до детского сада, потом вечер во всех его заранее известных подробностях. Можно, например, напечь блинов, и тогда возникает свой *ритуал*. Если закрыть глаза, можно представить себе, как ощущается консистенция теста, как оно сопротивляется ложке при перемешивании, как затем его зачёрпываешь, с какой эмпирически точной скоростью оно льётся на сковороду. Далее, если продолжать думать в эту сторону, можно легко представить себе, как продолжается жизнь, как *привычки и ритуалы снова и снова воспроизводятся*, немного видоизменяясь (вставляешь челюсть, проглатываешь таблетку, видишь

перед собой привычную сетку трещин на стене), и в конце концов завершаются смертью, но так и не обретают...» (28–29).

Аня находится «в тупике» как раз из-за этой повторяемости, в которой она не видит смысла. Внутренняя речь передает ее состояние:

«и вообще: что-то ведь было, обещало, брезжило
вроде что-то сбылось – не то чтобы ничего
всё вроде бы не так уж плохо
откуда же это ощущение конца, тупика
почему кажется, что ничего больше не будет
кроме вечного повторения,
из которого никуда не выскочить
и можно ли вообще из этого выскочить
и если да – то куда
есть ли что-то ещё, кроме всего этого
и что с этим делать» (41–42).

Для Ани характерна эмпатия. Она чувствует состояние Кости и старается как-то помочь, но понимает, что рано или поздно это (самоубийство мужа) может случиться. Именно во внутренней речи Ани сильны мотивы свободы и смерти. Опасаясь, что ее муж может решиться на самоубийство, она рассуждает об этом сама с собой:

«Аня отлично знала, как приходят в голову
решения о свободе
она ведь тоже когда-то была свободной,
даже слишком
вот и боялась теперь, что кто-то из них может
принять решение о свободе и о смерти
Костя, например» (71).

Мотив свободы развивается и во внутренних монологах Ани в главах 8, 10, 14:

«вот сейчас ты ещё не думал, что свободен
и вдруг свобода разверзается где-нибудь
слева от тебя – прыгай!» (74)
«как только твоя собственная свободная воля
начинает осуществляться
так сразу перестаёшь существовать ты сам» (74).
«потому и были страшны Ане сейчас
эти повторяющиеся зимние дни
что вместо них были только свобода, смерть
их можно было выбрать в любой момент» (79).

В 12-й главе внутренняя речь героини оформлена тоже лесенкой, но она представляет собой то ли реальный, то ли желаемый разговор с Костей ночью. Этот диалог имеет поворотный момент в выходе из тупика Ани. Внешне это рассказ о том, как она выкурила шесть сигарет подряд и потеряла сознание, невысказанное – это история о потере ребенка:

«– А это не тогда... Именно тогда же.
– Да я не поэтому, я вообще не переживала, – прошептала Аня. – Денег не было, срок был ещё микроскопический... недели две... не бери в голову.
Костя не шелохнулся. В горле пересохло» (225).

В 14-й главе нарушение запретов как путь к свободе включено в хронотоп повествователя в виде заключенной в скобки несобственно-прямой речи героини. После ссоры с воспитателем и ухода из детского сада состояние героини описывается как выход на свет из тупика:

«– Стеша, одевайся, – приказала Аня. – Сегодня ты в сад не идёшь. Врача я перенесу, а мы сейчас пойдём завтракать в кафе, гулять у Академии, снеговика лепить. И потом домой.

Стеша выпучила глаза. Она просто не знала, что сказать. Это была такая радость, как будто солнце взошло зимним утром. Аня наслаждалась и мучилась, ей хотелось плакать и смеяться одновременно, и она так и сделала – спускаясь по лестнице, беззвучно расплакалась, а когда они бежали через двор к воротам, рассмеялась почти в голос. Они бежали наперегонки, Стеша специально падала в снег, хрюкала и повизгивала от радости, как поросёнок.

(И не то чтобы свобода всегда была счастьем; просто свобода существовала не отдельно; она светилась в щелях повседневного существования, она вводила из него наружу – на секунду или навсегда – неважно, ведь на самом деле никакого времени не было)» (254).

Интересно, что внутренний монолог в этой главе посвящен детскому травматическому опыту героини и ее невысказанному прощению своих детских гонителей. В 14-й главе нет избраженной внутренней речи, есть диалог-примирение с воспитательницей детского сада и диалог с мужем о будущем ребенке.

Героиня так же, как и ее муж, приходит к преодолению депрессии, к обретению гармонии с миром, хотя бы временному.

Таким образом, внутренняя речь героев позволяет читателям наблюдать за внутренним преобразованием состояния героев, посмотреть на их противоречивый внутренний мир и узнать себя. Как считают психологи, одна из причин востребованности направления новой искренности в современном мире (как в литературе, так и в массовой медиа) – это возможность диагностировать собственное состояние. «Получив “объяснение” своим переживаниям в виде диагностической категории, человек удовлетворяется и в дальнейшем использует диагноз для легитимизации своего состояния и поведения»⁶. В этом можно видеть и коммуникативную функцию внутренней речи в произведениях современной литературы.

Роман К. Букши не дает ответов, он адресован вдумчивому читателю, который выведет смысл из сложной композиционной структуры романа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, главной темой романа «Адвент» Ксении Букши является тема репрезентации и поиска своей идентичности, разворачивающаяся во внутренней речи персонажа и в несоб-

ственно-прямой речи героя в субъектной сфере повествователя. Главный сюжет романа развивается не во внешних событиях, а во внутренней речи героя, который пытается осознать цель своего существования.

Сложное композиционное построение романа с переплетением субъектных сфер повествователя и героев, оформленным с помощью разных способов – от свободного косвенного дискурса до записи неподготовленной внутренней речи в стиле вербатима, – увеличивает роль читателя в постижении смыслового целого. Наблюдение над развитием основных тем-мотивов романа (жизнь, смерть, свобода, я) в субъектной сфере повествователя и во внутренней речи героя

проясняет сюжетные линии, помогает найти объяснение бытовому поведению героев, описанному в субъектной сфере повествователя. Редкие диалоги между героями, большие паузы в диалоге, передаваемые графически – большими интервалами, чем во всем тексте, невыраженность реакций героев в диалоге (а только внутренняя рефлексия на услышанное «подумал» у Кости), в субъектной сфере повествователя контрастируют с развернутостью высказываний во внутренней речи героев. Преодоление душевного кризиса героев происходит через внутреннее проговаривание своих состояний и заканчивается выходом во внешнюю речь, дающую возможность диалога со своими близкими.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Социальность в литературе: новый поворот? Круглый стол // Знамя. 2019. № 11.
- ² Сергеева Ю. М. Внутренняя речь как особая форма языкового общения (на материале англоязычной художественной литературы): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2009. 35 с.
- ³ Артюшков И. В. Внутренняя речь и ее изображение в художественном тексте (на материале романов Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004. 46 с.
- ⁴ Там же. С. 3.
- ⁵ Здесь и далее цитируется роман: Букша К. Адвент. М.: Изд-во АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2021. 285 с.
- ⁶ Леонова К. Что такое «новая искренность» в интернете и как она изменила нашу жизнь // Стиль [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://style.rbc.ru/life/5b5997489a7947356f7d36f6> (дата обращения 10.12.2022).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барковская Н. В. Производственный роман 2010-х: трансформация жанра (К. Букша «Завод “Свобода”, И. Глебова «Чертежи Жерве») // Уральский филологический вестник. 2015. № 2. С. 127–141.
2. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972. 397 с.
3. Гладко М. А. Лингвистическая репрезентация «новой искренности» и чувствительности в медиапространстве // Terra Linguistica. 2022. Т. 13, № 4. С. 7–21. DOI: 10.18721/JHSS.13401
4. Иссерс О. С. Грани «новой искренности» в современной политической коммуникации // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 6. С. 216–227. DOI: 10.25205/1818-7919-2020-19-6-216-227
5. Казначеев С. М. Судьбы нового реализма в России и за рубежом // Вестник Института мировых цивилизаций. 2017. № 15. С. 100–107.
6. Лаврова С. Ю., Ермакова Л. А. Внутренняя речь персонажа как основной способ организации художественного дискурса Кадзуо Исигуро (на материале романа «Остаток дня») // Научный диалог. 2021. № 6. С. 92–112. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-92-112
7. Мартыянова И. А. Композиционно-синтаксическое взаимодействие внешней и внутренней речи персонажей в романе И. С. Тургенева «Отцы и дети» // Вестник Череповецкого государственного университета. 2020. № 4 (97). С. 149–160. DOI: 10.23859/1994-0637-2020-4-97-13
8. Минаева Е. С. Ветер свободы. Ксения Букша // Вопросы литературы. 2022. № 6. С. 32–46.
9. Полуляшина Д. И. Репрезентация кризиса идентичности в книге Ксении Букши «Открывается внутрь» // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 2. С. 198–203. DOI: 10.34216/1998-0817-2020-26-2-198-203
10. Темиришина О. Р. Грамматика поэта. Структуры внутренней речи в лирике Егора Летова // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 80. С. 269–290. DOI: 10.17223/19986645/80/13
11. Тюпа В. И. Нарратология идентичности // Поэтика и прагматика нарративных практик: Коллективная монография / Отв. ред. В. И. Тюпа; Редкол. Е. Ю. Козьмина, О. В. Федунина. Екатеринбург: ИНТМЕ-ДИА, 2019. С. 81–104.
12. Харитонов О. А. Композиционный полифонизм в общеэстетическом контексте // Philologos. 2010. № 3-4 (7). С. 27–34.
13. Харитонов О. А. Концепция полифонического романа М. М. Бахтина в аспекте современной нарратологии // Philologos. 2022. № 2 (53). С. 90–96.
14. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2008. 304 с.
15. Timmer N. Do you feel it too? The post-postmodern syndrome in American fiction at the turn of the millennium. (Postmodern studies). Amsterdam; New York, 2010. 390 p.

Поступила в редакцию 01.02.2024; принята к публикации 01.03.2024

Tatiana I. Popova, Dr. Sc. (Philology), Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-8131-2158; t.popova@spbu.ru

INNER SPEECH IN THE COMPOSITIONAL STRUCTURE OF KSENIA BUKSHA'S NOVEL *ADVENT*

Abstract. Inner speech plays a crucial role in the structural and semantic composition of Ksenia Buksha's literary works. The reported research is important because it explores how the speech structure is organized in Buksha's novel *Advent* as a reflection of modern literature's trend towards narrative identity strategy and as a manifestation of the author's unique writing style. The aim of the article is to define the role of inner speech in the compositional structure of Buksha's novel and to describe the relationship between the subjective spheres of the narrator and the characters. The study employs linguistic text analysis, as well as contextual and conceptual analysis. Through these research, three distinct subjective spheres in the novel were identified: the subjective sphere of the non-diegetic narrator – the subjective sphere of the hero (Kostya) – the subjective sphere of the heroine (Anya). All stories unfold within the characters' chronotope. The contrast between the characters' external and internal lives serves as the main compositional technique that helps to interpret the semantic structure of the novel. The characters' chronotope is connected with their inner worlds and is represented in the text by their inner speech, which refers to the past associated with the present. For the purpose of plot development, the characters' stories are used for “collecting laughter from the past”, while thematically and conceptually the novel delves into the self-definition and self-identification attempts of the heroes who have become disconnected from the world and each other, losing sight of the value of life. The semantic function of the characters' inner speech is to convey their psychological transformation from depression and aggravation to peace and joy, with Kostya's journey portrayed through reflection, and Anya's – through sensual experience. The novel's use of various forms of speech – internal, reported, and direct – serves to shape meaning by illustrating the characters' progression from depression to dialogue (external speech) as a means of overcoming their inner struggles.

Key words: character's inner speech, narrator's voice, compositional structure of novel, Ksenia Buksha, *Advent*

For citation: Popova, T. I. Inner speech in the compositional structure of Ksenia Buksha's novel *Advent*. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(3):83–90. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1028

REFERENCES

1. Barkovskaya, N. V. Occupational novel of 2010s: genre transformation (K. Buksha (“Factory Svoboda”), I. Glebova (“Gervais's Technical Drawing”)). *Ural Philological Bulletin*. 2015;2:127–141. (In Russ.)
2. Bakhtin, M. M. Problems of Dostoevsky's poetics. Moscow, 1972. 397 p. (In Russ.)
3. Gladko, M. A. Linguistic representation of “new sincerity” and sensitivity in media space. *Terra Linguistica*. 2022;13(4):7–21. DOI: 10.18721/JHSS.13401 (In Russ.)
4. Issers, O. S. Dimensions of a “new sincerity” in modern political communication. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2020;19(6):216–227. DOI: 10.25205/1818-7919-2020-19-6-216-227 (In Russ.)
5. Kaznacheev, S. M. The fates of new realism in Russia and abroad. *Bulletin of the University of World Civilizations*. 2017;15:100–107. (In Russ.)
6. Lavrova, S. Yu., Ermakova, L. A. Character's inner speech as effective way of literary discourse organization (novel “The Remains of the Day” by Kazuo Ishiguro). *Nauchnyi dialog*. 2021;6:92–112. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-92-112 (In Russ.)
7. Martianova, I. A. Compositional and syntactic interaction of characters' external and internal speech in I. S. Turgenev's novel “Fathers and Sons”. *Cherepovets State University Bulletin*. 2020;4(97):149–160. DOI: 10.23859/1994-0637-2020-4-97-1 (In Russ.)
8. Minaeva, E. S. Wind of freedom. Ksenia Buksha. *Voprosy literatury*. 2022;6:2–46. (In Russ.)
9. Polulyashina, D. I. Representation of identity crisis in Kseniya Buksha's book “Opens Inward”. *Vestnik of Kostroma State University*. 2020;26(2):198–203. DOI: 10.34216/1998-0817-2020-26-2-198-203 (In Russ.)
10. Temirshina, O. R. Poet's grammar. Structures of inner speech in Egor Letov's lyrics. *Tomsk State University Journal of Philology*. 2022;80:269–290. DOI: 10.17223/19986645/80/13 (In Russ.)
11. Tiupa, V. I. Narratology of identity. Poetics and pragmatics of narrative practices: Collective monograph. (V. I. Tyupa, E. Yu. Kozmina, O. V. Fedunina, Eds.). Ekaterinburg, 2019. P. 81–104. (In Russ.)
12. Kharitonov, O. A. Compositional polyphony in the general aesthetic context. *Philologos*. 2010;3-4(7):27–34. (In Russ.)
13. Kharitonov, O. A. The concept of M. M. Bakhtin's polyphonic novel in the aspect of modern narratology. *Filologos*. 2022;2(53):90–96. (In Russ.)
14. Schmid, W. Narratology. Moscow, 2008. 304 p. (In Russ.)
15. Timmer, N. Do you feel it too? The post-postmodern syndrome in American fiction at the turn of the millennium. (Postmodern studies). Amsterdam; New York, 2010. 390 p.

Received: 1 February 2024; accepted: 1 March 2024

ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА ВЕСЕЛОВСКАЯ

кандидат филологических наук, научный сотрудник лаборатории когнитивных и лингвистических исследований Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

(Москва, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-5163-5650; veselovskayats@gmail.com

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ КАК МАРКЕР СЛОЖНОСТИ ТЕКСТА (по данным учебников по русскому языку как иностранному)

А н н о т а ц и я . Представлено описание учебников по русскому языку как иностранному с позиции социокультурного содержания. Разработанный подход позволяет выявить основные стратегии, которые применяются в учебных материалах при предъявлении культурно-маркированных единиц разного уровня с учетом направленности на реципиента. При проведении исследования использовался комплекс методов: критический дискурс-анализ, сопоставление, семиотический анализ, а также контекстуальный анализ. Источником фактологической базы послужила собранная и размеченная коллекция учебников по русскому языку, изданных за последние 20 лет в России и за рубежом. Описываются импликации разноуровневых социо- и лингвокультурных единиц в учебных текстах. Такие единицы являются потенциальными маркерами усложнения текста и соответственно нуждаются в специфичном комментировании. Анализ показал дисбаланс в предъявлении исторических и современных сведений о России и русской культуре, а также была замечена тенденция к большему освещению гуманитарной сферы, чем физико-математической или естественно-научной. Результаты исследования позволяют сформулировать рекомендации к содержанию социокультурного компонента в современных учебниках, адресованных инофонам с разным уровнем владения русским языком, а также отобрать стимульный материал для подтверждения полученных выводов экспериментальными методами.

К л ю ч е в ы е с л о в а : социокультурный компонент, лингвокультурный комментарий, дискурсивные параметры текста, сложность текста, культурно-маркированная лексика

Б л а г о д а р н о с т и . Работа выполнена при финансовой поддержке госзадания, проект FZNM-2024-0003 «Комплексное изучение когнитивно-эмоциональных и лингвистических факторов коммуникативной деятельности человека в современном образовательном контексте».

Д л я ц и т и р о в а н и я : Веселовская Т. С. Социокультурный компонент как маркер сложности текста (по данным учебников по русскому языку как иностранному) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 3. С. 91–97. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1029

ВВЕДЕНИЕ

Учебник является своеобразной платформой, которая знакомит студентов-инофонов с особенностями русской культуры и коммуникативного поведения русских. Зачастую студенты, изучающие русский язык как иностранный (РКИ) вне языковой среды, ограничены в доступе к структурированной лингвокультурной информации и получают представление о России только посредством учебника (особенно это актуально для регионов без высокоскоростного интернета). Транслируемый в учебниках и учебных пособиях набор социо- и лингвокультурных характеристик играет важную роль в формировании картины мира студентов. При этом предлага-

емый материал должен соответствовать уровню сформированных навыков инофонов, чтобы не стать дополнительным препятствием на пути овладения русским языком. В этой связи особый интерес вызывает исследование стратегий предъявления сведений социокультурного характера в современных учебниках РКИ в ракурсе измерения сложности учебных текстов.

Известно, что сформированные коммуникативные навыки помогают реципиентам более полно воспринимать текст, декодировать смыслы, реализуемые автором, в том числе при межкультурном общении [2]. В работе иностранные обучающиеся рассматриваются как особая категория реципиентов, которые отличаются недоста-

точной сформированностью коммуникативных навыков по сравнению с носителями русского языка. Это приводит к тому, что тексты на русском языке в учебниках понимаются ими не полностью из-за наличия социо- и лингвокультурной информации. Социокультурный фон, импликации лингвокультурных характеристик в учебных текстах осознаются и декодируются носителями без видимых затруднений в большинстве случаев, но вызывают сложности понимания и восприятия у инофонов. Соответственно подобная информация нуждается в дополнительных лингвокультурных комментариях в рамках образовательного процесса. Таким образом, данные параметры можно рассматривать в качестве маркеров дискурсивной сложности текста.

Целью настоящего исследования является описание социо- и лингвокультурных единиц как маркеров сложности в учебных текстах по русскому языку для инофонов.

СОСТОЯНИЕ ИЗУЧЕНИЯ ВОПРОСА

Анализ социокультурного содержания учебников иностранного языка (включая РКИ) имеет давнюю традицию в рамках лингвострановедения [3], [8] и др. Исследовательский фокус был направлен на включение в учебные материалы лингвокультурных единиц. Большой пласт работы был сосредоточен на фундаментальном описании особенностей русской концептосферы и включении достижений из этой области в практику преподавания РКИ. При этом речь идет о специальным образом созданных текстах о традициях, обычаях или особенностях русской культуры (например, *почему русские не улыбаются, особенности русского застолья, национальные праздники* и т. д.). Такие тексты традиционно включаются в учебные пособия. Также в рамках данного направления изучаются прецедентные (художественные) тексты, вырабатываются принципы их адаптации и комментирования для разных целевых аудиторий.

Социокультурный компонент также связан с конструированием образа России в учебниках по РКИ за счет включения сведений энциклопедического характера и изучается в рамках концепции создания образа страны (положительного или негативного) [4], [6]. Данные исследования в большей степени фокусируются на анализе текстов информационного характера, основной задачей которых является представление какого-либо значимого для России события, происшествия, объекта или личности.

Существует ряд работ, реализующих межкультурный подход к анализу учебников [1], [11],

[13]. Межкультурное обучение мыслится как образовательно-развивающий процесс, в ходе которого обе культуры (родная и русская) играют существенную роль, проявляются как культурные удаления, так и культурные сближения, в результате чего возникает условно называемая *третья культура*. Она характеризуется новым взглядом на окружающую действительность, индивидуальными поведенческими моделями и отличается промежуточным положением между родной и русской культурой. Данные исследования в большей степени ориентированы на анализ представленности разных культур в учебнике в их взаимосвязи и взаимодействии.

Также проводится анализ на материале корпусов учебников, где социокультурная информация подвергается статистической обработке [10], [12]. При этом методы корпусной лингвистики предлагают измерения на основе точных параметров сложности текста, которые влияют на его читабельность, то есть понятность текста и легкость его восприятия в процессе чтения. Работы в области сложности текста сфокусированы на поиске предикторов сложности и критериев трудности восприятия текста. При оценке сложности текста (в том числе образовательного) создаются шкалы уровней сложности, ориентированные на разные категории реципиентов. В основе таких шкал лежит список параметров, составляющих сложность каждого уровня. В частности, такой принцип положен в основу созданного в лаборатории когнитивных и лингвистических исследований Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина инструмента измерения читабельности учебно-го текста на русском языке «Текстомер»¹.

В настоящее время ученые смогли предложить сложные модели, которые измеряют сложность текста с учетом семантических и дискурсивных параметров [9]. Дискурсивные показатели сложности текста обладают большей интерпретируемостью, чем метрики первой волны исследований читабельности, связанные с анализом лексического компонента (количество слов и предложений, длина слов и предложений, частотность лексики и т. д.) [5]. Такие метрики требуют более глубокого анализа текстового материала, но при этом они несомненно открывают большие возможности практического приложения результатов в виде четких рекомендаций по созданию текстов для конкретной целевой аудитории. Однако включение культурно-маркированных единиц как маркеров сложности учебного текста на уровне дискурса в проана-

лизированных нами работах не представлено в достаточной степени. При этом исследователи показывают, что «эффективными моделями сложности текста являются только модели, ориентированные на конкретную категорию реципиентов» [7: 326]. Иными словами, на современном этапе изучения параметров сложности необходима не только типология текстов, но и типология реципиентов. В фокусе настоящей работы находится социокультурный компонент учебника как один из «высокоуровневых» параметров, потенциально влияющий на сложность текста в образовательном контексте и соответственно на его восприятие разными категориями реципиентов (в нашем случае – иностранными студентами).

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ

Материалом исследования послужила коллекция учебников и учебных пособий, предназначенных для обучения русскому языку как иностранному, изданных в период с 2000 по 2023 год. Проведенное исследование носило поисковый характер, поэтому при отборе учебников предпочтение отдавалось наибольшему охвату разных стран (Вьетнам, Таиланд, КНР, Италия, Греция, Сербия, Нидерланды, США, Норвегия, РФ, Египет, Западная Африка, Иран, Япония, Перу), а также разных возрастных категорий обучающихся (учебники для детей младшего школьного возраста, для подросткового возраста, для категории взрослых учащихся). На втором этапе работы из подборки были исключены учебники русского языка, изданные для стран бывшего СССР, из-за потенциального влияния советской культуры на отбор социокультурных единиц и их восприятие. В финализированный отобранный список учебников и учебных пособий вошли учебники, которые включают наиболее яркие примеры культурно-маркированных единиц и позволяют выделить основания для общей классификации. Выбранный подход в отборе исследовательского материала позволил увидеть, что описанная проблематика свойственна в целом области преподавания РКИ и не является точечной проблемой, касающейся отдельных регионов или авторов.

Функциональная и содержательная сложность учебных текстов для инофонов обосновали применение общих исследовательских методов интерпретации, сопоставления и классификации, а также частных методов коммуникативно-дискурсивного и структурно-семантического анализа. Так, в работе широко использованы критический дискурс-анализ и контекстуальный анализ, которые позволяют выявлять взаимозависимость

лингвистических и социокультурных характеристик. При анализе материала на разных языках в учебниках (формулировки заданий, комментарии) для перевода привлекались носители этих языков из числа студентов Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина.

Для объективации данных в работе приводятся усредненные значения, которые призваны обозначить общую тенденцию, а не отметить несовершенства конкретного авторского учебника или пособия.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Социокультурный компонент в учебных текстах

Среди основных проблем в области предъявления социокультурного компонента отметим нехватку текстов о современной культуре России или устаревание имеющихся, нехватку информации о городах России (кроме широко представленных Москвы и Санкт-Петербурга), информации о культуре других стран, где распространен русский язык (страны СНГ, русскоязычные диаспоры за пределами России). Визуальный компонент лингвострановедческих текстов нуждается в улучшении для увеличения интереса к теме и необходимости использования современных средств визуализации (QR-коды, онлайн-музеи и т. д.). Это особенно важно для мотивации студентов, изучающих русский язык вне языковой и культурной среды.

В качестве наиболее дефицитных сведений о современной России можно выделить сведения о молодежной культуре, событиях культурной жизни, событиях общественно-политической жизни, деятельности российского бизнеса, лидерах общественного мнения. Данная информация позволяет точнее обозначить единицы, способные вызывать трудности у студентов, изучающих русский язык. Особенно это актуально при написании учебника для учащихся из других стран. Авторы могут ошибочно предполагать дефолтное наличие определенного лингвокультурного и социокультурного фона у целевой аудитории и включать некоторые единицы, уже нуждающиеся в дополнительном пояснении.

Была разработана классификация единиц, которые включаются в текст и не комментируются отдельным образом. По всей видимости, такие единицы не рассматриваются авторами как фактор, значимо влияющий на восприятие и понимание текста инофонами. В ходе исследования были выявлены следующие типы социо- и лингвокультурных единиц на лексическом и дискурсивном уровнях текста: безэквивалентная лек-

сика (БЭЛ), историзмы, архаизмы, именованья предметов русской культуры, прецедентные имена, прецедентные феномены русской культуры, современная лексика. БЭЛ преимущественно представлена названиями традиционных видов народных промыслов, национальной одежды, блюд русской кухни (*ватрушка, оливье, борщ, щи, палехская шкатулка, дымковская игрушка*). Данный лексический набор входит в темы, которые включены в учебники («Продукты», «Сувениры», «Магазин», «Одежда», «Еда»). Пласт историзмов и архаизмов связан с советским прошлым (*пятилетка, социализм*), а также упоминается в текстах об истории России; прецедентные имена и феномены преимущественно представлены советскими песнями и фильмами, упоминаются деятели России, внесшие наибольший вклад в развитие государства, общества и культуры (освещается преимущественно гуманитарная сфера). Современная (актуальная) лексика появляется в учебных текстах эпизодично и связана преимущественно с IT-сферой. Примеры выявленных лексических единиц приведены в таблице.

Примеры культурно-маркированной лексики в учебниках

Examples of culture-specific vocabulary in textbooks

Тип лексики	Примеры
БЭЛ	борщ; оливье; палехская шкатулка; дымковская игрушка; павловопосадские платки; самовар; квас; морошка; окрошка, щи; ватрушка
Историзмы, архаизмы	пятилетка; социализм
Предметы русской культуры	огород; чулан; кирка; изба; валенки; икона; баня
Прецедентные имена, прецедентные феномены русской культуры	шоколад «Бабаевский»; картина «Богатыри»; «Анна Каренина»; «Война и мир»; Союзмультфильм; «Ну, погоди!»; «Евгений Онегин»; «Незнайка на Луне»; «Белое солнце пустыни»; «Лебединое озеро», Павел Третьяков; Виктор Васнецов; Андрей Рублев; Лев Николаевич Толстой; Пушкин; Сталин; Юрий Долгорукий; Александр III; Михаил Васильевич Ломоносов; Юрий Гагарин; Паустовский; Петр I; Антон Павлович Чехов Золотая рыбка; Снегурочка; Баба-яга; Конек-Горбунок; Муха-Цокотуха; «Валенки, валенки...»; «Калинка»; «Где эта улица, где этот дом...»; «Ой, цветет калина в поле у ручья...» Все пойдет как по маслу; Яблоко от яблони недалеко падает; Не в деньгах счастье; Лучше поздно, чем никогда; По одежке встречают, по уму провожают; Без труда не вынешь и рыбку из пруда; Любишь кататься – люби и саночки возить
Современная лексика	ноутбук; флешка; провайдер; веб-дизайнер; криптовалюта; блокчейн, мем

Указанные в таблице единицы однозначного декодируются носителями русского языка и не нуждаются в отдельном пояснении на смысловом уровне, но при этом вызывают затруднения у инофонов. Выделенные лексические группы потенциально являются предикторами сложности учебных текстов.

Кроме этого, в рамках исследования разработана и предложена классификация образовательных текстов в учебниках и типов комментария к ним. Не только конкретные единицы, но и целые тексты могут иметь повышенную сложность для инофонов. При создании текстов крайне важно комплексно анализировать весь материал в учебнике и учитывать когнитивную нагрузку при работе с социокультурным компонентом.

Оригинальный авторский текст

Текст (фрагмент текста) включен в учебник неизменным (например, поговорка или отрывок из русской сказки / художественного произведения, отрывок из песни, мультфильма, фильма – аутентичные тексты). Для восприятия такого текста необходимо объяснять контекст не только написания оригинального авторского текста, но и современный контекст его функционирования в языке и культуре. В комментарий необходимо помимо базовой информации включить примеры современного употребления текста и его автора(ов).

Адаптированный авторский текст

Текст корректируется с учетом уровня владения русским языком. При этом основная сложность связана с сохранением оригинального авторского замысла. Такой текст нуждается в пояснениях, указывающих на базовые характеристики текста (дата создания произведения, авторы). Анализ показал, что зачастую именно подобный тип комментариев представлен в учебниках на языке студентов.

Учебный текст

В учебный текст вставляются лексические единицы, которые не семантизируются и не сопровождаются заданиями, направленными на облегчение понимания. Такие тексты нуждаются в дополнительных комментариях, способных снижать или полностью нивелировать сложность текста, делая его доступным и понятным. При отсутствии такого рода объяснений дискурсивная сложность текста остается высокой, не-

смотря на низкие показатели лексико-грамматической и синтаксической сложности.

Лингвокультурное комментирование

Дискурсивный подход в исследовании позволяет успешно решать задачи по анализу и систематизации знаний об особенностях коммуникации в образовательном контексте за счет расширения спектра диагностических процедур, основанных на интеграции традиционных и современных методов обработки и интерпретации данных. При этом необходимо понимать, что речь идет об изучении единиц, подверженных структурной трансформации и функциональной изменчивости под воздействием общественно-культурных факторов.

Проведенная работа показала крайне низкую степень представленности лингвокультурных комментариев в учебниках. Например, упоминание произведения в учебных заданиях может снабжаться заметками на родном языке студента. В таком примечании зачастую указываются только дата создания и автор. Эти сведения не дают студентам возможности ощутить масштаб и значение произведения в русской культуре и не позволяют понять его место в современном контексте. Кажется целесообразным добавлять дополнительную информацию и описывать коннотации, которые соотносятся в русском языке и культуре с конкретными произведениями («Собачье сердце», «Война и мир», «Преступление и наказание» и др.).

Кроме указанных выше в качестве рекомендаций предлагается анализировать в учебных текстах соотношение следующих социо- и лингвокультурных единиц:

- частотные коллокации и их дополнительные значения, которые могут быть непонятны инофонам;
- упоминание дат, имен собственных и связанный с ними контекст;
- фразеологизмы;
- характеристика коммуникативной ситуации и коммуникативных ролей, которые могут быть представлены в рамках текстов;
- многозначные слова.

По итогу проведения такого сравнительно-сопоставительного анализа рекомендуется сформировать лингвокультурные комментарии по каждому пункту. При этом особенности, связанные с типографскими требованиями оформления учебных пособий, также накладывают ряд ограничений не только на оформление контента,

но и его объем. В таком случае можно предложить создание отдельного приложения к УМК наряду с методическими рекомендациями и аудиоматериалами. Это может быть особенно востребовано у преподавателей, которые долгое время не живут в России и не имеют возможности часто приезжать в страну. При этом цифровой формат представляется наиболее оптимальным, так как контекстуальное функционирование лингвокультурных единиц может быть легко скорректировано в связи с изменениями в коммуникативной практике.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящее время крайне важной проблемой остается обеспечение доступными и актуальными по содержанию и оформлению текстами инофонов, изучающих русский язык как иностранный, детей соотечественников, проживающих за рубежом в условиях ограниченной языковой среды, мигрантов, проживающих на территории Российской Федерации. Разработка образовательных и методических решений на основе научных данных вносит вклад в развитие социально-экономической сферы, а также способствует развитию международного сотрудничества России и становится гарантом обеспечения изучения, популяризации и распространения культуры, а также укрепления статуса русского языка как языка межнационального общения. Проведенное исследование вносит вклад в выявление дискурсивных метрик сложности учебного текста и их связи с процессами восприятия материала инофонами с различным уровнем сформированности коммуникативных навыков и компетенций.

Дальнейшую работу предполагается продолжить по двум направлениям: 1) более детальный анализ представленности описанных маркеров в учебниках; 2) разработка и проведение эксперимента с привлечением респондентов из числа целевой аудитории для проверки полученных данных. Подобная работа в будущем позволит предложить инструмент комплексной оценки образовательных текстов и сформулировать ряд рекомендаций авторам учебников и учебных пособий по русскому языку, издательствам, а также организациям, определяющим приоритеты в обеспечении преподавания русского языка по созданию наиболее оптимальных с точки зрения уровня сложности учебных текстов.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ <https://textometr.ru>.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердичевский А. Л. Как написать межкультурный учебник русского языка / Под ред. А. Л. Бердичевского, А. В. Голубевой. СПб.: Златоуст, 2015. 140 с.
2. Брагина Н. Г. Формирование культурного интеллекта: обучающие стратегии // Из практики преподавания русского языка как иностранного взрослым – II: Сб. науч. статей / Под ред. М. И. Хазановой. М.: РГГУ, 2022. С. 23–32.
3. Верещагин Е. М. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Под ред. Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова. М.: Рус. яз., 1990. 246 с.
4. Куликова Л. В. Миссия учебника по РКИ в формировании позитивной концептуальной картины мира о России // Политическая лингвистика. 2017. Т. 1, № 61. С. 53–59.
5. Лапошина А. Н., Лебедева М. Ю. Текстометр: онлайн-инструмент определения уровня сложности текста по русскому языку как иностранному // Русистика. 2021. Т. 19, № 3. С. 331–345. DOI: 10.22363/2618-8163-2021-19-3-331-345
6. Милославская С. К. Русский язык как иностранный в истории становления европейского образа России. М.: Флинта: Наука, 2012. 401 с.
7. Солнышкина М. И., Макнамара Д., Замалетдинов Р. Р. Обработка естественного языка и изучение сложности дискурса // Russian Journal of Linguistics. 2022. Т. 26, № 2. С. 317–341. DOI: 10.22363/2687-0088-30171
8. Фурманова В. П. Межкультурная коммуникация и лингвокультуроведение в теории и практике обучения иностранным языкам. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1993. 122 с.
9. Crossley S. A., McCarthy P. M., Duffy D. F., McNamara D. Toward a new readability: A mixed model approach // Proceedings of the 29th Annual Conference of the Cognitive Science Society. 2007. P. 197–202.
10. Kim J. Y., Lee J. Y., Kim J.-R. A synchronic lexical analysis of the South and North Korean English textbooks // Linguistic Science. 2017. Vol. 24, No. 2. P. 25–56.
11. Kramsch C. Context and culture in language teaching / C. Kramsch, Ed. Oxford: Oxford University Press, 1993. 295 p.
12. Lebedeva M., Veselovskaya T., Kupreshchenko O., Laposhina A. Corpus-based evaluation of textbook content: A case of Russian language primary school textbooks for migrants // Facing diversity in child foreign language education. Second language learning and teaching / J. Rokita-Jaśkow, A. Wolanin, Eds. Springer, Cham, 2021. P. 215–233. DOI: 10.1007/978-3-030-66022-2_12
13. Rubdy R. Selection of materials // Developing materials for language teaching / B. Tomlinson, Ed. London; New York: Continuum, 2003. P. 72–85.

Поступила в редакцию 15.01.2024; принята к публикации 01.03.2024

Original article

Tatyana S. Veselovskaya, Cand. Sc. (Philology), Research Associate, Laboratory of Cognitive and Linguistic Studies, Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russian Federation)
 ORCID 0000-0002-5163-5650; veselovskayats@gmail.com

SOCIOCULTURAL COMPONENT AS A MARKER OF TEXT COMPLEXITY (based on Russian as a foreign language textbooks)

Abstract. The article provides an overview of Russian language textbooks for foreign learners with specific focus on sociocultural content. This approach helps to identify the main strategies used in educational materials to present culture-specific units across various proficiency levels, tailored to the needs of the intended audience. The study employed various methods including critical discourse analysis, comparison, semiotic analysis, and contextual analysis. The data was drawn from a collection of tagged Russian language textbooks published over the past two decades in Russia and abroad. The study describes the implications of sociocultural and linguocultural units at different levels in educational texts, which serve as potential indicators of text complexity and require specific commentary. The analysis revealed an imbalance in the presentation of historical and contemporary information about Russia and Russian culture, as well as a tendency for greater coverage of humanities in comparison with mathematics or natural sciences. The findings of the study provide insights for drafting recommendations regarding the sociocultural content of contemporary

textbooks aimed at L2 Russian learners across different levels of language proficiency, as well as for selecting stimulus material to validate the conclusions through experimental methods.

Key words: sociocultural component, linguacultural commentary, text discursive parameters, text complexity, culture-specific vocabulary

Acknowledgements. The article was financially supported as part of the state research assignment (project FZNM-2024-0003 “A comprehensive study of cognitive-emotional and linguistic factors of human communication in contemporary educational context”).

For citation: Veselovskaya, T. S. Sociocultural component as a marker of text complexity (based on Russian as a foreign language textbooks). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(3):91–97. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1029

REFERENCES

1. Berdichevsky, A. L. How to write an intercultural textbook of the Russian language. (A. L. Berdichevsky, A. V. Golubeva., Eds.). St. Petersburg, 2015. 140 p. (In Russ.)
2. Bragina, N. G. Building cultural intelligence: teaching strategies. *The practices of teaching Russian as a foreign language to adult learners – II: Collection of articles*. (M. I. Hazanova, Ed.). Moscow, 2022. P. 23–32. (In Russ.)
3. Vereshchagin, E. M. Language and culture: Linguistic and country studies in teaching Russian as a foreign language. (E. M. Vereshchagin, V. G. Kostomarov, Eds.). Moscow, 1990. 246 p. (In Russ.)
4. Kulikova, L. V. Mission of the Russian as a foreign language course book in forming the positive conceptual picture of the Russian-speaking world. *Political Linguistics*. 2017;1(61):53–59. (In Russ.)
5. Laposhina, A. N., Lebedeva, M. Yu. Textometr: an online tool for automated complexity level assessment of texts for Russian language learners. *Russian Language Studies*. 2021;19(3):331–345. DOI: 10.22363/2618-8163-2021-19-3-331-345 (In Russ.)
6. Miloslavskaya, S. K. Russian as a foreign language in the history of the formation of the European image of Russia. Moscow, 2012. 401 p. (In Russ.)
7. Solnyshkina, M., McNamara, D., Zamaletdinov, R. Natural language processing and discourse complexity studies. *Russian Journal of Linguistics*. 2022;26(2):317–341. DOI: 10.22363/2687-0088-30171 (In Russ.)
8. Furmanova, V. P. Intercultural communication and linguocultural studies in the theory and practice of foreign language teaching. Saransk, 1993. 122 p. (In Russ.)
9. Crossley, S. A., McCarthy, P. M., Duffy, D. F., McNamara, D. Toward a new readability: A mixed model approach. *Proceedings of the 29th Annual Conference of the Cognitive Science Society*. 2007. P. 197–202.
10. Kim, J. Y., Lee, J. Y., Kim, J.-R. A synchronic lexical analysis of the South and North Korean English textbooks. *Linguistic Science*. 2017;24(2):25–56.
11. Kramsch, C. Context and culture in language teaching. (C. Kramsch, Ed.). Oxford, 1993. 295 p.
12. Lebedeva, M., Veselovskaya, T., Kupreshchenko, O., Laposhina, A. Corpus-based evaluation of textbook content: A case of Russian language primary school textbooks for migrants. *Facing diversity in child foreign language education. Second language learning and teaching*. (J. Rokita-Jaśkow, A. Wolanin, Eds.). Springer, Cham, 2021. P. 215–233. DOI: 10.1007/978-3-030-66022-2_12
13. Rubdy, R. Selection of materials. *Developing materials for language teaching* (B. Tomlinson, Ed.). London; New York, 2003. P. 72–85.

Received: 15 January 2024; accepted: 1 March 2024

ИРИНА НИКОЛАЕВНА ДЬЯЧКОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного и прикладной лингвистики Института филологии
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
gyla4@yandex.ru

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ РУССКИХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ

А н н о т а ц и я . Анализируются грамматика и функционирование русских числительных в аспекте их изучения иностранными учащимися. Актуальность исследования обусловлена тем, что это направление недостаточно разработано в современной лингвистике и лингводидактике, в частности, теоретическое обобщение грамматических сведений о числительных в аспекте РКИ ранее не предпринималось. Материалом послужили специальные учебные пособия для иностранных учащихся В. К. Лебедева, Э. С. Котвицкой, О. И. Глазуновой, а также методические работы М. В. Всеволодовой, В. Н. Вагнер и др., посвященные изучению числительных в курсе РКИ. Установлено, что положенный в основу лингводидактического описания функционально-семантический подход определяет включение в сферу изучения числительных целого ряда языковых фактов, которые традиционно рассматриваются в других разделах грамматики или в некоторых случаях вообще остаются без внимания. Владение склонением русских числительных вызывает у иностранцев большие сложности, в связи с чем его описание требует смещения акцента с рассмотрения отдельных парадигм на поиск грамматических аналогий. Анализ синтаксиса в аспекте обучения иностранцев русской речи вызывает необходимость обращения не только к традиционно рассматриваемым в грамматиках количественно-именным сочетаниям, но и к более сложным по составу именованным группам, включающим числительные (*десять в третьей степени, глубина сто метров, сто километров в час*), изучение которых, в том числе с целью включения в практический курс РКИ, должно быть продолжено.

К л ю ч е в ы е с л о в а : прикладная лингвистика, лингводидактика, имя числительное, обучение РКИ, квантитативность, русская грамматика в иностранной аудитории

Д л я ц и т и р о в а н и я : Дьячкова И. Н. Лингвистические основы изучения русских числительных в иностранной аудитории // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 3. С. 98–106. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1030

ВВЕДЕНИЕ

Особой областью теории обучения русскому языку как иностранному (РКИ) является лингводидактика – интегративная научная дисциплина, объединяющая лингвистику и методику и занимающаяся в первую очередь проблемами теоретического описания русского языка с целью дальнейшей разработки практических рекомендаций по организации процесса его преподавания иностранным учащимся [3: 3–4]. Как отмечает один из основоположников отечественной лингводидактики М. В. Всеволодова, для анализа языка подобным образом «мы должны увидеть русский язык “в зеркале” других языков» [6: 69], преодолеть привычную, принятую в академических грамматиках модель его описания как «са-

мого в себе», недостаточность которой выявляет современная лингводидактическая практика, поскольку трудности усвоения русского языка инофонами «отнюдь не только вопрос методики, сколько проблема взгляда на грамматику изучаемого и родного языка учащихся и вообще на язык как систему» [8: 51]. Этот взгляд с позиций лингводидактики должен опираться прежде всего на семантику и функционирование элементов языковой системы в процессе коммуникации, что в свою очередь ломает привычную для нас модель грамматического описания и влечет рассмотрение в одной плоскости различных языковых единиц, выражающих идентичные или сходные значения. Это положение объясняет, почему, в частности, описание лексико-грам-

матического класса числительных в русском языке при таком подходе (подробнее ниже) должно включать в себя не только проблематику словоизменительных и морфосинтаксических свойств собственно нумеративов, в том числе дробных и порядковых образований, но и, например, анализ возможностей их синонимической замены существительными типа *пятерка*, *сотня*, *десяток* и под., включая выход на лексический уровень – описание более узкой, чем обозначение количества в чистом виде, семантики этих номинаций и функционирования их в речи (например, *сотня*, *сотка* в самостоятельном употреблении вне контекста *сотню оставил*, *сотку отдал*, *сотню получил* передает значение ‘сто рублей’).

Кроме того, соответствующее описание непременно должно дополняться сопоставительными данными, чтобы разграничить типичные и специфические явления в семантике, грамматике и функционировании этой части речи в русском языке и родном языке обучающихся (прежде всего несовпадающие или только частично представленные), поскольку известно, что факты, не имеющие аналогов в системе родного языка, как правило, усваиваются учащимися сложнее. При этом прогнозируемые на основе такого анализа трудности обязательно должны подкрепляться реальными практическими наблюдениями в процессе обучения РКИ, которые позволят с максимальной степенью объективности решить вопрос о легкости – сложности усвоения тех или иных единиц изучаемого языка.

Таким образом, становится насущной необходимостью разработка такой грамматики (а скорее всего, отдельных грамматик для каждой части речи [6: 68]), предметом описания в которой должны стать не столько уровни языковой системы в целом, сколько предельно конкретизированные, объективные факты употребления языка («объективная грамматика», по А. М. Пешковскому), значимые для обучения РКИ, но рассмотренные поверхностно или вообще не отраженные в нормативных грамматиках [7: 18]. В первую очередь это крайне важно для дальнейшего совершенствования методики РКИ, то есть для разработки с учетом полученных результатов рекомендаций по отбору и организации определенного языкового материала, поиску наиболее эффективных способов его представления и закрепления, создания на этой основе учебной литературы, подготовки квалифицированных педагогических кадров и др. Помимо этого, в исследованиях последнего времени обосновывается исключительная значимость подобного подхода

для развития новых направлений в самой лингвистике, поскольку грамматика РКИ «обогащает ее, привлекает внимание к новым языковым фактам и объектам, обращает внимание на новые проблемы» [12: 11].

Возвращаясь к числительным, необходимо отметить, что их изучение в рассматриваемом аспекте осуществлено в настоящее время лишь частично. Так, в большей степени специфика грамматики и употребления русских числительных осмыслена и представлена в учебной литературе по РКИ, адресованной самим учащимся. Имеются в виду специально посвященные этой части речи практические пособия В. К. Лебедева [15], Э. С. Котвицкой [13], а также разделы «Имена числительные» в пособиях по русской грамматике О. И. Глазуновой [9], Е. Р. Ласкаревой [14].

Что касается развернутого теоретического анализа, предназначенного для специалистов-преподавателей, то здесь наиболее полный обзор числительных глазами иностранца, по всей видимости, дается в книге В. Н. Вагнер [4], описывающей опыт их изучения с англоговорящими учащимися. Также к числу значимых разработок в указанном русле необходимо отнести исследование М. В. Всеволодовой, посвященное особенностям славянского квантитатива и его грамматическим свойствам в сопоставлении с другими неславянскими языками, где автор (хотя и обзорно) рассматривает и некоторые другие проблемы лингводидактического описания числительных [7]. Практический опыт по изучению числительных в аспекте РКИ находит отражение в [1], [2], [11], [16], [17], [23].

Вместе с тем сравнение обозначенных источников показывает, что ни в одном из них рассматриваемая проблема не раскрывается с максимальной полнотой (исключение, возможно, составляет только пособие Э. С. Котвицкой), в связи с чем в настоящем исследовании была поставлена цель – рассмотреть основные лингводидактические аспекты изучения числительных в курсе РКИ с опорой на анализ их проблемных зон, выявленных в методической литературе, предназначенной для иностранных учащихся, а также собственные наблюдения автора.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Теоретической базой работы стали учебные издания и специальные методические исследования, посвященные изучению имен числительных в курсе РКИ (см. выше). Наряду с ними рассмотрение особенностей слов этого морфологического класса потребовало обращения к академическим трудам [19], работам отечественных

лингвистов В. В. Виноградова [5], А. Е. Супруна [20], Л. Д. Чесноковой [21] и некоторым другим, посвященным числительным.

В процессе исследования также были использованы материалы словаря вариантов «Грамматическая правильность русской речи» [10], в котором широко представлены не только нормативные, но и нарушающие норму (объективные) факты употребления нумеративов носителями русского языка.

В работе применялись описательный и сравнительно-сопоставительный методы, а также методы диагностики и прогнозирования трудностей, анализа методической литературы, лингводидактического описания языковой категории.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Проанализированный материал и наш собственный опыт преподавания РКИ позволяют выделить в области лингводидактического описания числительных следующие содержательные блоки, требующие дальнейшего теоретического и методического осмысления:

1. Безусловно, необходимо *системное описание лексического состава* нумеративов (простых, сложных, составных) с учетом их структуры в каждом из разрядов – количественных, порядковых, собирательных, дробных с обязательным вниманием к проблеме синонимии (ср. *один – раз, одна третья – треть, одна вторая – половина – пол, две целых одна десятая – две и одна десятая* и др.), лексической вариативности (*ноль – нуль*), функционированию числовых номинаций в значении других частей речи (*один, тысяча, миллион, первое, второе* (о еде) и под.).

Рассматривая сложные и составные наименования, важно охарактеризовать специфику «математических» моделей, по которым они образуются в русском языке. Несмотря на то что в других языках здесь в основном также используются операции сложения и умножения – ср. *четырнадцать* и нем. *fierzehn* '4 + 10', *шестьсот* и исп. *seiscientos* '6 x 100', однако это не отменяет возможности вариаций, которые допускает сама математика: ср. фр. *dix-sept* '10 + 7' (аналогично в испанском, китайском), тогда как по-русски *семнадцать* – '7 + 10'. Еще интереснее в этом отношении французские названия чисел седьмого и девятого десятков, где 72 – *soixante-douze* букв. '6 x 10 + 12', а 94 – *quatre-vingt-douze*, то есть '4 x 20 + 12'.

Подобные примеры можно множить, а вывод, который из этого следует, один: преподавателю хотя бы в самом общем виде нужны соответству-

ющие знания, для того чтобы в процессе овладения русскими обозначениями чисел помочь учащимся преодолеть привычную «математику» родного языка.

Определение единых деривационных правил для сложных и составных числительных также предполагает выявление в их ряду различных несистемных образований типа *сорок, девяносто, двести, двенадцать* (не **дванадцать*, хотя в значении числа используется только *два*) и др. В составе порядковых числительных к ним будут относиться не совпадающие с *один, два* лексемы *первый, второй*, а также *третий, четвертый, седьмой, сороковой, сотый, нулевой* (в дробных, например, только *ноль*), *тысячный* и др., частично расходящиеся с количественными и/или отличающиеся от других порядковых осложненной или видоизмененной основой.

Только в связке со словоизменением нумеративов целесообразно знакомить учащихся с такими образованиями, как *двухсотый, пятидесятый* и под., где в первой части сложения функционирует форма Р. п. [4: 238]. Требуют внимания правила образования собирательных числительных, а также ставших грамматическими идиомами дробных составных номинаций, где *две пятых* восходит к сочетанию со словами *часть, доля: две пятых* (части, доли), потому и используется *две*, а не *два*.

Анализируя трудности, возникающие у учащихся в процессе овладения нумеративной лексикой, любопытно указать и на некоторые другие причины, которые их порождают. В частности, таким источником, как показывает практика, может стать звуковое сходство нумеративов, когда студенты на стадии их усвоения смешивают в речи такие лексемы, как *девять – десять, двенадцать – двадцать, шестнадцать – шестьдесят* и под. [11: 342]. В процессе обучения РКИ мы также неоднократно сталкивались с подобным явлением. Однажды смех в аудитории вызвала фраза студента, который, рассказывая о себе, сообщил, что ему *двести лет* (вместо *двадцать*).

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что нередко именно категория ошибки становится тем навигатором, который задает курс лингводидактике. Во всяком случае, зафиксированные нами употребления типа **двоеро, *сорокой, *пятьсотый, *два пятые, *два пять* вместо *две пятых* убеждают, что аспекты описания, связанные с ними и представленные нами выше, были выбраны неслучайно.

2. *Характеристика словоизменения.* Общеизвестно, что числительные во многих языках (и не только европейских) не склоняются, а в русском языке они не просто склоняются, а представляют собой пестрое соединение разнородных парадигм, при этом некоторые из них могут ограничиваться всего одной лексемой (*один, два, три, полтора*).

Ввиду пестроты словоизменения русских нумеративов процесс его усвоения вызывает значительные сложности у иностранных учащихся. В. Н. Вагнер отмечает, что

«как и при овладении системами склонений имен существительных и прилагательных, основную трудность вызывает сам факт многообразия падежных форм количественных числительных и необходимость выбора определенной формы в соответствии с синтаксической функцией» [4: 226].

Сказанное объясняет, почему, рассматривая числительные в аспекте РКИ, важно не просто представить описание необходимых парадигм, подлежащих заучиванию (что не редкость в учебных пособиях), а охарактеризовать наиболее оптимальные пути их усвоения. Исследователи отмечают, что важную роль при таком положении дел играет проведение аналогий с уже известным учащимся материалом. Так, в случае с числительными от *пяти* до *двадцати* и лексемой *тридцать* нужно использовать сопоставление с парадигмой существительных 3-го склонения (*кость, тетрадь*) [4: 227], [7: 29]. То же правило работает и при изменении по падежам десятков '50–80' с единственной оговоркой, что в данном случае по этой схеме склоняются обе части. Изменение по падежам сотен опирается на их трактовку как словосочетаний, что позволяет проводить аналогии между изменением, например, лексемы *триста* и сочетания *три окна* [7: 34].

Что касается порядковых и собирательных, а также лексем *оба – обе* с учетом разграничения родовых форм, то здесь используется сравнение с прилагательными, а для числительного *один* – с местоимением *этот*. Парадигмы лексем *тысяча, миллион, миллиард*, а позднее *треть, четверть, половина* даются в сопоставлении с морфологически сходными субстантивами.

Необходимость в использовании опоры на словоизменение других частей речи объясняет логику организации учебного материала в практическом курсе РКИ, а именно тот факт, почему вначале иностранцы знакомятся с числительными и учатся употреблять их только в формах И.–В. падежей, а полностью их склонение рассма-

тривается только после прилагательных и местоимений и дается обязательно системно, то есть всей парадигмой: это необходимо, чтобы в полном объеме показать совпадения, обозначенные выше.

Важно, что учет описанного подхода в итоге требует от иностранцев заучивания всего нескольких новых парадигм – словоизменения *два, три, четыре* (с учетом их комбинации с одушевленными и неодушевленными существительными – *вижу четыре стола, но четырех девочек*), лексем *сто, сорок, девяносто*, числительного *полтора / полторы* (о склонении составных дробных будет сказано ниже).

Между тем даже и при такой организации реальная картина с усвоением падежных форм количественных числительных учащимися далека от совершенства. Как и носители русского языка, они избегают использовать косвенные падежи составных и сложных числительных, просто избавляясь в речи от неудобных конструкций, либо (что лично мы наблюдаем чаще) применяют только формы И.–В. падежей. Употребление числительных в речи сопровождается явлениями внутриязыковой интерференции, которые также хорошо знакомы каждому носителю русского языка, когда вместо *пятисот* в Р. п. используется *пятиста*, вместо *ста* в П. п. – *стах* и под., однако в случае с иностранцами такие девиации относительно языковой нормы куда более разнообразны и, по всей видимости, поддерживаются в косвенных падежах, где числительное выступает в функции определения, еще и аналогиями с адъективной парадигмой (см. примеры **сотью, *девяностами, *пяtimi, *десятиx* и под.). Приведенные факты, таким образом, обосновывают необходимость описания в русле лингводидактики системы специальных упражнений, которые бы стимулировали употребление учащимися количественных числительных в косвенных падежах, помогали закрепить навык их нормативного словоизменения.

Добавим, что освоение склонения сложных и составных порядковых нумеративов на фоне соответствующих количественных протекает значительно легче, особенно это касается форм П. и Р. п., конструкции с которыми активно используются в речи, постоянно встречаются в материалах учебника: *родился в 1998 году, жил в XIX веке, 12 апреля 1961 года*. Факты русского просторечия типа **двухтысячно первый год* иностранцам несвойственны и отмечаются только в тех редких случаях, когда они начинают их использовать, ориентируясь на воспринимаемую

как безусловно правильную речь своего русского окружения (к сходным выводам приходит Н. Г. Музыченко [16: 77]).

3. *Синтаксис количественно-именных сочетаний*, по-видимому, представляет собой самую сложную область их изучения и лингводидактической характеристики. Рассматривая сочетания с числительными в разных языках, М. В. Всеволодова выделяет в их составе несколько типологических вариантов. Так, в тех языковых системах, где нет категории числа, любое количественно-именное сочетание будет выглядеть как ‘два / пять / сто детский рука’, аналогичную структуру оно имеет также в тюркских и некоторых иранских языках, хотя в них есть эта категория. Между тем в английском и немецком, где также существует различие по числу, это будет ‘один стол / один (одна) рука’, но ‘два / пять / сто один столы, два / пять / сто один руки’. В корейском и китайском языках, чтобы построить подобную конструкцию, понадобится включение специального счетного слова типа *человек* или *штука*, которое, соединяясь с числительным, передает количественное значение [7: 30–31].

При этом ни один из обозначенных и, нужно признать, достаточно универсальных механизмов не работает в русском языке, где *один* соединяется с существительными по типу *один дом, одно окно, одна рука, одни брюки; два, три, четыре* – с субстантивами в Р. п. ед. ч. *два дома, три окна*, где *два* к тому же выступает в двух родовых формах; числительные от *пяти* до *двадцати* образуют квантитатив с Р. п. мн. ч. – *пять домов, пятнадцать окон*. Интересно, что те же формы существительных используются и в случае составных числительных с аналогичными числовыми компонентами, несмотря на то что с позиций формальной логики ‘21’ ≠ ‘1’, ‘54’ ≠ ‘4’. И это не единственный парадокс в русских количественно-именных сочетаниях, если смотреть на них глазами иностранца.

Так, например, те же числительные *два-четыре*, соединяясь с субстантивированными прилагательными, уже ведут себя, как лексемы типа *пять*: ср. *два / три / четыре рабочих – пять рабочих*. То же касается и форм определенных в составе сочетаний с этими нумеративами: ср. *два больших дома – пять больших домов*, и если к последнему сочетанию вопросов обычно не возникает, то соединение множественного числа определения с единственным числом определяемого слова в сочетании *два больших дома* воспринимается как абсолютно нелогичное.

Заметим, что носителям других языков также непонятно, почему русские числительные в номинативах (за исключением *один* и составных числительных с *один*) грамматически доминируют, поскольку с точки зрения семантики основным компонентом таких сочетаний является, конечно же, субстантив, а числительное при нем выполняет функцию определения. Еще одним сложным этапом становится для иностранцев изучение склонения количественно-именных сочетаний, поскольку в косвенных падежах управление в них сменяется согласованием и в тех же самых сочетаниях существительное начинает функционировать уже в статусе определяемого слова и только в форме мн. числа. Смена грамматических регистров в пределах формообразования одних и тех же лексем открывает простор для разного рода отклонений типа **о двух студента, *два русского студента* [4: 231], **два студентки, *два русских студентов* (из нашей практики).

С вопросами грамматики словосочетаний, помимо прочего, тесно связано описание составных числительных, включающих компоненты *тысяча, миллион* и выше, причем это касается не только их образования и изменения, но и квантитативов с ними (*пять тысяч студентов*). И в том, и в другом случае также важно опираться на уже известное, указывая на совпадение в синтаксических свойствах сочетаний типа *пять тысяч* и *пять штук, пять миллионов* и *пять столов*. Это замечание также касается собирательных числительных (ср. парадигму *пять друзей* и *пятеро друзей*) с той оговоркой, что здесь, как и в случае с носителями языка, обязательно должна включаться характеристика сочетаемости (*двое студентов, но две студентки* и пр.).

Проблема избирательной сочетаемости числительных рассматривается и на примере конструкций с компонентами *год – лет, человек – люди*. Ср. И.–В. *три года – пять лет*, при этом в Р. п. используется только словоформа *лет: трех лет – пяти лет*, а в остальных падежах – *год: к трем годам, пятью годами ранее* и проч. Не все так однозначно с сочетаниями *человек – люди*: так, Э. С. Котвицкая, формулируя соответствующую норму, предлагает учащимся использовать лексему *люди* только в сочетании с прилагательными – *о пяти красивых людях* [13: 61]; иначе рассматривается этот вопрос в пособии О. И. Глазуновой, где говорится, что в формах Т. и П. п. «чаще используется» форма *люди* даже при отсутствии определения – *двумя людьми, о пяти людях* [9: 204]. Функционирование ко-

личественно-именных сочетаний в предложении, помимо прочего, требует учета семантики вариантов типа *три студента пришли – три студента пришло; по пять яблок – пяти яблок; У него было пять книг. – Книг у него было пять.*

Отдельное внимание в практике работы с иностранцами приходится уделять и русским обозначениям даты, представляющим собой грамматически неразложимые словосочетания, поскольку отдельные их компоненты в процессе развития языка стали «нулевыми» – *первое сентября > первое (число) сентября*. При этом значимо, что опора на утраченный компонент *число* до сих пор характерна для их склонения в русском языке: *к первому (числу) сентября, о первом (числе) сентября*, а распространенные в просторечии варианты типа **с Первым сентябрем, *к Восьмому марту* нормой не одобряются [10: 263].

Специально рассматривается в грамматике РКИ и группа обозначений суточного времени, где также присутствуют ставшие «нулевыми» компоненты *без пяти шесть > без пяти (минут) шесть (часов)*, которые к тому же в некоторых случаях могут появляться снова, например при обозначении некруглых чисел – *без трех минут восемь* или при обозначении часового круга в начале его пути, ср. *десять минут восьмого*, а не **десять восьмого*.

Добавим, что изучение грамматически неразложимых структур с числительными типа обозначений времени (см. примеры с использованием предлога *вернуть к без пятнадцати шесть, жду тебя с пятнадцати минут седьмого*), а также дробных номинаций, которые в академических трудах традиционно рассматриваются как словосочетания [19: 572], привело исследователей к выделению в русской грамматике разряда так называемых «комплексных числительных» (термин М. В. Всеволодовой [7: 25]). Помимо наименования дробей, М. В. Всеволодова включает в эту группу подразряды обозначений степени (*десять в третьей степени*), величины и размера (*глубина сто метров, длиной в шесть километров*), пропорции и диапазона (*один к двум, пять – семь метров*), соотносительности со временем – скоростью / регулярность (*сто километров в час*), тем самым значительно расширяя перечень тех фактов грамматики, которые связывались с изучением числительных как части речи до настоящего времени. Сбор и анализ этого материала несомненно нужно продолжать, а внедрение его в практику преподавания РКИ – дело будущего.

4. Не имея возможности в рамках статьи подробно рассмотреть другие аспекты функционально-семантического поля количественности, связанные с употреблением числительных в русском языке, только их обозначим. Это прежде всего *способы выражения приблизительности*, включающие конструкции с числительными с обратным порядком слов (*человек пять*), указанием диапазона (*пять – шесть*) и различными вспомогательными словами (*примерно, около, приблизительно, порядка, с лишним* и под.) (заметим, что перечень этих средств в различных пособиях варьирует). На уровне словарного состава особого внимания требует *лексика с числовыми корнями*, где в процессе лингводидактического описания важно проработать зону вариативности (ср., например, облик корней *два, три, четыре* в следующих лексемах: *двухэтажный, но двуглавый, двуличный; четвероногий, четверокурсник, но четырехлетний; нормативное треугольник, а не *треугольник* – типичная ошибка всех иностранцев). Частными методическими задачами являются *определение состава наиболее употребительных фразеологизмов с числительными* и организация работы с ними на занятиях по РКИ, а также *анализ цифровой и буквенно-цифровой фиксации числительных в письменной речи*.

Отдельное место в поле количественности также, по всей видимости, должно занимать рассмотрение *способов выражения неопределенного множества* в русском языке (*много, немного, несколько, тысячи, миллионы, тьма, бездна, куча / кучка* и др.), включающего слова, которые с формальной точки зрения относятся к разным частям речи. По поводу этой группы номинаций в учебных пособиях мы видим разные решения: у О. И. Глазуновой в разделе «Числительное» они отсутствуют, у В. К. Лебедева и Э. С. Котвицкой их состав представлен с разной полнотой.

ВЫВОДЫ

Взгляд на русские числительные с позиций лингводидактики позволяет прийти к следующим выводам:

1. Анализ структурных типов производных числительных, а также данные других языков вызывают необходимость внутрисистемных, а в некоторых случаях и межязыковых сопоставлений для уяснения на этом фоне специфики образования русских сложных и составных нумеративов. То же касается и отнумеративных дериватов в составе других частей речи (*трой-*

ка, сотня, треугольник) с уточнением значения и формальной вариативности корневых морфем.

2. Овладение склонением русских числительных вызывает у иностранцев большие сложности, по этой причине их лингводидактическое описание требует смещения акцента с рассмотрения отдельных парадигм на поиск грамматических аналогий, которые обеспечивают связь русских числительных в диахронии с именными классами речи – существительными, прилагательными, местоимениями. Такой подход позволяет существенно сократить количество материала, подлежащего заучиванию.

3. В синтаксисе числительных (за исключением лексемы *один*) явно проступает оппозиция прямых и косвенных падежей со сменой управления согласованием, кроме того, формы Р. п. существительных при нумеративах в И.–В. п. не совпадают, что создает благодатную почву для возникновения различных грамматических ошибок. Проблемными оказываются некоторые свойства сочетаемости, грамматические идиомы, в состав которых входят числительные (например, обозначения даты, времени). Анализ синтаксических особенностей

числительных, помимо прочего, позволяет выделить структуры или именные группы, включающие в себя более двух полнозначных компонентов (*десять в третьей степени, длина шесть метров*), которые только в последние десятилетия попали в поле зрения исследователей лингводидактики. В связи с этим приходится признать резонным мнение М. В. Всеволодовой о том, что лингводидактическая разработка числительных должна быть продолжена, в особенности – «как части речи, функционирующей в синтаксических построениях, то есть на уровне морфосинтаксиса и собственно синтаксиса» [7: 20].

4. Для овладения русским языком как иностранным целесообразно комплексное рассмотрение не только самих нумеративов, составляющих ядро поля квантитативности, но и функционально близких им номинаций, принадлежащих по формальным признакам другим частям речи (*много, несколько, бездна*), а также количественно-именных сочетаний (*человек пять*), которые в совокупности выражают в языке идею количества – точного, приблизительного, неопределенно большого или малого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амелина И. О., Ковалева Т. В. Актуализация грамматических навыков в речи инофонов при употреблении числительных // Вестник Московского государственного педагогического университета. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2020. № 3 (39). С. 107–115.
2. Бессчетнова Л. В., Низамова М. Н. Система заданий по изучению числительного на занятиях профессионального русского языка // Вестник Алматинского технологического университета. 2016. № 1. С. 116–122.
3. Борисова Е. Г., Латышева А. Н. Лингвистические основы РКИ. Педагогическая грамматика русского языка: Учеб. пособие. М.: Флинта, 2022. 212 с.
4. Вагнер В. Н. Методика преподавания русского языка англоговорящим и франкоговорящим на основе межъязыкового сопоставительного анализа: Фонетика. Графика. Словообразование. Структуры предложений, порядок слов. Части речи. М.: Владос, 2001. 382 с.
5. Виноградов В. В. Русский язык: (Грамматическое учение о слове). М.: Высш. шк., 1986. 639 с.
6. Всеволодова М. В., Куликова Е. В. Грамматика словосочетаний в контексте функционально-коммуникативной лингводидактической модели языка // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2009. № 4. С. 67–88.
7. Всеволодова М. В. Категория количественности в славянских языках: числительные и квантитативы // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2013. № 6. С. 16–62.
8. Всеволодова М. В. Категория управления в современной русистике и проблемы изучения падежной системы русского языка в иноязычной аудитории // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2017. № 4. С. 48–59.
9. Глазунова О. И. Грамматика русского языка в упражнениях и комментариях. Морфология. СПб.: Златоуст, 2007. 423 с.
10. Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П. Грамматическая правильность русской речи: Стилистический словарь вариантов. М.: Наука, 2001. 557 с.
11. Илясов О. Ю., Корнакова И. С. Учебно-наглядное пособие как один из способов подачи материала при обучении РКИ на примере числительных // Преподавание русского языка как иностранного в вузе: опыт и перспективы. М.: МГИМО-Университет, 2018. С. 338–343.
12. Книга о грамматике. Для преподавателей русского языка как иностранного / Под ред. А. В. Величко. СПб.: Златоуст, 2018. 752 с.
13. Котвицкая Э. С. Русские числительные в таблицах, комментариях и упражнениях. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2005. 240 с.

14. Ласкарева Е. Р. Чистая грамматика: Учеб. пособие для иностранных учащихся. СПб.: Златоуст, 2010. 336 с.
15. Лебедев В. К. Знакомьтесь: числительное: Пособие для иностранных учащихся. СПб.: Златоуст, 2007. 132 с.
16. Музыченко Н. Г. Особенности изучения русских числительных на занятиях РКИ // Теория и практика преподавания русского языка как иностранного: достижения, проблемы и перспективы развития: Материалы IV Междунар. науч.-метод. конф., 20–21 мая 2010 г., Минск / Редкол.: С. И. Лебединский [и др.]. Минск: БГУ, 2019. С. 75–78.
17. Мурясов Р. З. Структура количественных числительных в родственных и неродственных языках // Вестник Башкирского университета. 2020. № 4. Т. 25. С. 850–857.
18. Половинко Е. А. Имя числительное в курсе сопоставительной грамматики русского и китайского языков // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2011. Т. 24 (63), № 1. Ч. 2. С. 99–105.
19. Русская грамматика: [В 2 т.] / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; Гл. ред. Н. Ю. Шведова. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / [Н. С. Авилова, А. В. Бондаренко, Е. А. Брызгунова и др.]. М.: Наука, 1980. 783 с.
20. Супрун А. Е. О русских числительных. Фрунзе, 1959. 172 с.
21. Чеснокова Л. Д. Имя числительное в современном русском языке: Семантика. Грамматика. Функции. Ростов н/Д: Гефест, 1997. 291 с.
22. Шакин В. М. Русская лингводидактика: история и современность: Учеб. пособие. М.: РУДН, 2008. 209 с.
23. Якимова А. В. К вопросу методики изучения падежной системы количественных числительных русского языка в иностранной аудитории // Амурский научный вестник. 2020. № 1. С. 90–96.

Поступила в редакцию 09.01.2024; принята к публикации 01.03.2024

Original article

Irina N. Dyachkova, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
gyla4@yandex.ru

LINGUISTIC FOUNDATIONS FOR STUDYING RUSSIAN NUMERALS BY FOREIGN LEARNERS

Abstract. This article examines the grammar and usage of Russian numerals as studied by foreign students. The research is important as this area has not been sufficiently explored within modern linguistics and linguodidactics, particularly in terms of providing theoretical generalizations of grammatical aspects of numerals in teaching Russian as a foreign language. The study utilizes special textbooks for foreign students by V. K. Lebedev, E. S. Kotvitskaya, and O. I. Glazunova, as well as methodological works by M. V. Vsevolodova, V. N. Wagner, and others focused on teaching numerals within the context of a course in Russian as a foreign language (RFL). It is established that the application of a functional-semantic approach in linguodidactic description broadens the scope of numeral study by encompassing linguistic phenomena typically examined in other areas of grammar or sometimes disregarded entirely. Foreign students often face challenges when studying the declension of Russian numerals, which necessitates a shift in focus from individual paradigms to seeking grammatical analogies for a more comprehensive description. When analyzing syntactical structures in teaching Russian speech to foreigners, it is essential to not only address the traditional quantitative-nominal combinations found in grammars but also more complex nominal groups that include numerals (such as *ten to the third power*, *depth of one hundred meters*, *one hundred kilometers per hour*). This study emphasizes the need for further research into such groups with the aim of incorporating them into practical RFL courses.

Keywords: applied linguistics, linguodidactics, numeral, teaching Russian as a foreign language, quantification, Russian grammar for foreign learners

For citation: Dyachkova, I. N. Linguistic foundations for studying Russian numerals by foreign learners. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(3):98–106. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1030

REFERENCES

1. Amelina, I. O., Kovaleva, T. V. Actualizing grammar skills in the speech of foreign students while using numerals. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*. 2020;3(39):107–115. (In Russ.)
2. Besschetnova, L. V., Nizamova, M. N. The system of tasks for studying numerals on professional Russian language classes. *The Journal of Almaty Technological University*. 2016;1:116–122. (In Russ.)
3. Borisova, E. G., Latysheva, A. N. Linguistic foundations of teaching Russian as a foreign language. *Pedagogical grammar of the Russian language: Textbook*. Moscow, 2022. 212 p. (In Russ.)

4. Wagner, V. N. Methods of teaching Russian to English-speaking and French-speaking learners on the basis of interlanguage comparative analysis: Phonetics. Graphics. Word formation. Sentence structures, word order. Parts of speech. Moscow, 2001. 382 p. (In Russ.)
5. Vinogradov, V. V. Russian language: (Grammatical teaching about the word). Moscow, 1986. 639 p. (In Russ.)
6. Vsevolodova, M. V., Kulikova, E. V. The grammar of word-combinations within the context of the functional-communicative linguodidactic model of the language. *Moscow State University Bulletin. Series 9: Philology*. 2009;4:67–88. (In Russ.)
7. Vsevolodova, M. V. The category of quantitateness in Slavic languages: numerals and quantitatives. *Moscow State University Bulletin. Series 9: Philology*. 2013;6:16–62. (In Russ.)
8. Vsevolodova, M. V. The category of government in modern Russian language studies and the problems with learning of the Russian case system in a foreign speaking audience. *Moscow State University Bulletin. Series 9: Philology*. 2017;4:48–59. (In Russ.)
9. Glazunova, O. I. Grammar of the Russian language in exercises and commentary. Morphology. St. Petersburg, 2007. 423 p. (In Russ.)
10. Gaudina, L. K., Itskovich, V. A., Katlinskaya, L. P. Grammatical correctness of the Russian speech: stylistic dictionary of variants. Moscow, 2001. 557 p. (In Russ.)
11. Ilyasov, O. Yu., Kornakova, I. S. Using educational visual aids as one of the ways of presenting materials when teaching Russian as a foreign language: the case of teaching numerals. *Teaching Russian as a foreign language at universities: experience and prospects*. Moscow, 2018. P. 338–343. (In Russ.)
12. A book about grammar. For teachers of Russian as a foreign language. (A. V. Velichko, Ed.). St. Petersburg, 2018. 752 p. (In Russ.)
13. Kotvitskaya, E. S. Russian numerals in tables, commentary and exercises. Moscow, 2005. 240 p. (In Russ.)
14. Laskareva, E. R. Pure grammar: Textbook for foreign learners. St. Petersburg, 2010. 336 p. (In Russ.)
15. Lebedev, V. K. Meet the numerals: Textbook for foreign learners. St. Petersburg, 2007. 132 p. (In Russ.)
16. Muzychenko, N. G. Specific features of teaching Russian numerals to foreign learners. *Theory and practice of teaching Russian as a foreign language: achievements, problems, and prospects of development: Proceedings of the IV International research and practice conference, 20–21 May 2010*. Minsk, 2019. P. 75–78. (In Russ.)
17. Muryasov, R. Z. The structure of the cardinal numbers in related and unrelated languages. *Bulletin of Bashkir State University*. 2020;4(25):850–857. (In Russ.)
18. Polovinko, E. A. Numeral in comparative philology of Russian and Chinese. *Scientific Notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological Sciences*. 2011;24(63);1(2):99–105. (In Russ.)
19. Russian grammar: [In 2 vols.]. (N. Yu. Shvedova, Ed.). Vol. 1. Phonetics. Phonology. Accent. Intonation. Word formation. Morphology. [N. S. Avilova, A. V. Bondarenko, E. A. Bryzgunova et al]. Moscow, 1980. 783 p. (In Russ.)
20. Suprun, A. E. Russian numerals. Frunze, 1959. 172 p. (In Russ.)
21. Chesnokova, L. D. Numerals in the modern Russian language: Semantics. Grammar. Functions. Rostov-on-Don, 1997. 291 p. (In Russ.)
22. Shaklein, V. M. Russian linguodidactics: history and modernity: Textbook. Moscow, 2008. 209 p. (In Russ.)
23. Yakimova, A. V. To the question of the methodology of studying the grading system of quantitative numerals of the Russian language in a foreign audience. *Amursky nauchnyy vestnik*. 2020;1:90–96. (In Russ.)

Received: 9 January 2024; accepted: 1 March 2024

АНТОНИНА НИКОЛАЕВНА ЛАПОШИНА

кандидат педагогических наук, научный сотрудник лаборатории когнитивных и лингвистических исследований
Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина
(Москва, Российская Федерация)
ORCID 0000-0003-0693-7657; antonina.laposhina@gmail.com

ЕДИНЫЙ ЧАСТОТНЫЙ ПРОФИЛЬ СЛОВА КАК ИНСТРУМЕНТ ОТБОРА ЛЕКСИКИ В ОБУЧЕНИИ ЯЗЫКУ

Аннотация. Частотность слова признается одним из важнейших показателей в ряде прикладных задач, в частности в отборе лексики для преподавания русского языка. С другой стороны, среди возможных проблем корпусно-ориентированного отбора лексики отмечаются тематические сдвиги имеющихся больших корпусов русского языка, использование в качестве источника информации корпуса текстов, нерелевантных целевой возрастной группе, расхождения частотности слова в текстах для носителей языка с его методической ценностью в иноязычной аудитории. Таким образом, актуальной проблемой остается поиск новых, гибких способов учета частотности слова в зависимости от конкретной аудитории и прикладной задачи. Цель настоящей статьи состоит в анализе истории учета данных о встречаемости слова в языке в контексте преподавания русского языка, описании основных современных источников информации о частотности слова, а также презентация концепции единого частотного профиля слова. Анализ истории вопроса учета частотности лексики для обучения языку выявил тенденции, во-первых, стремления получения более достоверных данных за счет увеличения объема корпуса, во-вторых, поиска новых форм представления частотной информации, объединяющих информацию из нескольких источников. В этой связи в статье предложена концепция единого частотного профиля слова, аккумулирующего информацию о его частотности по нескольким словарям и корпусам, а также уровне сложности слова. Подобный сервис дает возможность пользователю – преподавателю русского языка или исследователю получить корпусные данные, максимально релевантные конкретной задаче.

Ключевые слова: частотность, частотный словарь, отбор лексики, лексический минимум, корпусная лингводидактика, русский язык как иностранный

Благодарности. Работа выполнена при финансовой поддержке госзадания, проект FZNM-2020-0005 «Трансформация когнитивной и коммуникативной деятельности человека в условиях современной цифровой среды».

Для цитирования: Лапошина А. Н. Единый частотный профиль слова как инструмент отбора лексики в обучении языку // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 3. С. 107–113. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1031

ВВЕДЕНИЕ

Частотность слова, его употребимость в языке, присутствует в большинстве современных классификаций критериев отбора лексики для изучающих РКИ. Предметом для дискуссии может являться его приоритетность в ряду других критериев (таких как, например, методическая ценность слова, стилистическая нейтральность, словообразовательный потенциал и др.), однако сама необходимость учета частотной информации не вызывает разногласий экспертов¹ [2]. Основная идея подхода учета информации об употребимости слова в контексте преподавания языка связа-

на с предположением, что частотные слова более вероятно будут встречаться учащимся в аутентичных материалах, поэтому рациональнее всего изучить их в первую очередь [10]. Так, согласно исследованиям, знание 1000 наиболее употребимых слов русского языка позволяет понимать 70–80 % текста [1]; 3500 лексем из Лексического минимума 1985 года покрывают в среднем 82 % текста. С другой стороны, детальные корпусные исследования показывают, что частотная информация ценна ровно настолько, насколько репрезентативен, сбалансирован и релевантен конкретной задаче корпус текстов, на которых

производится подсчет частотности. Среди трудностей корпусно-ориентированного подхода к отбору лексики в учебных целях называют возможные тематические сдвиги, которые могут приводить к искажению данных [6]; использование источников информации о частотности, нерелевантных возрастной группе учащихся [4]; несовпадение методической ценности слова и его употребимости в текстах для носителей языка. Все вышеперечисленные факторы доказывают опасность ориентации лишь на один частотный словарь или словник в качестве основной меры его методической ценности для обучения русскому языку. В качестве возможного решения предлагается принципиально новая форма презентации ключевой лексики для обучения РКИ: онлайн-ресурс, аккумулирующий информацию о частотности лексемы по нескольким словарям и корпусам и об уровне ее сложности в терминах ТРКИ, то есть создающий для каждого слова единый частотный профиль.

Целью настоящей статьи является анализ истории учета данных о встречаемости слова в языке в контексте преподавания РКИ, описание основных современных источников информации о частотности слова, релевантных для общего курса русского языка как иностранного, а также представление концепции единого частотного профиля слова.

КОРПУСНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД К ОТБОРУ ЛЕКСИКИ ДЛЯ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА: ИСТОРИЯ ВОПРОСА

История создания учебных списков наиболее востребованной лексики на основе частотной информации неразрывно связана с историей становления самой корпусной лингвистики и увеличением мощностей вычислительной техники. Первым частотным списком слов русского языка в литературе признается словарь Г. Йоссельсона, изданный для преподавания русского языка в США [8]. Он состоит из 1700 единиц «ходовых слов русского литературного языка», подсчет которых проводился на произведениях дореволюционной художественной литературы.

Значительное место в разработке лингвостатистического подхода к формированию лексических списков для инофонов занимают труды русистов 1960–1980-х годов по созданию учебных материалов для школьников республик, входящих в состав СССР. В 1963 году вышел словарь Э. Штейнфельд, созданный как основа для словаря-минимума, предназначенного ученикам начальной эстонской школы². Для реализации идеи словаря была создана сбалансированная коллекция текстов, релевантных для конкретной аудитории школьников, поэтому выборка включала образцы оригинальной (А. Гайдар, Н. Носов)

и переводной (М. Твен, Г. Х. Андерсен) детской художественной литературы, русской классической литературы, молодежных газет и журналов, а также транскрипции радиопередач для молодежи. Общий объем выборки текстов составил 400 тысяч слов.

П. И. Харакоз издает уникальный частотный словарь детской бытовой разговорной речи на выборке из 312 тыс. слов и частотный словарь учебников для русской начальной школы на базе 408 тыс. слов, на основе которых предлагает определять лексическую базу начального курса русского языка для детей в киргизских школах³.

Важной вехой в развитии направления является создание частотного словаря под редакцией Л. Н. Засориной⁴, впервые перешагнувшего планку объема текстов в 1 млн словоупотреблений. На его базе был создан учебный словарь для англоговорящих студентов, включающий 10 000 самых употребимых слов русского языка⁵.

Отдельное место в истории создания корпусно-ориентированных лексических списков занимает работа коллектива под руководством В. В. Морковкина «Система лексических минимумов», созданная на основе сопоставления информации по восьми известным существующим на тот момент частотным словарям: как общим, так и специальным, например частотному словарю языка газеты и др. Издание состоит из двух частей: первая содержит сравнительные таблицы частотности слов по восьми словарям, вторая – полученный на основе этих данных лексический минимум, разделенный на отрезки по 1 тыс. слов⁶.

Стоит отметить, что все вышеперечисленные словари и минимумы создавались в ручном режиме или с минимальной помощью вычислительных алгоритмов.

СОВРЕМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ ИНФОРМАЦИИ О ЧАСТОТНОСТИ СЛОВА, РЕЛЕВАНТНЫЕ ДЛЯ ЗАДАЧ РКИ

Современный этап создания корпусно-ориентированных списков начинается с 2000-х годов и характеризуется, во-первых, значительным скачком технологий автоматической обработки текстовых данных, во-вторых, появлением доступных программ для статистической обработки текста, что дало возможность собирать и анализировать узкоспециальные коллекции текстов под любые учебные задачи. В табл. 1 приведены примеры общих и узкоспециальных коллекций текстов и лексических списков на их основе, релевантных задаче обучения общему курсу русского языка как иностранного. Обычным шрифтом отмечены общие большие корпусы текстов, курсивом – малые узкоспециальные корпусы текстов.

Таблица 1. Возможные источники информации о частотности лексики для взрослой и детской аудитории

Table 1. Possible sources of information on word frequency for adult and child audiences

Источник	Объем источника, словоупотреблений	Частотный список / словарь на основе источника	Объем частотного списка, слов
Взрослая аудитория			
Национальный корпус русского языка	98 млн	Новый частотный словарь русской лексики ⁷	20 000
Корпус интернет-страниц, Internet corpus	150 млн	A Frequency Dictionary of Russian: core vocabulary for learners ⁸	5 000
Корпус интернет-страниц, Internet corpus	150 млн	Русский список KELLY, 2014 ⁹	9 000
Корпус текстов из учебников РКИ общего курса, RuFoLa	665 тыс.	Частотный список RFLList, проходит редакцию	10 000
Детская аудитория			
Корпус литературы для детей, ДетКорпус	68 млн	Частотный список на его основе, доступен в электронном виде ¹⁰	50 000
Корпус учебников русского языка для младших школьников, TIRTEC	1,7 млн	Частотный список, доступен в электронном виде ¹¹	5 000

Создание в 2005 году Национального корпуса русского языка сделало возможным появление Нового частотного словаря русской лексики на его основе, базирующегося на выборке почти в 100 млн словоупотреблений, содержащей сбалансированную коллекцию текстов разных типов, жанров и стилей, в том числе и тексты русского зарубежья. Словарь содержит информацию о встречаемости лексемы по подкорпусам художественной литературы и публицистики по трем временным периодам создания: 1950–1960, 1970–1980 и 1990–2000-е годы, а также отдельно доступен частотный список наиболее употребимых слов живой устной речи. Пример данных, доступных в словаре, представлен в табл. 2.

Информация из Нового частотного словаря дает возможность получить, кроме обобщенного значения частотности слова в языке, более детальную информацию о росте (*проблема*) или спаде употребимости слова, а также сравнивать встречаемость слова в текстах различных стилей и форм (*проблема* более характерна для публицистической, *броситься* – для художественной, частица *вот* встречается в устной речи в девять раз чаще, чем в письменной). Однако, насколько нам известно, до настоящего времени

не представлено учебных словарей для изучающих русский язык как иностранный, базирующихся на этом материале.

Таблица 2. Пример информации о частотности слова по разным разделам Нового частотного словаря русской лексики

Table 2. Example of word frequency information across different sections of the New Frequency Dictionary of Russian Vocabulary

Подкорпус	Нормализованная частотность лексемы, ipm		
	<i>проблема</i> (сущ.)	<i>броситься</i> (глагол)	<i>вот</i> (частица)
Общее значение ipm	475	60	1785
Худ. лит. 1950–1960-е годы	37	126	2815
Худ. лит. 1970–1980-е годы	70	115	2670
Худ. лит. 1990–2000-е годы	153	108	2177
Публицистика 1950–1960-е годы	142	55	1251
Публицистика 1970–1980-е годы	284	51	1665
Публицистика 1990–2000-е годы	701	33	1321
Живая устная речь	309	–	15699

Корпус интернет-страниц, Internet corpus, размером в 150 млн словоупотреблений стал источником сразу для двух учебно-методических продуктов: системы словников, маркированных уровнями шкалы CEFR, и учебного частотного словаря. A Frequency Dictionary of Russian: core vocabulary for learners (русский учебный словарь), созданный для англоговорящих студентов, изучающих русский язык, содержит 5 000 самых употребимых слов русского языка. Лексика в словаре презентуется в порядке убывания частотности и снабжена аутентичными примерами употребления, выбранными из корпуса Internet Corpus, и переводом на английский язык. Пример словарной статьи словаря представлен на рис. 1.

257 вместе Adv together

- Мы можем уйти все вместе. — We can all leave together.
372.44; D 99

258 старый A old

- Мне нужно сказать пару слов старому другу. — I need to say a few words to an old friend.
371.07; D 99

Рис. 1. Пример словарной статьи A Frequency Dictionary of Russian: Core Vocabulary for Learners

Figure 1. Example of a dictionary entry in A Frequency Dictionary of Russian: Core Vocabulary for Learners

Русский список KELLY – часть проекта создания корпусно-ориентированных списков лексики для девяти языков, градуированных по уровням CEFR. При их создании центральным критерием стала частотность слова по корпусу интернет-страниц, а дополнительными – экспертная оценка и «международность» слова, то есть его наличие в списках для других языков [9].

Примером узкоспециального корпуса для задач преподавания РКИ является корпус Rufola (Russian as a Foreign Language corpus), который содержит тексты из пособий общего курса по РКИ для взрослых учащихся и отражает возможную методическую ценность и уровень сложности слова с позиции преподавания русского языка как иностранного [3]. На его основе были составлены списки, иллюстрирующие частотность лексемы в учебниках РКИ разных уровней сложности CEFR. Эта информация позволяет не только получить наглядную картину постепенного введения слова в лексикон студента, но и определить уровень согласованности мнений различных авторов о методической ценности того или иного слова [7]. Так, на рис. 2 иллюстрируется потенциал информации о частотности слова в учебниках РКИ разных уровней: представлен график встречаемости нескольких существительных разных уровней сложности – *автобус*, *страна*, *праздник* и *возможность*.

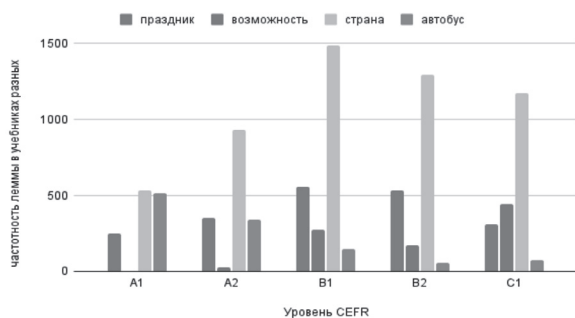

Рис. 2. Частотность слов по корпусу текстов из учебников РКИ

Figure 2. Word frequencies in the corpus of texts from textbooks on Russian as a foreign language

Анализ встречаемости слова в учебниках различных уровней помогает визуализировать момент введения слова в лексикон студента: *возможность* имеет единичные упоминания в текстах A2, однако частотность значительно повышается от уровня B1; так называемая лексика выживания, которая вводится и отрабатывается на начальных этапах, а затем имеет тенденцию к приближению частотности к нормальным значениям по корпусу для носителей языка (*автобус*); лексика, демонстрирующая более равномерное распределение в текстах различных уровней

(*праздник*); лексика, вводимая с элементарных уровней и имеющая тенденцию повышения частотности до значений по корпусу для носителей языка (*страна*).

Отдельную группу составляют источники информации о частотности слов в текстах, адресованных детям и подросткам. Здесь примером большого, общего корпуса может служить Деткорпус – это аннотированный корпус русской литературы для детей, включающий более 2097 прозаических произведений, написанных на русском языке в период с 1920-х по 2010-е годы и адресованных детям и подросткам. Корпус содержит как художественные тексты различных жанров (реализм, приключения, детектив, ужастик), так и отдельный подкорпус нехудожественной литературы для детей.

Наконец, корпус учебников русского языка для младших школьников TIRTEC составляет картину лексики, презентуемой в учебниках русского языка для начинающих изучать русский язык, однако с разной степенью начальной языковой подготовки: в коллекции содержатся как учебники для детей-инофонов, для детей-билингвов и для российских школьников – носителей языка. На основе этих текстов был создан единый частотный список самых употребимых слов для детей младшего школьного возраста [5].

ВОЗМОЖНЫЕ ФОРМЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЧАСТОТНОЙ ИНФОРМАЦИИ О СЛОВЕ ДЛЯ ИЗУЧАЮЩИХ РКИ

Помимо вопросов качества частотных данных, для практического использования этой информации в преподавательской и исследовательской деятельности немаловажным является вопрос формы презентации этой информации и возможностей навигации по ней.

С одной стороны, «Система лексических минимумов» и ее переиздания представляют собой уникальную форму словаря, предоставляющего одновременно подробную частотную информацию и лексический минимум для иностранных учащихся, печатная форма издания обусловила двухступенчатую систему поиска слова: при поиске конкретного слова следует сначала найти его в алфавитном списке и узнать страницу, на которой расположена таблица со сравнительной информацией о частотности слова, что, безусловно, затрудняет поиск и сопоставительный анализ лексических единиц по словарю.

Наличие электронной версии Нового частотного словаря русской лексики значительно упростило поиск по словарю, однако все еще не дает полной картины востребованности слова в разных целевых аудиториях.

В последние десятилетия также отмечается выраженная тенденция совмещения информации из словарей нескольких типов для удобства пользования: так, новые версии крупнейших толковых словарей английского языка – Collins, Longman, Macmillan – визуализируют информацию об употребимости слова в виде специальных значков, упомянутый выше A Frequency Dictionary of Russian: core vocabulary for learners агрегирует информацию о частотности, толковании и переводе слова.

Наиболее важными составляющими удобства учета частотной информации для практических нужд РКИ представляются, помимо электронной формы списка и возможности поиска и сравнения информации о нескольких лексемах, ее совмещение с существующими уровневыми списками лексики для иностранных учащихся, а также возможность сопоставления данных о частотности из разных источников.

КОНЦЕПЦИЯ ЕДИНОГО ЧАСТОТНОГО ПРОФИЛЯ СЛОВА

В качестве возможной реализации новой формы частотного словаря ключевой лексики для обучения РКИ предлагается единый электронный частотный профиль слова, аккумулирующий информацию о частотности лексемы по нескольким источникам: Новому частотному словарю русской лексики, корпусу литературы для детей Деткорпус, корпусу текстов из учебников русского языка для различных групп учащихся (учебники для взрослых, для детей-инофонов, детей-билингвов, детей из школ с русским языком обучения), и уровне сложности слова в терминах CEFR.

Единый частотный профиль слова представляет собой открытый онлайн-сервис, который обобщает и демонстрирует пользователю информацию о присутствии лексемы в различных частотных словарях, нормализованные значения частотности и уровень сложности слова в терминах CEFR¹². Интерфейс состоит из строки поиска, куда можно ввести до пяти слов. Если слово присутствует в базе информации, пользователю становится доступен результат с обобщенной информацией о слове. Пример возможного результата поиска приведен в табл. 3.

Организация информации, проиллюстрированная в табл. 3, позволяет получить как самую общую информацию о частотности слова: пункты «частотность по текстам для взрослых» и «частотность по текстам для детей» демонстрируют вхождение слова в верхушку частотных списков для взрослых и детей соответственно, так и более детальную информацию об употребимости слова по разным корпусам текстов. Так, несмотря на то что оба слова *страна* и *государство* входят в лексический минимум ТРКИ элементарного минимума, полезно понимать, что *государство* употребляется более чем в два раза реже, чем *страна*, в текстах для носителей, более чем в три раза реже в текстах для иностранных студентов, и в десятки раз меньше в текстах, адресованных детям. Слово *лагерь*, напротив, маркировано уровнем C1, однако его употребимость в литературе и учебных текстах для детей может служить аргументом для включения его на более ранних этапах обучения. Слово *мороженое* демонстрирует пример бытовой лексики, которая не является частотной в текстах для носителей языка,

Таблица 3. Виды информации, доступной в сервисе «Единый частотный профиль слова»

Table 3. Types of information available with the Unified Word Frequency Profile tool

Лемма	Страна	Государство	Лагерь	Мороженое
Часть речи	сущ.	сущ.	сущ.	сущ.
Частотность по текстам для взрослых	очень частотно (ТОП-1000)	очень частотно (ТОП-1000)	очень частотно (ТОП-2000)	частотно (ТОП-4000)
Частотность по текстам для детей	очень частотно (ТОП-1000)	частотно (ТОП-3000)	очень частотно (ТОП-1000)	очень частотно (ТОП-1000)
Уровень по лексическим минимумам ТРКИ	A1	A1	C1	A1
Уровень по русскому списку KELLY	A1	A2	B1	A1
Частотность по Новому частотному словарю русской лексики, ipm	725.7	326.4	88.6	18.8
Частотность по корпусу литературы для детей ДетКорпус, ipm	170	28	130	47
Частотность по корпусу учебников РКИ RuFoLa, ipm	887	190	29	56
Частотность по корпусу учебников русского языка для детей младшего школьного возраста TIRTEC, ipm				
Дети-инофоны	625.59	9.48	208.53	412.32
Дети-билингвы	733.33	64.86	73.87	111.71
Дети – российские школьники	302.86	18.72	31.94	33.04

однако признается методически ценной для формирования лексического ядра тематической области «Еда и напитки», поэтому отмечается уровнем А1 в лексических минимумах, встречается в учебниках РКИ в несколько раз чаще, чем в текстах для носителей, при этом частотность в текстах для детей у слова ожидаемо выше.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Практика учета частотности слова в преподавании РКИ служит прекрасным примером развития научной области обучения языкам, основанного на данных: с одной стороны, технические возможности вычислительной техники уже позволяют собирать и обрабатывать большие корпуса текстов, с другой стороны, реальное использование информации о частотности лексики в обучении русскому языку может быть ос-

ложнено необходимостью ее поиска и сравнения по различным источникам.

Представленная концепция и первая версия единого частотного профиля слова призваны помочь принимать методические решения по отбору лексики к уроку или учебному пособию на основе корпусных данных, максимально релевантных для конкретной аудитории или учебной задачи. Сервис может быть полезен для исследователей, авторов словарей, преподавателей-практиков и авторов учебных материалов по русскому языку.

Среди дальнейших векторов развития отметим обогащение базы информацией о частотности слова в устной и письменной речи студентов-иностранцев для выявления наиболее востребованной продуцируемой студентами лексики.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Маркина Е. И. Лингводидактические основы разработки лексических минимумов по русскому языку как иностранному (для разных уровней и профилей обучения): Дис. ... канд. пед. наук. М., 2011. 235 с.
- ² Штейнфельдт Э. А. Частотный словарь современного русского литературного языка: 2500 наиболее употребительных слов: Пособие для преподавателей рус. яз. Таллин, 1963. 316 с.
- ³ Харакоз П. И. Частотный словарь современного русского языка. Фрунзе, 1971. 180 с.
- ⁴ Частотный словарь русского языка / Под ред. Л. Н. Засориной. М.: Русский язык, 1977. 936 с.
- ⁵ Brown N. J. Russian learners' dictionary: 10 000 words in frequency order. London: Routledge, 1996. 429 p.
- ⁶ Лексические минимумы современного русского языка / В. В. Морковкин, Ю. А. Сафьян, Е. М. Степанова, И. В. Дорофеева; Под ред. В. В. Морковкина. М.: Рус. яз., 1985. 608 с.
- ⁷ Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Новый частотный словарь русской лексики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (дата обращения 12.09.2023).
- ⁸ Sharoff S., Umanskaya E., Wilson J. A frequency dictionary of Russian: core vocabulary for learners. London: Routledge, 2013. 400 p.
- ⁹ Русский список KELLY [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://corpus.leeds.ac.uk/serge/kelly/> (дата обращения 12.09.2023).
- ¹⁰ Гитхаб [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://github.com/Digital-Pushkin-Lab/Russian_frequency_lists (дата обращения 12.09.2023).
- ¹¹ DigitalPushkin [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://digitalpushkin.tilda.ws/tirtec> (дата обращения 12.09.2023).
- ¹² Текстометр. Проверка частотности слова [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://textometr.ru/frequency-check> (дата обращения 12.09.2023).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев П. М. Статистическая лексикография (типология, составление и применение частотных словарей): Учеб. пособие. Л.: ЛГПИ, 1975. 120 с.
2. Андрушина Н. П. Лексические минимумы по русскому языку как иностранному: проблема отбора лексических и фразеологических единиц // Проблемы истории, филологии, культуры. 2001. № 3 (33). С. 648–652.
3. Лапошина А. Н. Корпус текстов учебников РКИ как инструмент анализа учебных материалов // Русский язык за рубежом. 2020. № 6 (283). С. 22–28.
4. Лапошина А. Н., Лебедева М. Ю. Смотря как считать: влияние типа корпуса на данные о частотности слова в контексте определения сложности учебных текстов для младшей школы // Языковое разнообразие в глобальном мире: Казанский международный лингвистический саммит (Казань, 15–19 ноября 2021 г.). Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2022. Т. 1. С. 48–51.
5. Лапошина А. Н., Лебедева М. Ю. Формирование частотного словаря-минимума русского языка для детей-инофонов на основе корпусных данных // Мир русского слова. 2022. № 3. С. 90–99.
6. Шаров С. А. Не только размер имеет значение: аспекты создания частотных словарей на основе корпусов // Русский язык за рубежом. 2020. № 6 (283). С. 14–21. DOI: 10.37632/PI.2020.283.6.002
7. François T., Gala N., Watrin P., Fairon C. FLELex: a graded lexical resource for French foreign learners // Proceedings of the International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC 2014). 2014. P. 3766–3773.
8. Josselson H. H. The Russian word count and frequency analysis of grammatical categories of standard literary Russian. Detroit, 1953. 277 p.
9. Kilgarriff A., Charalabopoulou F., Gavriliidou M., Johannessen J. B., Khalil S., Kokkinakis S. J., Lew R., Sharoff S., Vadlapudi R., Volodina E. Corpus-based

- vocabulary lists for language learners for nine languages // *Language Resources and Evaluation*. 2014. № 48. P. 121–163. DOI: 10.1007/s10579-013-9251-2
10. Nation P., Waring R. *Vocabulary: description, acquisition and pedagogy*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 6–19.

Поступила в редакцию 05.02.2024; принята к публикации 01.03.2024

Original article

Antonina N. Laposhina, Cand. Sc. (Pedagogics), Research Associate, Laboratory of Cognitive and Linguistic Studies, Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-0693-7657; antonina.laposhina@gmail.com

UNIFIED WORD FREQUENCY PROFILE AS A TOOL FOR VOCABULARY SELECTION FOR LANGUAGE LEARNING

Abstract. Word frequency is widely acknowledged as one of the most important factors in various practical applications, including vocabulary selection for teaching the Russian language. However, when it comes to the process of corpus-based lexicon selection, there exists a number of potential challenges. These challenges include shifts in themes within the vast existing corpora of the Russian language, the utilization of text corpora that may not be relevant to the target age group, and disparities between a word's frequency in texts for native speakers and its pedagogical value for a foreign-language audience. Consequently, the quest for innovative and adaptable approaches to incorporating word frequency into consideration depending on the specific audience and task at hand remains a pressing issue. The article aims to examine the history of utilizing data on word frequency in language instruction within the context of Russian language teaching, to outline the primary contemporary sources of information on word frequency, and to introduce the concept of a unified word frequency profile. Examining the historical progression of using word frequency data in Russian language teaching reveals two trends: firstly, efforts to acquire more reliable data by expanding corpora, and secondly, the pursuit of novel methods for representing frequency information that integrate data from multiple sources. In this regard, the article presents the concept of a unified word frequency profile that consolidates information on a word's frequency across various dictionaries and corpora, along with its difficulty level. Such a tool empowers users – be it Russian language teachers or researchers – to access corpus data that is most relevant to their specific tasks and requirements.

Keywords: word frequency, frequency dictionary, vocabulary selection, lexical minimum, corpus-oriented linguodidactics, Russian as a foreign language

Acknowledgements. The article was financially supported as part of the state research assignment (project FZNM-2020-0005 “Transformation of human cognitive and communicative activities in the modern digital environment”).

For citation: Laposhina, A. N. Unified Word Frequency Profile as a tool for vocabulary selection for language learning. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(3):107–113. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1031

REFERENCES

- Alekseev, P. M. Statistical lexicography (typology, compilation, and application of frequency dictionaries): Textbook. Leningrad, 1975. 120 p. (In Russ.)
- Andryushina, N. P. Basic dictionary for Russian as a second language (the choice of words and set phrases). *Problems of History, Philology and Culture*. 2001;3(33):648–652. (In Russ.)
- Laposhina, A. N. A corpus of Russian textbook materials for foreign students as an instrument of an educational content analysis. *Russian Language Abroad*. 2020;6(283):22–28. (In Russ.)
- Laposhina, A. N., Lebedeva, M. Yu. Depending on how you calculate it: the influence of corpus type on word frequency data in the context of determining the complexity of educational texts for primary school. *Language diversity in the global world: Kazan International Linguistics Summit (Kazan, 15–19 November 2021)*. Kazan, 2022. Vol. 1. P. 48–51. (In Russ.)
- Laposhina, A. N., Lebedeva, M. Yu. Developing a Russian frequency core vocabulary list for foreign children based on corpus data. *The World of Russian Word*. 2022;3:90–99. (In Russ.)
- Sharoff, S. A. Not only size matters: issues in creating frequency dictionaries from corpora. *Russian Language Abroad*. 2020;6(283):14–21. DOI: 10.37632/Pl.2020.283.6.002 (In Russ.)
- François, T., Gala, N., Watrin, P., Fairon, C. FLELex: a graded lexical resource for French foreign learners. *Proceedings of the International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC 2014)*. 2014:3766–3773.
- Josselson, H. H. The Russian word count and frequency analysis of grammatical categories of standard literary Russian. Detroit, 1953. 277 p.
- Kilgarriff, A., Charalabopoulou, F., Gavrilidou, M., Johannessen, J. B., Khalil, S., Kokkinakis, S. J., Lew, R., Sharoff, S., Vadlapudi, R., Volodina, E. Corpus-based vocabulary lists for language learners for nine languages. *Language Resources and Evaluation*. 2014;48:121–163. DOI: 10.1007/s10579-013-9251-2
- Nation, P., Waring, R. *Vocabulary: description, acquisition and pedagogy*. Cambridge, 1997. P. 6–19.

Received: 5 February 2024; accepted: 1 March 2024

ТАТЬЯНА МИХАЙЛОВНА ОБУХОВА

старший преподаватель кафедры теории и методологии перевода Высшей школы перевода (факультет)

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

ведущий эксперт лаборатории когнитивных и лингвистических исследований

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

(Москва, Российская Федерация)

ORCID 0000-0001-6933-5755; t.m.obukhova@gmail.com

КОРПУСНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ В ПРИКЛАДНЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЗАДАЧАХ

А н н о т а ц и я . Рассматривается роль корпусных данных в современной лингвистике, особенно в контексте их применения в прикладных задачах, таких как обучение языку. Материалом исследования послужил Национальный корпус русского языка, опыт обращения к которому обобщается с помощью приема количественного анализа (опрос) и графической интерпретации данных. Обсуждается необходимость расширения функциональных возможностей и адаптации пользовательского интерфейса корпусного ресурса для преподавателей русского языка как иностранного и их студентов. Предполагается, что осведомленность о проблемах и ограничениях при использовании корпуса поможет разработчикам принять решение о создании нового подкорпуса в структуре существующего сервиса – корпуса для иностранцев, изучающих русский язык. Подобные шаги позволят сделать корпус более доступным для лингвистических исследований и решения практических задач.

К л ю ч е в ы е с л о в а : прикладная лингвистика, корпусная лингводидактика, Национальный корпус русского языка, интерфейс, инструменты, функции, опрос, студенты и преподаватели

Б л а г о д а р н о с т и . Работа выполнена при финансовой поддержке госзадания, проект FZNM-2024-0003 «Комплексное изучение когнитивно-эмоциональных и лингвистических факторов коммуникативной деятельности человека в современном образовательном контексте».

Д л я ц и т и р о в а н и я : Обухова Т. М. Корпусные инструменты в прикладных лингвистических задачах // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 3. С. 114–119. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1032

ВВЕДЕНИЕ

Современный этап развития лингвистической науки неотделимо связан с использованием различных цифровых технологий и инструментов. Одним из таких важных инструментов являются корпусные данные. Вслед за фундаментальной наукой «корпусная революция» происходит и в прикладных областях лингвистики, в частности в науке об освоении и изучении языка. Однако для решения разнообразных практических задач корпусная лингводидактика должна иметь широкий инструментарий, который будет доступен каждому. В этом контексте корпусные лингвисты и специалисты, занимающиеся сбором данных, их аннотацией и созданием интерфейсов для корпусов, должны проявлять внимание к потребностям конечных пользователей корпуса в образовательной среде, то есть

учащихся. Другими словами, взгляд человека, для которого язык является предметом освоения, оказывается ключом к пониманию того, какие инструменты и параметры нужны для получения доступа к корпусу как массиву данных, представляющих язык в его многообразии. Осведомленность о пожеланиях и запросах преподавателей, транслирующих в большинстве случаев позицию учащихся, также позволит адаптировать корпусные ресурсы для лингвистических исследований и решения прикладных задач.

Национальный корпус русского языка (НКРЯ) – важнейший инструмент любого исследователя, который занимается русским языком, русской литературой и словесной культурой. Сегодня корпус заметно расширился, в нем произошли глубокие содержательные перемены. При этом все еще существует потребность адаптации

корпусных данных для иностранцев, изучающих русский язык, особенно для тех, кто только начинает знакомство с языком. В рамках непрямого подхода подобная адаптация имеет значение как для преподавателей, когда они выступают посредниками между корпусом и учащимся, так и для авторов пособий и методистов, которые занимаются разработкой учебных материалов. Использование лингвистических корпусов при прямом подходе предполагает, что учащиеся самостоятельно работают с корпусом текстов, строят свои представления о языке на основе неструктурированных лингвистических данных и, таким образом, реализуют роль исследователя языка. Доступность функционала при самостоятельном использовании корпуса видится еще более важной. Оба варианта интеграции корпусных данных в преподавание требуют прозрачности интерфейса НКРЯ.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Использованию корпусных технологий в лингводидактике посвящено множество исследований [5], [6], [7], [8] [9], [10], лишь небольшая часть из которых сосредоточена на решении прикладных лингводидактических задач с помощью НКРЯ [1], [2], [3], [4]. Все они подтверждают ценность корпуса как инструмента для развития и совершенствования языковых навыков у учащихся и реже описывают ожидания студентов и конкретные потребности в адаптации интерфейса или расширении функциональных возможностей сервиса. Мнение учащегося отражает опыт взаимодействия с корпусом и оценку эффективности инструмента в процессе обучения. Преподаватель же может предоставить обратную связь о том, какие виды контента, упражнений и заданий на основе корпуса наиболее полезны и релевантны для студентов, оценить их эффективность в реальном образовательном процессе. Отсюда следует, что все сложности и ограничения, с которыми сталкиваются учащиеся и преподаватели, являются важной информацией для разработчиков НКРЯ.

МЕТОДЫ

Для сбора данных в 2020–2023 годах был проведен опрос, в котором приняли участие 123 преподавателя русского языка как иностранного (РКИ), работающих как с иностранцами, так и с билингвами, находящимися в России и за рубежом.

Участникам опроса предлагалось поделиться своими впечатлениями, в том числе неудачными,

от использования корпуса. Цель исследования заключалась в анализе опыта обращения к НКРЯ, изучении потребностей и ожиданий пользователей, описании ограничений, с которыми они сталкиваются. Оценка подобного опыта позволит расширить функциональность корпусного инструмента, возможно, в виде нового подкорпуса для описанной целевой аудитории.

Предложенные респондентам вопросы условно можно разделить на три группы: 1) метаданные о преподавателях и их учениках, 2) позитивный опыт использования корпусных данных, 3) ограничения в работе с НКРЯ.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Опрос показывает, что менее половины участников исследования обращается к корпусу – 48 %, при этом только 37 % из них делает это периодически или регулярно во время учебных занятий (рис. 1).

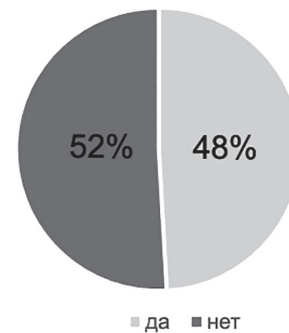

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос об использовании НКРЯ на занятиях РКИ

Figure 1. Distribution of answers to the question about the use of the RNC during RFL lessons

Чаще всего преподаватели привлекают корпус в качестве иллюстративного материала, когда у учащихся возникает вопрос, можно или нельзя так сказать по-русски, используют ли носители языка то или иное словосочетание, в каком контексте и насколько часто. При этом составление запроса остается на стороне педагога, а комментарии и проговаривание совершающихся на экране действий происходит не всегда. Только 3 % преподавателей вовлекают учащихся во взаимодействие с ресурсом: а) обучают работать с НКРЯ, обобщать результаты и делать выводы на основе выдачи, б) предлагают задания, выполнение которых строится на обращении к корпусу. Некоторые подчеркивают (1 %), что если бы техническое оснащение аудиторий было лучше, то корпус они бы использовали чаще. 62,7 % пользователей НКРЯ либо заранее составляют задания, основанные на корпусных примерах,

либо предлагают студентам применять корпусную методологию в курсовых и выпускных работах, либо же используют инструмент для собственных исследовательских задач, оставляя его за рамками учебной коммуникации.

По частоте обращения к входящим в НКРЯ корпусам лидируют основной (89,8 %), мультимедийный (35,6 %), газетный (28,8 %), параллельный (27,1 %) и устный (25,4 %) подкорпусы. Самыми сложными и непопулярными среди преподавателей РКИ признаны синтаксический и акцентологический. Поскольку опрос был начат четыре года назад, респонденты не смогли оценить новые корпуса, которые сегодня представлены на сайте НКРЯ, например обучающий корпус, корпус социальных сетей и корпус детской литературы «От 2 до 15».

Ответы	Результаты
посмотреть контекст употребления слова	82,5%
проверить сочетаемость слов	73,7%
узнать частотность употребления слова или сочетания	64,9%
посмотреть, как говорят (не говорят)	42,1%
найти примеры из текстов определённого жанра	45,6%
найти видеофрагменты с нужной мне лексикой	35,1%
перевести, например, лингвоспецифичные слова	17,5%
посмотреть наиболее частые контексты для грамматических конструкций и создать на этой основе упражнения	1,8%
сопоставить явления в разных языках	1,8%

Рис. 2. Обзор основных потребностей при обращении к НКРЯ
Figure 2. Overview of basic purposes of referring to the RNC

Рассказывая о своих обычных потребностях при использовании корпуса, участники опроса могли выбрать один из самых частых запросов или сразу несколько (рис. 2). Наиболее востребованным стал поиск слова с целью анализа контекста, в котором оно используется, и дальнейшего понимания его значения и употребления. Проверка лексической и грамматической сочетаемости, частотности словоупотребления, изучение лексических особенностей, перевод также часто отмечались респондентами. Функции поиска, которые приводят к удовлетворительным результатам, представлены на рис. 3.

Ответы	Результаты
поиск по слову	89,8%
лексико-грамматический поиск	64,4%
портрет слова	48,2%
поиск по подкорпусу (авторскому, жанровому и др.)	47,5%
поиск по семантическим признакам	28,8%
графики	15,3%
n-граммы	13,6%

Рис. 3. Обзор основных функций при обращении к НКРЯ
Figure 3. Overview of the main functionalities of the RNC

Отвечая на вопрос, чем данные НКРЯ оказываются полезны для изучающих русский язык, преподаватели приводят солидный список. Корпус позволяет иностранным учащимся знако-

миться с аутентичными языковыми примерами, сравнивать варианты перевода реалий, осознавать важность контекста при интерпретации и использовании языка; предоставляет видеоматериалы для изучения интонации, жестовой коммуникации и других аспектов речевого общения; предлагает шаблоны для письменной коммуникации различных жанров, развивает навыки автономной работы и помогает осуществлять собственные лингвистические исследования; дает возможность самостоятельно корректировать свои письменные работы, проверяя догадки, частотность употребления определенных выражений и их актуальность в современном языковом контексте; будущих филологов НКРЯ знакомит с профессиональной терминологией и лексикой. Таким образом, корпус становится важным рабочим инструментом для учащихся, однако с оговоркой: чаще всего в той ситуации, когда преподаватель выступает проводником в НКРЯ и медиатором процесса взаимодействия с корпусным ресурсом. При самостоятельном обращении учащегося к корпусу могут возникать сложности, препятствующие его использованию.

Ограничения преподавателей, а через них и студентов в большинстве случаев связаны с недостаточным опытом использования НКРЯ, сложностью интерфейса, времязатратностью при составлении корректного поискового запроса и анализе выдачи (66 %) и в некоторых случаях с неудовлетворительными результатами поиска в виде сложных примеров и примеров, не соответствующих языковой норме (14 %), или же использованием альтернативных ресурсов, позволяющих работать с аутентичным языковым материалом, например Карта слов¹ или Reverso Context² (20 %).

Среди конкретных проблем, затрудняющих эффективное использование корпусных данных, были отмечены следующие:

- недоступность текстов заданного уровня сложности, что затрудняет подбор материалов для учащихся с разным уровнем языковой подготовки;
- отсутствие современных текстов и видеофрагментов с актуальной лексикой и языковыми явлениями, такими как неологизмы и заимствования;
- проблемы, связанные с омонимией, что влечет некорректный анализ текстов и неверную интерпретацию данных³;
- недостаточное количество понятных и релевантных контекстов употребления слова или фразы на первой же странице корпуса,

что приводит к необходимости длительного анализа результатов и снижению интереса и мотивации учащихся;

- неоднородность вариантов использования одного и того же слова и отсутствие пометы о норме и вариативности, что усложняет выделение общих лингвистических закономерностей;
- отсутствие фрагментов уроков и упражнений, которые могли бы помочь учащимся в закреплении материала, а педагогам – в разработке обучающих программ и материалов;
- обилие «недоступных для понимания иностранца» параметров поиска, которые усложняют алгоритм создания запроса;
- невозможность экспорта данных в отдельную таблицу, что позволило бы пользователям применять дополнительные статистические метрики, не входящие в функционал корпуса;
- недостаточное внимание к семантическим особенностям, связанным с национальными историко-культурными реалиями, что ограничивает понимание языковых особенностей в различных контекстах;
- технические проблемы разного рода: от долгой загрузки сайта до проблем с оснащением учебных аудиторий компьютерами.

Решение перечисленных проблем, по всей вероятности, позволит обращаться к корпусу чаще.

Как же должен выглядеть идеальный корпус? По мнению участников опроса, идеальный корпус должен обладать следующими функциями:

1. Ранжировать лексические единицы и грамматические правила в соответствии с принятыми уровнями владения языком – от А1 до С2, что позволит учащимся выбирать материалы, отвечающие их текущей языковой подготовке. По такому же принципу корпус должен предлагать фрагменты текстов с различной стилиевой и жанровой окраской. Два респондента добавили, что деление на промежуточные уровни (А2 начало, А2 середина и т. д.) было бы особенно полезно⁴.

2. Обеспечивать возможность поиска слов и выражений по лексико-грамматическим категориям, принятым в методике обучения русскому языку как иностранному. Например, поиск однонаправленных и разнонаправленных глаголов движения с приставками и без, в прямом и переносном значении (*идти – ходить, бежать – бегать, прилететь, унести, вести себя* и т. д.) или, например, поиск предлогов и существительных в родительном падеже в значении причины действия (*из жалости, от радости, из-за дождя*).

3. Показывать частотность грамматических явлений, что поможет, во-первых, оценивать их относительную важность и значимость в языке, самостоятельно выявлять закономерности и особенности языковой системы и, во-вторых, фокусироваться на более распространенных аспектах языка, повышая тем самым эффективность обучения.

4. Использовать упрощенный метаязык (термины и условные обозначения), что особенно важно для учащихся нелингвистических направлений и новичков в изучении русского языка.

5. Предоставлять видеoinструкции по созданию поисковых запросов и возможным способам их интерпретации, предлагать подсказки во время формирования запроса и указывать на возможные ошибки в запросе при неудовлетворительном результате поиска.

6. Быть интерактивным и еще больше использовать визуализацию.

7. Предлагать разнообразные задания и упражнения для отработки и закрепления полученных знаний и навыков.

8. Включать встроенное толкование и/или перевод слов и выражений для понимания или уточнения значения лексических единиц.

ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

Итак, результаты опроса выявляют препятствия и сложности и вместе с тем пожелания и запросы педагогов и иностранных учащихся при обращении к корпусу. Информация может быть использована для создания отдельного корпуса РКИ со своей менее разветвленной разметкой и более скромным набором параметров поиска. Для этого необходимо проанализировать темы, которые обычно предлагаются при изучении языка и описаны в Общеввропейских компетенциях владения иностранным языком (CEFR) и программах по русскому языку для иностранцев. Данная информация выступит основой для сбора коллекции текстов, которые станут источником данных для корпуса. Далее представляется необходимым разделить тексты на фрагменты такого объема, благодаря которому будет сохранен контекст употребления слов и фраз. Наконец, произвести разметку текстовых фрагментов по уровню сложности грамматических и лексических явлений. Грамматическая разметка при этом будет соответствовать представленной в пособиях по РКИ грамматике. Метаязык поиска также должен быть адаптирован для неподготовленных пользователей этого корпуса.

При этом функциональная доступность корпуса не исключает присутствия преподавателя во взаимодействии учащихся с корпусным инструментом. Педагог по-прежнему должен рассказывать про сам ресурс, возможности поиска и организацию этого процесса, научить интерпретировать данные и, самое важное, объяснить, что корпус – это инструмент автономного исследователя, который, глядя на примеры, может делать выводы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ потребностей иностранных студентов и преподавателей РКИ и оценка их опыта обращения к НКРЯ являются ценной информацией для разработчиков корпусного ресурса. Изменения в структуре НКРЯ могут способствовать развитию российской корпусной лингводидактики как одному из направлений прикладной лингвистики и одновременно содействовать популяризации методов корпусного обучения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ kartaslov.ru.

² context.reverso.net.

³ По словам разработчиков НКРЯ, сегодня данная проблема решена с помощью нейросетевой разметки корпуса.

⁴ Респонденты делали отсылку к программе по измерению уровня сложности и читабельности текста «Текстометр» (<https://textometr.ru/>), где используется подобное шкалирование уровней.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лебедева М. Ю. Дано мне тело – что мне делать с ним? Применение корпусных технологий в лингводидактике РКИ // Русский язык за рубежом. 2020. № 6. С. 4–13. DOI: 10.37632/PI.2020.283.6.001
2. Савчук С. О. Полезные функции в НКРЯ: поиск по части слова и поиск с исключением ненужного элемента // Русская речь. 2019. № 1. С. 99–108. DOI: 10.31857/S013161170003978-4
3. Фидчук М. Ю. Мультимедийный русский корпус Национального корпуса русского языка как компонент аутентичной среды обучения инофонов русскому языку и культуре // Высшее образование сегодня. 2020. № 8. С. 39–43. DOI: 10.25586/RNU.NET.20.08.P.39
4. Янда Л. Студенты – пользователи Национального корпуса русского языка // Национальный корпус русского языка и проблемы гуманитарного образования / Под ред. Н. Р. Добрушиной. М., 2007. С. 60–73.
5. Alsolami T., Alharbi A. Saudi EFL learners' perceptions of the use of corpora in academic writing teaching // Studies in English Language Teaching. 2020. Vol. 8, No 4. P. 94–111. DOI: 10.22158/selt.v8n4p94
6. Boulton A., Cobb T. Corpus use in language learning: A meta-analysis // Language Learning. 2017. Vol. 67, No 2. P. 348–393.
7. Farr F. Evaluating the use of corpus-based instruction in a language teacher education context: Perspectives from the users // Language Awareness. 2008. Vol. 17, No 1. P. 25–43. DOI: 10.2167/la414.0
8. Poole R. “Corpus can be tricky”: revisiting teacher attitudes towards corpus-aided language learning and teaching // Computer Assisted Language Learning. 2020. P. 1–22. DOI: 10.1080/09588221.2020.1825095
9. Sinclair J. Trust the text: Language, corpus and discourse. London: Routledge, 2004. 224 p.
10. Sinha T. S. EFL learners' Perception of and attitude to corpus as a vocabulary learning tool // The Reading Matrix: An International Online Journal. 2021. Vol. 21, No 2. P. 106–119.

Поступила в редакцию 12.02.2024; принята к публикации 01.03.2024

Original article

Tatiana M. Obukhova, Senior Lecturer, Lomonosov Moscow State University, Leading Expert, Laboratory of Cognitive and Linguistic Studies, Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russian Federation)
ORCID 0000-0001-6933-5755; t.m.obukhova@gmail.com

USING CORPUS TOOLS IN APPLIED LINGUISTIC PROBLEMS

Abstract. The article deals with the role of corpus data in modern linguistics, especially in the context of using them for applied tasks, such as language teaching. The study draws on the National Corpus of the Russian Language as its primary data source, summarizing the usage of the corpus with the help of a quantitative analysis (survey) and graphical interpretation of the data. The study discusses the necessity to expand the functionality and adapt the user interface of the corpus resource for teachers of Russian as a foreign language and their students. It is suggested that the awareness of the problems and limitations in using the corpus will guide the developers towards establishing a new

sub-corpus specifically tailored for non-native Russian learners within the existing framework. Such steps are expected to enhance the accessibility of the corpus for both linguistic research and practical applications.

Key words: applied linguistics, corpus linguistics, Russian National Corpus, interface, tools, functions, survey, students and teachers

Acknowledgements. The article was financially supported as part of the state research assignment (project FZNM-2024-0003 “A comprehensive study of cognitive-emotional and linguistic factors of human communication in contemporary educational context”).

For citation: Obukhova, T. M. Using corpus tools in applied linguistic problems. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(3):114–119. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1032

REFERENCES

1. Lebedeva, M. Yu. I'm given a corpus – what to do with it? Corpus technologies in Russian language teaching and learning. *Russian Language Abroad*. 2020;6:4–13. DOI: 10.37632/PI.2020.283.6.001 (In Russ.)
2. Savchuk, S. O. Useful functions in Russian National Corpus: search by part of a word and search with the exclusion of an unnecessary element. *Russian Speech*. 2019;1:99–108. DOI: 10.31857/S013161170003978-4 (In Russ.)
3. Fidchuk, M. Yu. The multimedia Russian corpus of the National Corpus of the Russian Language as a component of the authentic learning environment for teaching Russian language and culture to non-Russian-speaking students. *Higher Education Today*. 2020;8:39–43. DOI: 10.25586/RNU.HET.20.08.P.39 (In Russ.)
4. Yanda, L. Students – users of the Russian National Corpus. *The Russian National Corpus and problems of humanitarian education*. (N. R. Dobrushina, Ed.). Moscow, 2007. P. 60–73. (In Russ.)
5. Alsolami, T., Alharbi, A. Saudi EFL learners' perceptions of the use of corpora in academic writing teaching. *Studies in English Language Teaching*. 2020;8(4):94–111. DOI: 10.22158/selt.v8n4p94
6. Boulton, A., Cobb, T. Corpus use in language learning: A meta-analysis. *Language Learning*. 2017;67(2):348–393.
7. Farr, F. Evaluating the use of corpus-based instruction in a language teacher education context: Perspectives from the users. *Language Awareness*. 2008;17(1):25–43. DOI: 10.2167/la414.0
8. Poole, R. “Corpus can be tricky”: Revisiting teacher attitudes towards corpus-aided language learning and teaching. *Computer Assisted Language Learning*. 2020;1–22. DOI: 10.1080/09588221.2020.1825095
9. Sinclair, J. Trust the text: Language, corpus and discourse. London, 2004. 224 p.
10. Sinha, T. S. EFL learners' perception of and attitude to corpus as a vocabulary learning tool. *The Reading Matrix: An International Online Journal*. 2021;21(2):106–119.

Received: 12 February 2024; accepted: 1 March 2024

НАТАЛЬЯ ВАЛЕРЬЕВНА ЧИКИНА

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук»
(Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0001-5419-3758; tchikina@krc.karelia.ru

Рец. на кн.: Современный удмуртский рассказ. Антология / Под общей редакцией А. Н. Варламова; Автор-составитель В. Г. Пантелеева. – М.: Литературный институт имени А. М. Горького, 2022. – 352 с. («Библиотека Дома национальных литератур»).

Для цитирования: Чикина Н. В. Рец. на кн.: Современный удмуртский рассказ. Антология / Под общей редакцией А. Н. Варламова; Автор-составитель В. Г. Пантелеева. – М.: Литературный институт имени А. М. Горького, 2022. – 352 с. («Библиотека Дома национальных литератур») // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 3. С. 120–121. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1033

Научно-образовательный и культурно-просветительский центр «Дом национальных литератур» Литературного института имени А. М. Горького выступил с инициативой создания и выпуска серии антологий национальных литератур для студентов и школьников, изучающих курс «Литература народов России». При поддержке данной организации в 2022 году вышло две книги: «Современный якутский рассказ» и «Современный удмуртский рассказ». Автор-составитель рецензируемой книги кандидат филологических наук В. Г. Пантелеева в настоящее время является доцентом Литературного института имени А. М. Горького, руководителем творческого семинара переводчиков художественной литературы.

Востребованность переводов определяется активной межэтнической коммуникацией. В 2016–2018 годах в России действовала Программа поддержки национальных литератур народов России, для реализации которой в регионах были созданы редакционные советы. Итогом этой работы стал выход пяти Антологий современной литературы народов России по жанрам: «Поэзия» (2017), «Детская литература» (2017), «Проза» (2018), «Драматургия» (2020) и «Художественная публицистика» (2021). Во всех этих антологиях представлено творчество писателей Удмуртии. Так, в томе прозы опубликованы авторские переводы рассказов В. Ар-Серги, миниатюр Е. Миннигараевой, переводы произведений Л. Нянькиной (пер. В. Болтышев, В. Емельянов).

Эти антологии представляют разные литературные традиции и нуждаются в серьезном научном анализе. Создание литературных антологий как на общероссийском, так и на региональном

уровне способствует консолидации творческих сил по развитию национальных литератур, развивает сотрудничество. Переводческая деятельность посредством русского языка позволяет познакомиться с достижениями литератур народов России, оказывая положительное влияние на весь литературный процесс в целом, а также помогает укреплению дружбы и взаимопонимания.

Открывает рецензируемую антологию обращение «К читателям», в котором кратко описаны особенности удмуртской литературы и принципы построения материала в книге. Каждый рассказ предваряет справка о прозаике. В книге представлено творчество двадцати писателей, следующих в хронологической последовательности их творческих биографий с 1970-х годов по настоящее время, а также персоналии одиннадцати переводчиков, среди которых и сама В. Г. Пантелеева, которая перевела для антологии рассказ В. Ар-Серги «Жемчужные бусы». Удмуртский историко-культурный словарь, размещенный в конце книги, помогает читателю узнать об этнографических реалиях, оставшихся без перевода.

Перед составителем стояла сложная задача по отбору оригинальных произведений на удмуртском языке, которые бы не только показали специфику удмуртской литературы, но и позволили рассматривать ее как единое целое в контексте общероссийской литературы указанного периода. Новизна антологии определяется не только тем, что «это первая антология удмуртской прозы, изданная в федеральном издательстве в постсоветский период» (с. 9), но и тем, что в ней приняли участие не только профес-

сиональные переводчики удмуртской прозы, но и студенты, взявшие на себя смелость представить читателям ранее не переведенные произведения.

В ряде произведений 1970–1980-х годов показана оппозиция «город – деревня». Социально-политические перемены в обществе того периода затронули многие регионы России и являлись общими. В первую очередь это коснулось сельских жителей. Укрупнение колхозов за счет неперспективных деревень, строительство крупных водохранилищ и комбинатов, выдача паспортов деревенским жителям способствовали оттоку населения из сельской местности и нашли отражение в литературе. В рассказах прослеживается мудрость удмуртов: пословицы и поговорки, приметы не только украшают текст, но и помогают понять мировоззрение народа.

Взаимопроникновение литератур народов России, происходящее благодаря переводам, проявляется во взаимопереводах. Так, например, рассказ С. Самсонова «Дядя» опубликован в антологии в переводе карельского прозаика С. Панкратова. В начале XXI века этот рассказ был переведен в Карелии на финский язык С. Молтса и опубликован в журнале «Carelia» (2008).

Наиболее активно переводческая деятельность была развита в 1960–1980-е годы, когда выходили целые книги с переводами произведений того или иного национального автора на русский язык. Так, увидели свет произведения С. Самсонова в переводе С. Панкратова в сборнике «Озимь зеленеет» (М., 1976). В современном мире, в том числе финно-угорском, художественный перевод становится целеустановкой, возможностью знакомства с культурой других народов, развитием языков.

Кропотливая и тщательная работа переводчиков, которые с предельной близостью передали смысл, стиль и индивидуальность прозаиков, заслуживает наивысшей оценки. Особенно это касается перевода этнографических реалий, составной части любой культуры.

Несомненно, антология «Современный удмуртский рассказ» не только найдет своего широкого читателя в России, но и может использоваться в учебном процессе при чтении курсов «Литература народов России», «Литература финно-угорских народов», будет подспорьем в научных исследованиях. Антология вносит большой вклад в популяризацию и развитие переводческой удмуртской литературы.

Поступила в редакцию 21.09.2023; принята к публикации 12.02.2024

Review

Natalya V. Chikina, Cand. Sc. (Philology), Senior Researcher, Institute of Linguistics, Literature, and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0001-5419-3758; tchikina@krc.karelia.ru

The book review: Contemporary Udmurt short stories. Anthology. (A. N. Varlamov, V. G. Panteleeva, Eds.). Moscow, 2022. 352 p.

For citation: Chikina, N. V. The book review: Contemporary Udmurt short stories. Anthology. (A. N. Varlamov, V. G. Panteleeva, Eds.). Moscow, 2022. 352 p. Proceeding of Petrozavodsk State University. 2024;46(3):120–121. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1033

Received: 21 September 2023; accepted: 12 February 2024

28 января 2024 года исполнилось 70 лет доктору филологических наук, профессору кафедры русского языка Института филологии ПетрГУ Зое Ивановне Минеевой.

Celebrating the 70th anniversary of Zoya I. Mineeva.

ЗОЯ ИВАНОВНА МИНЕЕВА

К 70-летию со дня рождения

Зоя Ивановна работает в сфере высшего образования более 40 лет. С 1981 года после окончания аспирантуры при кафедре русского языка Петрозаводского государственного университета преподавала на факультете начального образования в Карельском государственном педагогическом университете. В 1987 году защитила кандидатскую диссертацию «Динамика словоизменительных классов глагола в истории русского литературного языка XVIII–XX вв.» в Ленинградском государственном университете. В течение 11 лет была деканом факультета начального образования КГПА, устанавливала международные связи педвуза с университетами г. Йозенсуу (Финляндия), г. Ньюкасла (Великобритания) и др. В 1995–1998 годах входила в состав редколлегии международного журнала «Briges». С 2001 года до настоящего времени работает на кафедре русского языка ПетрГУ (с 2019 года в должности профессора).

В 2016 году Зоя Ивановна преподавала русский язык в Аньхойском государственном педагогическом университете (г. Уху, КНР). В 2017 году защитила докторскую диссертацию «Активные процессы в деривации неоагентов в современном русском языке (1960–2016 гг.): структурно-семантический и прагматический аспекты» в Национальном исследовательском Нижегородском госуниверситете.

З. И. Минеева успешно занимается научными исследованиями, выступает с докладами на международных конференциях в России и за рубежом. Зоя Ивановна – автор более 120 работ, в том числе статей в российских и зарубежных высокорейтинговых журналах, монографий, трех учебных пособий. *Зоотропы, неоагенты* – понятия, известные современной лингвистике прежде всего по научным трудам Зои Ивановны.

З. И. Минеева с 2014 года является членом Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам, имея свидетельство эксперта по специальности «Судебная лингвистическая экспертиза». Избрана членом Научно-методического совета Гильдии.

За успехи в подготовке студентов, руководство их научно-исследовательской деятельностью награждена Почетными грамотами города Петрозаводска, Республики Карелия, Министерства образования РФ.

Кафедра русского языка, коллеги по Институту филологии желают Зое Ивановне новых научных достижений и творческого долголетия!

EDN: FIGWBU

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ – 2023

В сентябре 2023 года в Петрозаводском государственном университете состоялась очередная Международная научно-практическая и научно-методическая конференция «Актуальные проблемы преподавания русского языка как иностранного в современном образовании – 2023», организованная кафедрой русского языка как иностранного и прикладной лингвистики Института филологии. В программный комитет конференции вошли ведущие исследователи в области РКИ из Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Петрозаводска, а также Беларуси и Китая. Начиная с 2021 года конференция проводится ежегодно в двух форматах – очно и онлайн. При проведении этой конференции был использован смешанный формат: пленарное заседание и заседания секций «Информационные технологии РКИ и специфика адаптации иностранных обучающихся», «Проблемные зоны русской лексики и грамматики в аспекте преподавания РКИ» проводились очно; заседания секций «Специфика изучения языковых единиц разных уровней в иноязычной аудитории», «РКИ в современном образовании: проблемы, решения, перспективы», «Русская культура и история в аспекте РКИ» проводились онлайн на базе платформы Jazz.

Конференция объединила в общей сложности более 90 участников из России, Беларуси, Китая и Вьетнама, представляющих крупнейшие ведущие вузы и языковые центры, в том числе Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Санкт-Петербургский государственный университет, Белорусский государственный университет, Даляньский политехнический университет (Китай), Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, Российский государственный аграрный

университет имени К. А. Тимирязева, Тюменский государственный университет, Тульский государственный университет, Северо-Западный государственный медицинский университет им. И. И. Мечникова и др.

В очном формате на нескольких дискуссионных площадках встретились специалисты из Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Волгограда, Тулы, Тюмени и Петрозаводска. Сотрудники издательства «Златоуст», специализирующиеся на разработке и выпуске учебных пособий по РКИ в печатной и цифровой форме, представили новые учебные пособия, в том числе по русскому языку в специальной сфере.

Целью конференции был обмен имеющимся опытом в сфере преподавания русского языка как иностранного, обсуждение проблемных вопросов преподавания РКИ и специальных дисциплин на русском языке в иноязычной аудитории, представление новых технологий при освоении различных уровней владения русским языком. Спектр представленных докладов был широк – от управления постановкой русских звуков иностранным обучающимся на начальном этапе обучения до использования специальных лингвистических корпусов и нейросетей в процессе преподавания РКИ. Среди тем, вызвавших оживленную дискуссию, можно выделить следующие: разграничение специфики преподавания русского языка как неродного в смешанной аудитории, обучение русскому языку в условиях плюрилингвальной образовательной среды, отражение этноязыковой картины мира в учебниках по РКИ, формирование у инофонов этноспецифичных представлений через призму изучаемого языка и др.

По итогам работы конференции был издан сборник трудов, индексируемый РИНЦ, часть статей опубликована в данном номере журнала «Ученые записки Петрозаводского государственного университета».

*А. А. Котов, к. филол. н., доцент, зав. кафедрой русского языка как иностранного и прикладной лингвистики ПетрГУ
andrewcot1972@yandex.ru*

Поступила в редакцию 01.02.2024; принята к публикации 01.03.2024

Scientific information

Andrey A. Kotov, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor,
Petrozavodsk State University
andrewcot1972@yandex.ru

**CURRENT ISSUES IN TEACHING RUSSIAN
AS A FOREIGN LANGUAGE IN MODERN EDUCATION – 2023**

Received: 1 February 2024; accepted: 1 March 2024

CONTENTS

<p>Editorial note ..... 7</p> <p>RUSSIAN LANGUAGE. NATIONAL LANGUAGES OF RUSSIA</p> <p><i>Lelis E. I.</i> MEDIA TEXT AS A MIRROR OF THE “MEDIA MAN” (FUNCTIONAL-STYLE ASPECT) ..... 8</p> <p><i>Mineeva Z. I., Nikolaev A. A.</i> NEW PREDICATIVES: WORD-FORMATION, SEMANTICS, AND USAGE..... 14</p> <p><i>Novak I. P.</i> NARROWING DIPHTHONGS IN THE KARELIAN DIALECTAL SYSTEM. .... 21</p> <p>THEORETICAL, APPLIED, AND COMPARATIVE AND CONTRASTIVE LINGUISTICS</p> <p><i>Tarlanov Z. K.</i> THE QUALITY OF STUDIED LANGUAGE MATERIAL AND LINGUISTICS AS A SCIENCE ..... 28</p> <p><i>Grunchenko O. M., Kuleva A. S.</i> REVISITING THE EXPLANATORY DICTIONARY ENTRIES FOR PLANT NAMES ..... 36</p> <p>RUSSIAN LITERATURE AND NATIONAL LITERATURES OF THE RUSSIAN FEDERATION</p> <p><i>Shilova N. L., Rumyantseva A. D.</i> METRIC FEATURES OF BORIS RYZHY’S BOOK OF POEMS <i>AND ALL THAT</i>..... 45</p> <p><i>Baranov N. I., Ergardt E. G.</i> EXPLORING THE CHARACTER OF SEMYON BASHKIN IN BORIS ZHITKOV’S NOVEL <i>VIKTOR VAVICH</i> ..... 53</p> <p>WORLD LITERATURES</p> <p><i>Mizonova A. N.</i> SPECIFIC CHARACTERISTICS OF THE MAIN CHARACTER IN FINNISH YOUNG ADULT DYSTOPIAN LITERATURE ..... 60</p> <p>FOLKLORISTICS</p> <p><i>Sukhotskaya I. V., Loiter S. M.</i> KARELIAN FOLK FAIRY TALE “KING DAVID”: EXPLORING CONVENTIONALITY AND IDENTITY OF THE GENRE ..... 67</p>	<p>INTERNATIONAL CONFERENCE «CURRENT ISSUES IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE IN MODERN EDUCATION»</p> <p><i>Markova E. M.</i> BILINGUAL ETYMOLOGICAL NEST IN THE LINGUISTIC AND LINGUODIDACTIC ASPECTS... 76</p> <p><i>Popova T. I.</i> INNER SPEECH IN THE COMPOSITIONAL STRUCTURE OF KSENIA BUKSHA’S NOVEL <i>ADVENT</i>..... 83</p> <p><i>Veselovskaya T. S.</i> SOCIOCULTURAL COMPONENT AS A MARKER OF TEXT COMPLEXITY (BASED ON RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE TEXTBOOKS) .. 91</p> <p><i>Dyachkova I. N.</i> LINGUISTIC FOUNDATIONS FOR STUDYING RUSSIAN NUMERALS BY FOREIGN LEARNERS .. 98</p> <p><i>Laposhina A. N.</i> UNIFIED WORD FREQUENCY PROFILE AS A TOOL FOR VOCABULARY SELECTION FOR LANGUAGE LEARNING..... 107</p> <p><i>Obukhova T. M.</i> USING CORPUS TOOLS IN APPLIED LINGUISTIC PROBLEMS ..... 114</p> <p>Reviews</p> <p><i>Chikina N. V.</i> The book review: Contemporary Udmurt short stories. Anthology..... 120</p> <p>Anniversaries</p> <p>Celebrating the 70th anniversary of Zoya I. Mineeva .. 122</p> <p>Scientific information</p> <p><i>Kotov A. A.</i> Current issues in teaching Russian as a foreign language in modern education – 2023..... 123</p>
--	---

СОВРЕМЕННЫЙ УДМУРТСКИЙ РАСКАЗ

В антологию включены сорок рассказов удмуртских писателей, созданные в последние десятилетия минувшего века и по настоящее время.

Удмуртская проза с момента своего зарождения в конце XIX столетия и доныне развивается в русле деревенско-почвенного направления с пристальным вниманием к труженику земли, нравственным устоям личности, с любовью к природе родных широт. Наряду в этом в удмуртской прозе новых поколений очевидны поиски постижения современности, сосуществующей на пограничье не только исторического времени, но и города и деревни; удмуртского и русского языков; этнической и общероссийской культуры.

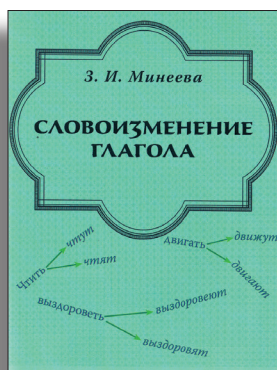
Полувековой диапазон появления рассказов позволяет увидеть динамику развития малых жанровых форм в удмуртской прозе, оценить тематические особенности ее сюжетостроения, полнокровность изображения национально самобытных характеров героев.

Современный удмуртский рассказ. Антология / Под общей редакцией А. Н. Варламова; Автор-составитель В. Г. Пантелеева. – Москва: Литературный институт им. А. М. Горького, 2022. – 352 с.

Отзыв на данное издание читайте в рубрике «Рецензии»

З. И. Минеева

СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ ГЛАГОЛА

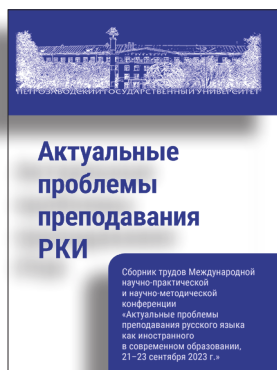

В пособии представлены основные морфологические классификации глаголов, охарактеризованы глаголы с вариантными формами и так называемые «недостаточные» глаголы. Показан процесс пополнения продуктивных классов новыми словами на основе анализа словарей новых слов. Особенности употребления вариантных и недостаточных парадигм глаголов рассматриваются на материале художественных и публицистических текстов, а также Национального корпуса русского языка.

Учебное пособие предназначено для студентов Института филологии Петрозаводского университета, обучающихся по программе бакалавриата и магистратуры.

Минеева, Зоя Ивановна. Словоизменение глагола : учебное пособие / З. И. Минеева ; М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования Петрозав. гос. ун-т. – Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2023. – 72 с.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ

В сборник вошли тексты докладов и статьи Международной научно-практической и научно-методической конференции «Актуальные проблемы преподавания русского языка как иностранного в современном образовании, 21–23 сентября 2023 г.», прошедшей в Петрозаводском государственном университете. Исследования участников посвящены актуальным вопросам преподавания русского языка для иностранных граждан в вузах, языковых центрах и школах в России и за рубежом.

Издание адресовано преподавателям, аспирантам, специалистам в области РКИ, а также студентам гуманитарных факультетов.

Актуальные проблемы преподавания РКИ : сборник трудов Международной научно-практической и научно-методической конференции «Актуальные проблемы преподавания русского языка как иностранного в современном образовании, 21–23 сентября 2023 г.» / М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования Петрозав. гос. ун-т. – Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2024. – I CD-ROM.

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ МИР ПОЭЗИИ СЕРГЕЯ ОРЛОВА

Автор в течение многих лет занимался исследованием творчества поэтов, оставивших заметный след в русской литературе второй половины XX века и принадлежавших сообществу писателей, объединенных схожестью идейно-эстетических принципов творчества и его проблематики. Материалы монографии были опубликованы ранее в международных и российских научных сборниках, в местной прессе; была защищена кандидатская диссертация.

Издание предназначено для студентов-филологов, студентов других специальностей и направлений бакалавриата и магистратуры, изучающих курс русской литературы XX века, а также для всех, интересующихся творчеством известного поэта-фронтовика Сергея Сергеевича Орлова и русской поэзией XIX–XX вв.

Захарченко, Светлана Олеговна. Универсальный мир поэзии Сергея Орлова / С. О. Захарченко ; М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования Петрозав. гос. ун-т. – Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2023. – 234 с.

ISSN 2542-1077

9 772542 107004